

ВЫДАЮЩИЕСЯ
ДЕЯТЕЛИ
НАУКИ
И КУЛЬТУРЫ
В ПЕТЕРБУРГЕ-
ПЕТРОГРАДЕ-
ЛЕНИНГРАДЕ

В. Д. Мелентьев

КУТУЗОВ в Петербурге

ЛЕНИЗДАТ
1986

КУТУЗОВ
в Петербурге
В. Д. Мелентьев

88

ВЫДАЮЩИЕСЯ
ДЕЯТЕЛИ
НАУКИ
И КУЛЬТУРЫ
В ПЕТЕРБУРГЕ —
ПЕТРОГРАДЕ —
ЛЕНИНГРАДЕ

В. Д. Мелентьев

КУТУЗОВ

в Петербурге

Лениздат
1986

63.3(2)а2
М-47

Рецензент —
доктор исторических наук,
профессор Л. С. Семенов

М 1304010000-174 162-86
М171(03)--86

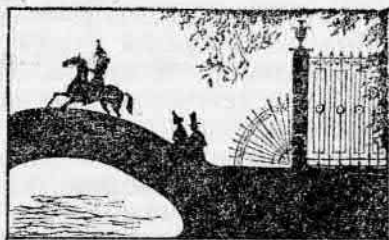
© Лениздат, 1986

Имя великого сына русского народа Михаила Илларионовича Кутузова широко известно как в нашей стране, так и за ее пределами. Полководческой и дипломатической деятельности его посвящены многочисленные произведения научной и художественной литературы. Но какое место в его жизни занимал наш город, тогда — Петербург, широким кругам читателей почти неизвестно. Однако здесь полководец родился и провел свои детские и юношеские годы. По окончании Петербургской артиллерийско-инженерной школы Кутузов занимал в ней должность учителя математики; около года он командовал в столице ротой Астраханского полка; в течение почти двух лет состоял членом комиссии, занимавшейся разработкой основ правосудия для Соборного уложения. С 1794 по 1797 год Кутузов руководил в Петербурге Кадетским корпусом, а в 1801 году стал военным губернатором столицы. Летом 1812 года Кутузов возглавил оборону и народное ополчение города. Из Петербурга генерал Кутузов, назначенный главнокомандующим, выехал в действующую армию.

Проведя большую часть жизни в военных походах и выполнении дипломатических поручений, Кутузов поддерживал прочные связи с семьей, жившей в столице, и постоянно находился в поле зрения правительства. В нашем городе покоится и прах полководца.

Автор надеется, что знакомство с книгой откроет перед читателем малоизвестные страницы жизни великого полководца, даст возможность более глубоко осмыслить содеянное им в эпоху, в которую он жил.

В списке литературы указаны лишь главные из источников, привлеченных в процессе создания книги.

«...ВЕЛИКИМ ГЕНЕРАЛОМ БУДЕТ»

В Санкт-Петербурге, 5 сентября 1745 года, в семье сподвижника Петра I генерала Иллариона Матвеевича Голенищева-Кутузова родился сын Михаил*.

Род Кутузовых, внесенный в I, II, III и IV книги дворян Новгородской, Псковской, Рязанской и Тверской губерний, был известен в России с давних времен. Предки их были боярами и окольными — командовали полками, возглавляли приказы, сидели в боярской думе.

Прослужив более тридцати лет в инженерных войсках, Илларион Матвеевич вышел в отставку в чине генерал-поручика и трудился на гражданском поприще. По его проектам возводились в столице мосты и различные здания. Еще в правление Елизаветы Петровны для спасения города от наводнений им был создан проект канала. Проект осуществили в 1760—1790-х годах. И. М. Голенищеву-Кутузову была пожалована «золотая табакерка, осыпанная бриллиантами», канал же был назван по имени императрицы Екатерининским (с 1923 года — канал Грибоедова). Заняв пост сенатора, Голенищев-Кутузов обнаружил незаурядные способности государственного деятеля. Всякое важное дело в Сенате считалось окончательно решенным лишь после того, как Илларион Матвеевич, рассмотрев его, «сказывал на оное свое мне-

* Все исторические даты приводятся по старому стилю.

ние». В трудных обстоятельствах многие шли за советом к нему, отчего и прозван был он «Разумной книгой». Жена его (в девичестве Беклемишева) вскоре после рождения сына Михаила умерла, и детство ребенка не было согрето нежной материнской лаской.

Отец постоянно отсутствовал, то находясь в походах, то занятый строительством оборонительных сооружений.

Воспитанием Михаила в отсутствие отца занималась бабушка со стороны матери (происходившая из рода Бедринских). Ее заботами мальчик рос здоровым, «уже в младенчестве подавая о себе прекрасные надежды, являя сложение крепкое и совершенную дородность».

Глубокий след в его воспитании оставил ближайший родственник — двоюродный брат отца адмирал Иван Логинович Голенщев-Кутузов. Выпускник Морского кадетского корпуса, он в течение сорока лет бессменно руководил этим единственным военно-морским учебным заведением России. Начав свою службу с младшего офицера флота, закончил ее Иван Логинович в чине президента Адмиралтейской коллегии. Это был энергичный, всесторонне образованный человек. В 1765 году его избирают депутатом Торонецкого дворянства для составления проекта обновленного Соборного уложения*. Он же — член «комиссии российских флотов», генерал-казначей, учитель «морских наук» цесаревича Павла, автор первой истории российского флота — «Собрания списков, содержащих имена всех служивших в Российском флоте флагманов, обер-стюрвейеров и корабельных мастеров»; один из составителей первого толкового словаря русского языка; переводчик известного труда П. Госта «Искусство военных флотов» и антиклерикального философского романа Вольтера «Задиг, или Судьба». В 1783 году

* Соборное уложение — свод законов Русского государства с 1649 года до I половины XIX века.

Иван Логинович становится членом Российской Академии.

Для своего племянника, оставшегося без матери и редко видевшего отца, адмирал оказался самым близким человеком: покровителем в детстве и руководителем в юности, наставником в молодости, советчиком и верным другом в зрелые годы.

От Ивана Логиновича мальчик узнал, что род Кутузовых происходит из славян, обитавших в древние времена на запад от Вислы. Избегая притеснений со стороны крестоносцев, предок их, «честных правил и примерного поведения муж по имени Гавриил», в середине XIII столетия «явился к великому князю Александру Ярославичу (Невскому), был принят весьма милостиво и помещен... в число воевод и бояр сего воинственного государя». Участвуя в 1240 году в знаменитой битве со шведами при Ижоре, Гавриил показал отвагу и воинские способности. В пылу боя, ворвавшись на боевом коне во вражеский стан, он нещадно разил супостатов.

Юноша Кутузов не один раз бывал на месте былого сражения, в Усть-Ижоре (в 1957 году по инициативе военной общественности Ленинграда там установлена гранитная стела, напоминающая о замечательной победе русского народа).

В старину людям присваивались прозвища по наиболее ярким чертам их облика, характера, манеры поведения. Так, праправнук Гавриила Федор Александрович, возможно за дородность свою, был прозван Кутузом*. Отсюда и пошла фамилия. Сын Федора боярин Василий в 1447 году послан был великим князем Василием Темным к князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке для убеждения «отпустить мать его великую княгиню Софью, которую сей последний, по взятию Москвы во время бегства своего в Каргополь, захватил в Чухломе». «Сне

* Кутуз — подушка, на которой плетут кружева.

дипломатическое препоручение боярин Василий Кутузов выполнил с желаемым успехом». Позднее волею царя Ивана Грозного дочь Андрея Кутузова (потомка Федора) — Мария была выдана замуж за казанского царя Симеона. У Федора Александровича был также брат Ананий, сына которого — Василия прозвали в просторечье Голенищем. Так в фамилии Кутузовых образовалась новая ветвь — Голенищевых-Кутузовых, кои также с немалым успехом исполняли разные государевы службы. Многие из них были оружничьими — заведовали оружейной казной, арсеналом, а также полковыми и осадными воеводами. Дед же Михаила — Матвей Иванович Голенищев-Кутузов в смутные времена самозванцев оказал «немаловажные услуги отечеству».

В семье Кутузовых чтили память Петра I. Мальчик с интересом слушал рассказы о славных победах войска российского на суше и на море, о героических свершениях великих предков.

Еще в детстве, хорошо овладев французским и немецким языками, Михаил пристрастился к чтению, пользуясь прекрасной библиотекой дяди. В его доме, находившемся на территории Морского кадетского корпуса (ныне здесь, на набережной Лейтенанта Шмидта, 17, расположены здания Высшего ордена Ленина Краснознаменного ордена Ушакова военно-морского училища имени М. В. Фрунзе) он часто видел ученых и писателей, передовых офицеров корпуса сухопутных войск и флота.

Будучи постоянно в обществе высокообразованных людей, мальчик быстро развивался. Притом он был столь любознателен, что готов был целый день расспрашивать взрослых, подчас предлагая такие вопросы, ответить на которые было непросто.

Генерал и адмирал Голенищевы-Кутузовы готовили сына и племянника к военной службе. Необходимое образование в ту пору можно было получить в Сухопутном

и Морском кадетских корпусах, да в Артиллерийской и Инженерной школах.

Выбор пал на последнюю. По-видимому, сказалась семейная традиция. Еще в 1737 году эту школу окончил Илларион Матвеевич. Двадцать лет спустя воспитанником Инженерной школы стал его сын Михаил.

Основанная в 1712 году Петром I в Москве и переведенная в 1733 году в Петербург, «дабы быть под непосредственным надзором» царя, школа разместилась в Инженерном дворе на Городовом острове. Она расположилась на набережной реки Ждановки, в строениях, ранее принадлежавших графу Миниху (ныне здесь, на набережной Ждановки, 13, размещен Военный Краснознаменный инженерный институт имени А. Ф. Можайского).

Школа являлась средоточием русской военно-инженерной мысли. Воспитанники ее получали основательные по тем временам знания и впоследствии успешно возглавляли строительство оборонительных сооружений и каналов. Они же внесли немалый вклад в разведку и освоение природных богатств Урала и Сибири.

К моменту поступления Михаила Кутузова в школу это было военно-учебное заведение закрытого типа, мало отличавшееся от кадетских корпусов. Различными были сроки обучения, определенные четырьмя — шестью годами (против пятнадцати в кадетских корпусах), да состав воспитанников, представленный в основном офицерскими детьми и детьми незнатных дворян.

С приходом к руководству школой инженер-капитана М. И. Мордвинова, при шефстве прадеда А. С. Пушкина генерал-майора А. П. Ганнибала, состояние дел в учебном заведении изменилось к лучшему. Появились новые учебники, больше внимания стало уделяться практике, улучшились общий порядок, оборудование рекреаций, организованность и особенно дисциплина. Молодых людей «стали содержать весьма строго и за проступки

„штрафовать фуктель” — наказывать шомполами, а позднее розгами. В основе обучения лежали инженерное дело и фортификация. Много внимания отводилось общему образованию. Преподавались алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, словесность, история, география, иностранные языки и богословие.

Для учеников школы была определена форма одежды, которая состояла из красного суконного сюртука с черными плисовыми воротником и общлагами, черных штанов и шляпы с бантом.

Заниматься «чистой инженерией» Кутузову, однако, пришлось недолго. Назначенный к руководству учебными заведениями генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов составил проект преобразования школы в Артиллерийско-инженерный кадетский корпус, но «по недостатку средств» предложил Инженерную школу объединить с Артиллерийской в одну, под свою личную «особую дирекцию». С 1758 года учебное заведение стало именоваться Объединенною Артиллерийской и инженерной школою, преобразованной позднее во Второй кадетский корпус. Артиллерийская школа при этом была переведена с Литейного двора на Инженерный.

В программу обучения были внесены существенные коррективы. Большое место стали занимать артиллерия и тактика. Особое внимание по-прежнему уделялось изучению точных наук как основ к познанию артиллерийского и инженерного дела.

На преподавательскую работу в школу были привлечены лучшие по тому времени специалисты: известный артиллерист И. А. Вельяшев-Волынец — автор труда «Артиллерийские предложения» и не менее известный математик Я. П. Козельский — автор книг «Математические предложения» и «Механические предложения». Воспитанники школы к тому же имели возможность слушать лекции «великого мужа» Михаила Ломоносова.

В часы, свободные от службы, давал уроки сыну и

сам генерал Кутузов, строго оценивавший знания подростка.

Учение давалось Михаилу легко. То, что другие постигали за неделю, он осваивал за два-три дня. Посвящая все свободное время чтению книг в хорошо укомплектованной библиотеке школы, многое он изучил в объеме гораздо большем, чем предусматривалось программами. Обладая склонностью к точным наукам, Кутузов отлично изучил математику, фортификацию, артиллерию и инженерное дело. Однако он хорошо познакомился и с философией, отлично знал историю и словесность, интересовался науками юридическими и общественными, отменно владел французским и немецким языками, позднее изучил польский и английский, мог объясняться по-шведски и по-турецки, знал латынь.

Но детство есть детство, и двенадцатилетний мальчик вместе со своими сверстниками участвовал в потасовках с «враждующим станом» — кадетами Шляхетского корпуса, презрительно именуемыми «красной говядиной». Впрочем, прозвища — Голенище — не избежал и Кутузов.

Крепко сложенный, красивый, общительный, способный, смелый и «оборотистый на язык» юноша вскоре был замечен учителями. Особую благосклонность к нему проявил полковник М. И. Мордвинов — помощник Шувалова по Артиллерийской и инженерной школе, практически руководивший ею.

Именно он обратил внимание Шувалова на способного воспитанника. В течение 1759 года Михаила Кутузова производят в «артиллерию капралы», в «артиллерию капитанармусы» и, наконец, приказом генерал-фельдцейхмейстера Шувалова от 10 декабря того же года: «...капитанармус Михаил Кутузов за его особенную прилежность и в языках и в математике знания, а паче что принадлежит до инженера имеет склонность, в поощрении прочим, сего числа произведен мною в инженерный кор-

пус первого класса кондуктором... Кутузову, сей кондукторский чин объявя, в верности службы привести к присяге и оставить по-прежнему при школе, к вспоможению офицерам для обучения прочих».

Таким образом, курс обучения в школе был завершен Кутузовым досрочно — всего за два года. При этом четырнадцатилетний подросток из учеников переходит сразу в учителя.

Полтора года Михаил Кутузов ведет занятия по арифметике и геометрии. Судя по всему, дела его идут неплохо, поскольку в январе 1761 года его производят в первый офицерский чин. Пользуясь большей самостоятельностью, он по-прежнему старательно пополняет свои знания.

Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше. Однако полный энергии молодой человек, желая на деле применить полученные знания, стремится в войска.

В марте 1761 года он уже командир роты Астраханского пехотного полка. Есть основания полагать, что к определению шестнадцатилетнего прапорщика Кутузова в Астраханский полк был причастен его дядя Иван Логинович. Полк находился неподалеку от Петербурга, в Старой Ладоге. В числе других полков «астраханцы» привлекались к несению караульной службы в столице, что давало Ивану Логиновичу надежду по-прежнему влиять на юношу.

К огорчению адмирала, планы его оказались мало выполнимы. Юному командиру роты было не до наездов в Петербург. В тех же редких случаях, когда удавалось это сделать, юноша с увлечением рассказывал о полковых делах. Михаила поражала личность командира полка Александра Васильевича Суворова, его приемы обучения тактике боя, манера обхождения с подчиненными, отношение к обмундированию и внешнему виду солдат. Получалось, что непрменные атрибуты — косы, букли и пудра — интересовали полковника мало, впрочем так же

как и плац-парадная муштра. Зато в нарушение существовавших артикулов солдаты-астраханцы совершали марши на расстояния значительно большие, чем предусматривалось суточным переходом. Погода, время года и суток во внимание не принимались. Полк с ходу искусно бросался на «неприятеля» и столь же искусно при необходимости ретировался. Умело поражал огнем «противника» в рассыпном строю и встречал ошестившимися штыками каре его «кавалерию», а затем с ружьями наперевес шел в «штыковую атаку», не останавливаясь, как было принято, перед «супостатом», а непременно «преодолевая» всю глубину его линейного построения.

Суворовские солдаты, поставив в тылу «оборонявшихся войск» лукошки с овсом, приучали лошадей под холостую стрельбу преодолевать сопротивление «вражеской пехоты», дабы добраться до лакомства.

При этом полковой командир совершал марши вместе с солдатами, ел из общего котла и спал по-солдатски, завернувшись в шинель. Освободившись, полковник с букварем под мышкой спешил в созданную им же школу обучать грамоте солдатских детей.

С командованием ротой прапорщик Михаил Кутузов справлялся хорошо. В отличие от многих офицеров, числившихся в полку лишь по списку, он всегда был на месте, много сил отдавая обучению подчиненных, и сам познавал нелегкую солдатскую жизнь.

Постигая суворовскую «науку побеждать», Кутузов стал одним из лучших учеников полководца.

Служба в Астраханском полку прервалась совершенно неожиданно. Во время одного из смотров на молодого, расторопного и хорошо обученного офицера обратила внимание императрица Екатерина. Повелением императора Петра III в марте 1762 года Кутузова назначили флигель-адъютантом к родственнику царской фамилии ревельскому военному губернатору принцу Гольштейн-Бегскому.

В Ревеле Михаил Кутузов заведует канцелярией, выполняя различные поручения, часто ездит в Петербург. Однако придворная служба тяготит его. Заприметив это, практичная императрица однажды спросила: «Не желает ли молодой человек отличиться на поле чести?» «С большим удовольствием, всемилостивейшая государыня!» — ответил воспрянувший духом юноша.

В 1764 году Кутузов в составе русских войск в Польше. Шляхетская Речь Посполита, раздираемая классовыми и национальными противоречиями, находилась в ту пору в состоянии глубокого кризиса. Это давало возможность Австрии, Пруссии и России постоянно вмешиваться во внутренние дела государства. Участие в польских событиях 1764 года было малозначимым для военной биографии молодого офицера. В 1767 году он снова в столице.

Екатерина II к тому времени решила заменить устаревшее законодательство — Соборное уложение 1649 года — обновленным.

Необходимость этого объяснялась изменениями в социально-экономическом развитии страны и усилением как борьбы крепостных крестьян против засилья помещиков, так и обострением сословных противоречий, усилившихся в связи с выходом на арену истории буржуазии. Составление нового уложения было поручено комиссии из 573 депутатов. Для изучения поступивших наказов и прошений «о нуждах и отягощениях», для записей выступлений на заседаниях и подготовки проектов новых положений было образовано девятнадцать подкомиссий. В числе немногих военнослужащих, привлеченных к работе в подкомиссиях, был и капитан Михайло Голенищев-Кутузов. Кутузову в течение двух лет пришлось трудиться в юстицкой подкомиссии. За это время им было составлено множество различных документов и запротоколировано одиннадцать заседаний. Находясь в комиссии, он оказался в гуще социальной, экономической и

политической жизни страны. В наказах избирателей и выступлениях депутатов со всей остротой обнажились противоречия эпохи; дворянство боролось с зародившейся буржуазией за сохранение своего привилегированного положения в обществе; купечество ратовало за протекционизм в торговле; отстаивали свои права духовенство и казачество. Не слышно было только голоса крепостного крестьянства, лишенного избирательных прав.

Критика крепостного права не была для Кутузова чем-то новым. Разговоры на эту тему велись нередко, особенно в кругу учителей Артиллерийско-инженерной школы. Поражало другое. Теперь один из них, Яков Козельский, будучи депутатом по составлению нового Соборного уложения, изобличал крепостную систему публично.

Здесь же, в юстицкой подкомиссии, Кутузов познакомился и подружился с молодым человеком передовых убеждений Николаем Новиковым, будущим известным русским просветителем.

Новому Соборному уложению, однако, не суждено было увидеть свет. Напуганное революционными событиями на Западе и участвовавшими крестьянскими бунтами, опасаясь дворянской оппозиции, правительство прекратило дальнейшую работу по составлению его. И тем не менее двухлетнее пребывание в составе комиссии оставило глубокий след в душе молодого офицера. Кутузов познал расстановку социальных сил в России, ее политическую и экономическую жизнь.

Часто бывая у дядюшки, Михаил сблизился с Екатериной Бибиковой. Оставшись рано без матери, девочка оказалась под покровительством своей старшей сестры Авдотьи Ильиничны — жены Ивана Логиновича. Тонкая, изящная, черноглазая, экспансивная Катюша пленила сердце молодого человека.

В 1769 году, в связи с роспуском комиссии, Михаил Кутузов снова направляется в Польшу. А еще через год

в Бессарабской армии фельдмаршала П. А. Румянцева оказались вместе отец и сын Кутузовы.

Россия уже в течение двух лет вела войну с Турцией за выход к портам Черноморского побережья. Кутузов-младший получил опыт штабной работы в войсках Баура и Эссена. Здесь же произошел случай, наложивший глубокий отпечаток на характер будущего полководца.

С общительным и открытым нравом, с чувством юмора Кутузов соединял удивительную черту — способность к подражанию. В веселую минуту он искусно изображал окружающих мимикой, жестами, выговором, походкой и хватками, что вызывало смех у друзей. На одной из офицерских вечеринок не пощадил он и главнокомандующего, представив Румянцева в смешном виде. Кто-то донес об этом. Разгневанный фельдмаршал приказал Кутузова-младшего из армии удалить. Заступничество отца не помогло. Состоялась длительная и довольно неприятная беседа его с Михаилом, суть которой свелась не только к житейскому «умей держать язык за зубами», но и к выводу — «умей владеть собой». С тех пор, как свидетельствуют очевидцы, Кутузов стал «сдерживать порывы своего остроумия», в характере его появилась даже скрытность.

Со временем он приобрел дипломатический опыт и умение узнавать у собеседника все, что было ему нужно, тогда как собеседник не мог выведать у Кутузова ничего. Будучи известным генералом, Кутузов говорил: «Подушка, на которой спит полководец, и та не должна знать его мыслей».

В 1772 году майор Михайло Голенищев-Кутузов был переведен в Крым, в действующую армию генерал-аншефа М. В. Долгорукова.

Это был период «повзреления» молодого офицера и раскрытия его военных дарований. Лучший из учеников Суворова поражает всех своей сообразительностью, на-

ходчивостью и храбростью, что не остается незамеченным не только соратниками, но и Петербургом.

Осенью 1775 года о подполковнике Михаиле Кутузове в столичных салонах заговорили много и взволнованно. 23 июня, героически возглавив атаку гренадер у деревни Шумы (неподалеку от Алушты, в Крыму) он был тяжело ранен*. Пуля, ударив в левый висок, вылетела у правого глаза или, как было сказано в формуляре: «Был ранен пулей навывлет в голову позади глаз». Врачи единодушно приговорили раненого к смерти, сожалея лишь о его страданиях. Однако Кутузов, к общему удивлению, начал понемногу поправляться и в конце года был уже в Петербурге, вызывая к себе всеобщий интерес. О Кутузове появились статьи в газетах и медицинских журналах. Позже поэт Гаврила Романович Державин посвятил Кутузову оду «На парение орла», где есть такие слова:

...смерть сквозь главу его промчалась.
Но жизнь его цела осталась!

Интерес к Кутузову проявила и императрица. Известно, что она несколько раз приглашала его в Зимний и подолгу беседовала с ним. Проницательная и хорошо разбиравшаяся в людях, она заявила: «Кутузова беречь надобно. Он у меня великим генералом будет».

В январе 1776 года по указу императрицы Михаил Илларионович отправляется на год за границу для лечения ран, с сохранением жалованья и дополнительной выдачей из казны тысячи червонцев. Еще до отъезда из Петербурга подполковник получил здесь свою первую боевую награду — орден святого Георгия IV класса.

Находясь за границей, Кутузов оставался верен себе. Одновременно с лечением внимательно знакомился он

* Ныне деревня Шумы переименована в Кутузовку. Здесь, по пороге, из Симферополя на Алушты, в память о бое и ранении Кутузова установлена мемориальная доска.

с военным искусством западных стран. В 1777 году Кутузов возвратился в Петербург.

В столице судьба снова свела его теперь уже с генералом Александром Васильевичем Суворовым. Михаилу Илларионовичу предстояло выехать в Таврию в качестве его помощника.

Положение в Крыму к тому времени стало довольно напряженным. Победа в минувшей войне не разрешила окончательно черноморской проблемы. Несмотря на то, что Крым был объявлен независимым от Турции, последняя, опираясь на татарскую знать и своего ставленника Давлет-Гирея, стремилась снова овладеть им.

Суворов и Кутузов вместе выехали из Петербурга на юг, «дабы окончить политикою дело начатое оружием». Люди с противоположными по складу характерами, но общими взглядами на «порядок вещей», именно здесь они сблизились и подружились, оставшись единомышленниками на всю жизнь.

Деятельностью Кутузова в Крыму Петербург был доволен. Решительный и энергичный в «расеянии скопищ» Давлет-Гирея — ставленника турецкого султана, Кутузов в то же время с удивительным тактом и ловкостью в обращении способствовал объявлению лояльного к России Шагинь-Гирея крымским ханом и переселению греков и армян в Екатеринославскую губернию, установлению общего спокойствия.

Пребывание на юге на этот раз оказалось более длительным. Кутузов прошел все должности от командира полка до командира корпуса. Рескриптами из Петербурга он получает воинские звания: полковника, бригадира и генерал-майора. Его связи с Петербургом весьма оживлены, подтверждением чему переписка, частые наезды в столицу и наконец весьма важное событие в личной жизни.

9 мая 1778 года Михаил Илларионович вступает в брак с дочерью генерал-поручика Ильи Александровича

Бибикова — Екатериной. Екатерина Ильинична, несмотря на столь ужасное ранение ее будущего мужа, по-прежнему любила его. Любила и всю жизнь, перенося трудности и невзгоды. Любила за ум, доброту, бескорыстие и великодушие. Любила за трудную солдатскую судьбу и великое мужество, за готовность полностью отдать себя служению для отечества.

Женитьбой на Бибиковой родственные связи Кутузовых с семьей Ивана Логиновича упрочились еще более.

Екатерина Ильинична, по словам современников, была женщиной привлекательной, образованной, хорошо знавшей музыку, искусство и литературу. В молодые годы она часто сопровождала мужа в походах и делила с ним тяготы солдатской жизни.

В период командования Луганским полком Кутузов приобрел еще одного большого друга. Судьба свела его с дальним родственником — Алексеем Михайловичем Кутузовым, человеком широкого кругозора и прогрессивных взглядов. Алексей Михайлович был приятелем и единомышленником писателя-революционера Александра Николаевича Радищева.

Позднее петербургские события «с преданием анафеме» сочинения «Путешествие из Петербурга в Москву» немало взволновали супругов. Ведь книгу свою Радищев посвятил Алексею Михайловичу Кутузову...

В последующем Екатерине Ильиничне становилось все труднее навещать мужа, находившегося постоянно в отъезде. Мешали не столько лета, сколько семейные обязанности: у Кутузовых было пять дочерей — Елизавета, Дарья, Прасковья, Анна, Екатерина и сын Николай.

Приходилось жить в постоянном ожидании приезда супруга то в отпуск, то по подвернувшейся okazji. Впрочем, случались и внеочередные отпуска. В сентябре 1784 года Кутузов приезжает на месяц в столицу в связи со смертью отца.

Илларион Матвеевич, оставив пост сенатора «за приключившейся болезнью», скончался в своем имении — селе Тупино Торопецкого уезда Псковской губернии. Отслужив молебен в церкви Христова воскресения, построенной отцом в Терebinском приходе, побывав на родительской могиле, Михаил Илларионович прибыл в Петербург.

Канцелярская волокита и бюрократизм, связанные с разделом наследства, а также бездорожье, вызванное непрерывными осенними дождями, которое вынуждало его обращаться с нижайшей просьбой в военное ведомство о продлении отпуска, делали пребывание в Петербурге на сей раз тягостным, несмотря на желанную встречу с семьей.

Из наследства Михаилу Илларионовичу отошли небольшие имения в Псковском и Екатеринославском наместничествах, «мужска полу 450 душ» и дом на Французской набережной в столице (ныне набережная Кутузова, 30). Остальное получили брат Семен и сестра Дарья.

Между тем служба в войсках продолжалась. Вскоре о Кутузове снова стали говорить в петербургских кругах как о весьма способном генерале. Причиной тому были не только его военные дарования, но и исключительное обаяние, выдержанность и такт. К тому же петербургская знать не могла не заметить явно благосклонного отношения к нему императрицы. Путешествуя по югу России, Екатерина II не только собственноручно вручила генералу орден Владимира II степени, но и отчитала его, прискакавшего на горячем коне: «Вы должны беречь себя. Запрещаю вам ездить на бешеных лошадях и никогда не прощу, если услышу, что вы не выполняете моего приказа».

Выказывая опасение, Екатерина II оказалась права. Во вновь начавшейся русско-турецкой войне в бою у крепости Очаков 18 апреля 1787 года Михаил Илларио-

нович был снова тяжело ранен. Пуля, ударив в левый висок, прошла по пути своей предшественницы, выйдя у правого глаза.

Случай был уникален. История войн не сохранила нам сведений о подобном. Очевидец столь опасного для жизни ранения принц де Линь писал: «Вчера опять прострелили голову Кутузова. Я полагаю, что завтра он умрет».

Новое столь же опасное и необычное ранение не осталось незамеченным в Петербурге. Все были поражены и ожидали скорого конца. Обеспокоенная императрица трижды обращается к главнокомандующему князю Потемкину. 31 августа: «Отпиши, каков Кутузов? Как он ранен и от меня прикажи наведываться». 18 сентября: «Пошли, пожалуйста, от меня наведаться, каков генерал-майор Кутузов. Я весьма жалею о его ранах...» А 7 ноября вновь обращается к Потемкину: «...отпиши ко мне... каков генерал Кутузов».

Родственники Кутузова и семья пребывали в скорби и страхе за его жизнь. Кутузов снова оказался на грани смерти и снова победил ее. Обратимся и на этот раз к записи в формуляре: «...сей опасный сквозной прорыв нежнейших частей и самых важных, по положению височных костей, глазных мышц, зрительных нервов, мимо которых на волосок... пролетела пуля, и мимо самого мозга... не оставя других последствий, как только, что один глаз несколько скосило». (Впоследствии правый глаз Кутузова стал постепенно угасать и наконец совсем потерял способность различать предметы.)

В особое изумление был повергнут медицинский мир. К сожалению, он оказался бессильным объяснить что-либо. Врач писал в своем заключении: «Надобно думать, что провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна». В медицинском же журнале по этому поводу говорилось: «Если бы случай, подоб-

ный этому, дошел до нас из истории, то мы приняли бы его за сказку».

Тем временем Кутузов, быстро поправившись от раны, принимает участие в штурме Очакова, начальствует над войсками, охранявшими турецкую и польскую границы, участвует в сражении за Гаджибею (с 1795 года — Одесса).

Осенью 1790 года он находится в составе войск, осаждающих крепость Измаил, борьба за которую приобрела исключительно важное значение. Вскоре в Петербурге стало известно, что решающая роль в овладении крепостью принадлежала колонне войск, которой командовал Кутузов. Все были чрезвычайно удивлены тем, что в самый критический момент, когда исход боя не был еще ясен, Суворов назначает Кутузова комендантом этой крепости. Когда после боя Кутузов обратился к Суворову с вопросом: «Что значило это назначение?» — Суворов ответил: «Ничего! Голенищев-Кутузов знает Суворова, а Суворов знает Голенищева-Кутузова. Если бы не взяли Измаила, Суворов умер бы под его стенами, и Голенищев-Кутузов тоже». «Он шел у меня на левом крыле, но был моей правой рукой», — напишет затем Суворов о Кутузове в Петербург.

Сам же Кутузов в письме Екатерине Ильиничне в Петербург о событиях измаильских сообщал: «...Я, слава богу, здоров и вчера к тебе писал с Луценковым, что я не ранен и бог знает как. Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся. Вчерашний день до вечера я был очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках, а ввечеру приехал домой, как в пустыню. Иван Ст. и Глебов, которые у меня жили, убиты, кого в лагере не спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью, и залился слезами».

25 марта 1791 года в Петербурге Екатерина Ильинична принимала поздравления по поводу присвоения ее мужу воинского звания генерал-поручика.

Затем были не менее ожесточенные бои при Бабадаге, о чем Г. А. Потемкин писал в Петербург: «...что касается до дела Бабадагского, то, не имея еще подробно о сем сражении рапорта, осмеливаюсь только просить о награждении командовавшего корпусом генерал-поручика Голенищева-Кутузова орденом святого Александра». А несколько позже русская армия внезапно появилась под крепостью Мачин и овладела ею. Колонне Кутузова и в этом сражении принадлежала главенствующая роль. И новая реляция в Петербург, на сей раз от генерал-аншефа Н. П. Репнина: «Расторопность и сообразительность генерала Голенищева-Кутузова превосходят всякую мою похвалу...»

В 1792 году Кутузов командует «главной частью русских войск» — корпусом во второй польской войне (начавшейся по тем же причинам). И очередная реляция в Петербург от генерал-аншефа М. В. Каховского: «Сей генерал, находясь в команде моей... исполнял всегда порученное ему с таким усердием и ревностью, как долг того требует».

Небезынтересно отметить, что восторженные отзывы о Кутузове давали Долгоруков, Потемкин, Репнин, Суворов, Каховский — люди, часто не имевшие между собой согласия. Однако все они были удивительно едины в оценке выдающихся способностей этого генерала.

Екатерина II была довольна тем, что отзывы, получаемые царским двором о Кутузове, совпадали с ее собственным мнением о нем. Однако она видела в Кутузове не только отменного военачальника, но и высоко ценила его широкий ум, образованность, сдержанность, находчивость и такт. По-видимому, это и явилось основанием к появлению, казалось бы, совершенно неожиданного царского рескрипта, в котором говорилось о намерении отправить его «чрезвычайным и полномочным послом к Порте Оттоманской». Кутузов был вызван в столицу «для получения надлежащих наставлений».

Осенью 1792 года Кутузов спешил в Петербург, заранее зная, что встреча с семьей будет нерадостной. Еще раньше Екатерина Ильинична сообщила ему прискорбную весть. Умер от свирепствовавшей в тот год оспы их единственный сын Николай.

Но беда не приходит одна. По приезде в Петербург Кутузов получил еще одно печальное известие — о смерти Алексея Михайловича Кутузова.

Зиму 1792/93 года Михаил Илларионович провел в столице. В ранге чрезвычайного и полномочного посла в Порте Оттоманской Кутузову предстояло выполнить сложные дипломатические поручения. Необходимо было вытеснить или, по крайней мере, уменьшить влияние Франции на Турцию и упрочить здесь положение России, обеспечить длительный мир между соседними государствами, проявляя при том «должную заботу о христианских народах Балкан, под шим варварским удрученным». Вместе с тем надлежало постоянно оценивать возможность новой войны с Турцией, поскольку определенные круги могли повлиять на султана и, «...представя ему силы турецкие во мнимой готовности, воспользоваться по личным видам своим первым случаем к разрыву с нами, маия его самолюбие надеждою возвратить области, оружием нашим завоеванные и многими договорами на вечные времена к империи нашей присоединенные», говорилось в инструкции послу.

Назначение боевого генерала на ответственный дипломатический пост вызвало немалые пересуды в столице. Видный дипломат В. П. Кочубей писал по этому поводу из Петербурга в Лондон посланнику С. Р. Воронцову: «Императрица вчера назначила генерал-лейтенанта Кутузова Михаила Ларионовича послом в Константинополь. Никто не ожидал подобного выбора, так как хотя человек он умный и храбрый генерал, но, однако, никогда его не видали использованным в делах политических».

Подготовка посольской миссии затянулась на четыре месяца. Часто бывая в Коллегии иностранных дел, в доме № 32 по Английской набережной*, Кутузов тщательно ознакомился с расстановкой политических сил, с состоянием экономики, с культурой, с особенностями быта и обычаев народов Османской империи. Столь же тщательно были изучены инструкции поведения посла при возникновении тех или иных ситуаций, определенные рескриптом Екатерины II и специальной секретной инструкцией «по делам политическим». Были также изучены верительные грамоты для вручения их султану Селиму III и великому визирю, а также письмо к нему от вице-канцлера И. А. Остермана.

Немало хлопот доставил подбор членов посольской миссии, насчитывавшей 650 человек, и различных подарков: золотых и серебряных вещей, драгоценных камней, парчи, шелков и многого другого для подношений султану и его приближенным.

Особое внимание посла обращалось на необходимость строжайшего соблюдения установленного ритуала, однако не допуская при этом ни малейшего ущемления престижа Российской империи.

Деятельностью Кутузова-дипломата Петербург был доволен. Михаил Илларионович весьма быстро снискал расположение Селима III и его матери Валидэ, имевшей большое влияние на формирование внешней политики Турции. «...С султаном я в дружбе, т. е. он при всяком случае допускает до меня похвалы и комплименты», — пишет Кутузов в Петербург. Доброжелательные отношения были установлены с великим визирем, с Капуданпашой и другими высшими сановниками. Успех Кутузова в константинопольском обществе был несомненным. Его умение с достоинством и непринужденно держаться,

* Здание это, сохранившееся до наших дней (набережная Красного Флота, 32), известно также как место службы А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова.

изумительная способность быть внимательным, занять собеседника интересным разговором ценились очень высоко. Великий визирь, Капудан-паша, люди, знавшие Кутузова по его боевой деятельности, никак не могли поверить, что человек, «столь ужасный в баталиях, мог быть столь любезным в обществе».

Все были поражены тем, что «престарелый рейс-эффенди*, которого никто не помнил улыбающимся, был весел и смеялся в обществе Кутузова».

Между тем, привлекая к себе людей и влияя на их умы, Кутузов успешно решал возложенные на него Петербургом дипломатические задачи. Недоразумения по некоторым статьям Ясского мирного договора** были устранены. Молдавский господарь, выгнавший митрополита, был смещен, а митрополит возвращен «к пастве своей». Беспрепятственное плавание русских купеческих судов в водах архипелага было обеспечено договорными обязательствами Порты. Успех сопутствовал и заступничеству за господаря Валахии.

Разумеется, не все так легко давалось чрезвычайному и полномочному послу. Западные державы, не заинтересованные в упрочении мирных отношений между Россией и Турцией, пытались всячески этому препятствовать. Началось усиленное распространение слухов о скором намерении Турции вступить в войну против России, что должно было обострить отношения этих держав. Кутузов, используя свои наблюдения и опыт военного челове-

* Рейс-эффенди — чиновник в Османской империи, занимавший пост, соответствующий посту министра иностранных дел или государственного секретаря.

** Ясский мирный договор 1791 года завершил русско-турецкие войны XVII—XVIII веков. К России отошли земли между Южным Бугом и Днестром. Подтверждались привилегии, предоставленные населению Молдавии и Валахии договором 1774 года. На Кавказе восстанавливалась граница по реке Кубани. Турция отказывалась от претензий на Грузию. К России отходили все Северное Причерноморье и Крым.

ка, категорически отверг это. «Безрассудно со стороны Порты предпринимать войну в нынешних обстоятельствах Европы еще более в рассуждении ее собственных дел», — доносил он в Петербург.

В письме же к Екатерине Ильиничне о своей посольской миссии он сообщает: «Хлопот здесь множество, нету на свете министерского посту такого хлопотливого, как здесь, особливо в нынешних обстоятельствах, только все не так мудрено, как я думал... Дипломатическая карьера, сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная».

Между тем в Петербурге ходили анекдоты, прославляющие дипломатические способности русского посла. Суть одного из них состояла в том, что якобы Кутузов в нарушение строжайшего указа, запрещавшего под страхом смерти посещение султанского гарема, однажды посетил оный, несмотря на сопротивление стражи. Казалось бы, «нечестивца», грубо нарушившего вековые устои Востока, и стражу, не исполнившую своих обязанностей, неминуемо ожидала суровая кара. Однако дипломатические способности Кутузова оказались и здесь настолько высоки, что Салим III вынужден был не только закрыть глаза на случившееся, но и поощрить стражников. Если в этом была какая-то доля истины, то Кутузов, по-видимому, хотел получить возможность «встретиться» с матерью Султана — Валидэ, имевшей на сына большое влияние, и показать дипломатам, аккредитованным в Константинополе, возросший авторитет России. Любого другого правителя Порты в этом случае без тени смущения отправили бы в «семибашенный замок», снискавший печальную славу.

Успешно выполнив дипломатическую миссию, Кутузов получил в марте 1794 года «отпускную аудиенцию у Султана» и в июле возвратился в Петербург.

Перед царским двором предстал не только талантливый генерал, но и блестящий дипломат.

ДИРЕКТОР КАДЕТСКОГО КОРПУСА

В сентябре 1794 года Петербург был потрясен. Еще бы! На должность директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса — должность, занимаемую доселе представителями августейшей фамилии или приближенными ко двору (Миних, Люберас, Ульрих, Гессен, Пурпур де Больмант и Ангальдт), назначался небогатый, далекий от двора генерал М. И. Кутузов.

Удивление удивлением, однако именной указ императрицы Правительствующему Сенату от 15 сентября 1794 года повелевал генералу-поручику Михайле Голенищеву-Кутузову быть главным директором Сухопутного кадетского корпуса.

Михайлу Илларионовичу предстояла сложная работа. Чтобы уяснить это, необходимо иметь представление о Кадетском корпусе, в должность руководителя которым он назначался.

Образование кадетских корпусов в России связано с именем Павла Ягужинского. Сын школьного учителя познакомился с юным Петром при посещении им немецкой слободы в Москве. Начав свою службу императорским денщиком*, он дослужился до чина генерал-прокурора, «являя око государево».

* Императорский денщик — офицер свиты Петра I для выполнения особых поручений.

Умный сановник, он в царствование Анны Иоанновны не только выдержал борьбу со всемогущим Бироном, но и возглавлял наиболее важные дипломатические миссии в столицах иноземных государств. Быстро схватывая новое, Ягужинский умело предлагал императрице свои «проекты».

Внимание его привлекли события в Копенгагене и в Берлине, где в начале XVIII века создавались кадетские корпуса. В 1730 году Ягужинский предлагает идею создания кадетских корпусов в России. Осуществление ее было возложено на президента государственной Военной коллегии фельдмаршала Миниха.

Необходимость создания корпуса кадет вызывалась тем, что образованные ранее Петром I военные школы по числу выпускаемых из них специалистов не удовлетворяли потребностей возросшей армии. К тому же установленный после Петра порядок записи дворянских детей в полки с пеленок вел к появлению в войсках огромного количества «мнимых офицерских душ». Все это вместе с отменой петровских правил о выдвижении на офицерские должности лиц недворянского происхождения создавало ощутимую нехватку хорошо подготовленных командиров. Вот почему в императорском указе Сенату от 29 июня 1731 года говорилось: «Хотя вечно достойная памяти дядя наш, государь Петр Великий, император, неусыпными своими трудами воинское дело в такое уже совершенное состояние привел... которое поныне еще в настоящем добром порядке содержится, однако ж, дабы такое славное и государству зело потребное дело наивыше в искусстве производилось, весьма нужно, дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали Мы: учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей».

Корпус предназначался для подготовки дворянских детей не только для военной, но и для гражданской

службы. Иными словами, по тем временам он «являлся одновременно и военной академией, и университетом».

Местом нахождения учебного заведения был определен Петербург — политический, административный и культурный центр страны: «Понеже молодым людям для наилучшего их учения полезнее бывает в таких краях быть, где бы родства и деревень или жительства их в близости не имели, а особливо в таких местах, у которых сродники и сами иногда в науках мало охотны, или в них силу признать не хотят, того ради мнится оному корпусу кадетов быть в Санкт-Петербурге, понеже там они, как в определенной при академии наук гимназии в разных науках обучены быть, а также от академии самой и вящему их в науках успеху потребные способы получить могут, и сверх того в Санкт-Петербурге всегда значное число войск, артиллерия и полный арсенал содержатся, а также и ежедневно гражданской и военной архитектуры строения открываются... не меньше же там и обхождению с разными иностранными нациями и к обучению их языкам больше и лучше случая имеется».

Шляхетский кадетский корпус решили разместить на Васильевском острове в бывшем Меншиковском дворце, где в ту пору «обреталась» Коллегия иностранных дел.

Однако дворянство не сразу оценило достоинства нового вида обучения, потому встретило царский указ без энтузиазма. Действительно, зачем нужно было русскому дворянину отдавать своего сына в кадеты, для получения первого офицерского звания к двадцати годам? Не проще ли было получить то же звание к десяти — двенадцати летам, не имея представления о военной службе. Словом, потребовалось издание еще двух указов, энергично призывающих дворян к записи своих детей в кадеты. Для начала же императрице пришлось записать в корпус пажей скончавшейся незадолго до этого царевны Прасковьи и первой жены Петра I Евдокии Федоровны.

17 февраля 1732 года были определены в кадеты первые пятьдесят шесть человек. За пажами после усиленных приглашений последовали сыновья знати.

Вскоре с ростом авторитета кадетских корпусов обучение в них дворянских детей становится не только популярным, но и престижным. Особое значение имел петербургский корпус. Отсюда вышли известные полководцы: П. А. Румянцев, М. В. Долгоруков, А. А. Прозоровский. Здесь пополнял свои военные знания молодой Александр Суворов. В корпусе учились будущие государственные мужи А. И. Мельгунов, А. В. Олсуфьев, литераторы А. П. Сумароков, М. М. Херасков, В. А. Озеров и другие.

Впрочем, корпус занимался не только подготовкой военных и штатских чиновников, но и актеров. В 1750 году в придворном театре кадетами корпуса была поставлена пьеса «Хорев». На следующий спектакль «Синав и Трувор» случайно попал пасынок ярославского купца Полушкина Федор Волков, на которого театр произвел неизгладимое впечатление. В 1752 году братья Федор и Григорий Волковы вместе с группой придворных «неравнодушных к театру» были также определены воспитанниками корпуса. Здесь была создана театральная труппа под руководством выпускников Н. И. Меллиссино, И. Остервальда и Н. С. Свистунова, которая стала первым учебно-театральным учреждением в России. А через четыре года в Петербурге был открыт Русский для представления трагедий и комедий театр. Труппа его была укомплектована выпускниками кадетского корпуса. Директором театра был назначен также воспитанник корпуса бригадир А. П. Сумароков. В том же году воспитанники корпуса братья Волковы создали первый русский общественный театр в Ярославле.

Для успешного руководства столь солидным учебным заведением требовались время, силы, энергия, жизненный опыт, педагогические дарования.

Назначение Кутузова на должность директора корпуса не было случайным. Многие помнили об успешном окончании им Артиллерийско-инженерной школы, где он был оставлен учителем, проявив уже тогда незаурядные способности педагога, а также опыт военачальника. Небезынтересно отметить, что в этот же период другим — Морским кадетским корпусом продолжал руководить дядя Михаила Илларионовича адмирал Иван Логинович Голенщев-Кутузов. Кто-то из современников заметил, что «подготовка доблестного офицерства государства Российского оказалась в руках рода Голенщевых-Кутузовых».

Есть все основания полагать, что царский указ не был для Кутузова неожиданностью. Уже на следующий день он приехал в Кадетский корпус и вступил в новую должность. Этого нельзя сказать о руководстве корпусом, поскольку (как свидетельствуют документы) корпус к встрече нового директора практически не был готов. Впрочем, это можно объяснить и другим — общей запущенностью состояния дел в учебном заведении.

Как бы там ни было, 16 сентября 1794 года исполняющий обязанности директора корпуса генерал-майор Карл Петрович Ридингер готовился к встрече нового шефа. Михаил Илларионович не заставил себя долго ждать.

Карета Кутузова следовала по Дворцовой набережной от Гагаринской пристани к Исаакиевскому мосту, соединявшему берега Невы у Сенатской площади. Проезжая мимо пышного Зимнего дворца, любуясь набережной Васильевского острова и панорамой Петропавловской крепости, великолешие которых подчеркивала широкая гладь Невы, генерал еще и еще раз обдумывал свои первые шаги в новой должности. Он и на сей раз был верен себе, полагая тщательную продуманность действий залогом успеха.

Вспоминая годы службы в Артиллерийско-инженер-

ной школе, Михаил Илларионович снова и снова убеждался в особенности предстоящей работы. Ему, познавшему нелегкий труд учителя, было ясно, что отождествлять руководство корпуса с деятельностью командира невозможно.

Михаил Илларионович хорошо понимал и то, что в каждом деле есть свое главное, нечто основное, чему должно быть подчинено все остальное, второстепенное. Этим главным для него сейчас стала подготовка офицеров для русской армии, способных решать великие задачи, к которым шла Россия на рубеже XVIII—XIX веков.

Генерала Кутузова, прибывшего к парадному подъезду Меншиковского дворца, встречал генерал Ридингер.

Перед несколько оробевшим Ридингером предстал вышедший из кареты человек средних лет, плотного сложения, с лицом, отмеченным шрамами. Правый глаз его был прикрыт черной, идущей наискось под шляпу повязкой. Нарядный с золотыми позументами мундир и поблескивающие из-под плаща ордена подчеркивали официальность момента.

Вежливо поздоровавшись, Кутузов прошел в кабинет, где попросил исполняющего обязанности директора доложить о состоянии дел. Из доклада старательного службиста следовало, что в корпусе по состоянию на 16 сентября 1794 года по штату состоит шестьсот кадетов. Кроме того, в штате имеются корпус чужестранных единоверцев и семьдесят мещанских детей для подготовки из них воспитателей. Сумма, отпускаемая казной на обучение и содержание воспитанников, составляет двести тысяч рублей в год. Обучаемые разделены на пять групп возрастов. Кадеты первого возраста находятся под женским надзором, остальные — под присмотром надзирателей-офицеров. Возрасты подразделяются на камеры, где также имеются воспитатели из гражданских лиц — аббаты. Обучение по предметам производится учителями. В помощь надзирателям, аббатам и учителям назна-

чаются унтер-офицеры, которые избираются из числа кадет.

Прием в корпус производится каждые три года. Принимаются дети в возрасте пяти-шести лет. Перевод из одного возраста в другой происходит через три года. Срок обучения в корпусе пятнадцать лет. Отпуска кадетам с выездом к родителям категорически запрещены, и в личном деле каждого на это имеется письменное согласие родителей.

Увольнение в городской отпуск — только по воскресеньям по пятнадцать — двадцать человек от возраста со строжайшим соблюдением установленной формы одежды и обязательным отдаванием чести не только офицерам, но и всем встречным знатым кавалерам и дамам.

Программа обучения предусматривает: 4 класс — языки, арифметику; 3 класс — математику, физику, грамматику, географию; 2 класс — военное искусство, фортификацию, артиллерию, историю, риторику, юриспруденцию, мораль, геральдику и другие предметы. В первом классе полагается заниматься теми науками, в коих кадет показал «более склонности в прежних классах, дабы довольное и фундаментальное в военных науках искусство получить мог».

Один полный день в неделю отводится для экзерциций*.

Экзамены — два раза в год в присутствии одного из сенаторов, одного профессора от Академии наук, а также представителей от Инженерного корпуса и Адмиралтейства. Раз в год проводится главный смотр с публичным экзаменом в присутствии императрицы.

Кадеты, окончившие с отличием четвертый возраст, получают серебряные медали, пятый — золотые. Окончившие с отличием весь курс могут путешествовать в тече-

* Экзерциции — строевая подготовка, ружейные приемы, верховая езда, фехтование, военно-прикладное дело.

ние трех лет за границей за счет казны. По окончании корпуса выпускники поступают на службу в зависимости от поведения и успехов в науках, прапорщиками, подпрапорщиками и поручиками. В отдельных случаях — штатскими чинами.

Регламент дня предусматривал подъем кадет в пять часов утра. На туалет, построение, молитву отводилось тридцать минут. Тридцать минут — на завтрак, шесть часов — на занятия, два часа — на обед и отдых, еще два часа — на приготовление уроков. В семь часов — ужин, в девять — отбой. До ужина и после ужина до отбоя — свободное время.

В корпусе имелись учебные классы, камеры-спальни кадет, библиотека, лазарет, рекреационные залы, зал для свиданий с родителями, дом для учителей, типография, музей, строевой плац, корпус для игры в мяч, луг для экзерциций, манеж, служебные и подсобные помещения. Церкви — греко-российская, евангелическая и католическая. Для содержания «экономи» (хозяйства) корпусу был пожалован ряд земель на Васильевском острове и вблизи Петербурга.

Гораздо менее уверенно Ридингер стал чувствовать себя, когда речь зашла о главном — о состоянии учебных дел. Однако и здесь тактичный, быстро схватывающий суть дела, умело прибегавший для справок к документам и ответам секретаря корпусного совета Ивана Кремнина Кутузов смог довольно быстро составить себе представление о делах. Картина при этом вырисовывалась неутешительная.

Более чем шестидесятилетняя деятельность первого в России военно-учебного заведения подобного типа была сопряжена с поисками принципов, форм и методов обучения и воспитания. Находясь в столице, корпус чутко реагировал и на перипетии бурной эпохи: смену царствующих особ, победы и поражения политических группировок, изменения политических воззрений.

К моменту вступления Кутузова в должность главного директора корпус формально жил по уставу сподвижника Екатерины II И. Н. Бецкого, пытавшегося применить на практике педагогические идеи французских просветителей. Система обучения в кадетском корпусе при нем отличалась энциклопедичностью и последовательностью. Преподавание в корпусе вели в то время многие из видных профессоров Академии наук. Вместе с тем вопросы военного обучения, дисциплины, порядка — основных атрибутов военно-учебного заведения — были преданы забвению. Кадет учили всему: астрономии, архитектуре, рисованию, танцам, красноречию, даже бухгалтерскому делу, однако они «не умели стрелять в цель, не были обучены штыковому бою и совершенно маршей, имели смутное представление о боевых порядках... Это был светский университет, — писал В. Ключевский, — где преподают все, кроме того, что нужно офицеру».

Широкообразованные и склонные к вольнодумству ученики кадетских корпусов оказывались неподготовленными к будущей военной службе.

После революционных событий на Западе, прекратив игру в либерализм, царское правительство признало систему Бецкого, желавшего содействовать прогрессу путем «воспитания нового человека», несостоятельной и отстранило его от дел.

Отказ от ранее существовавших принципов обучения при отсутствии созданных заново породил неразбериху.

Положение вновь назначенного директора корпуса осложнялось еще и тем, что предшественником его, руководившим в течение десяти лет учебным заведением, был граф Ангальдт. Сын наследного принца Дессауского и близкий родственник императрицы, Ангальдт начинал военную карьеру у прусского короля Фридриха II, участвовал в Семилетней войне, был ранен, затем перешел на русскую службу, продолжая при этом оставаться поклонником прежнего патрона. Свою приверженность к

Фридриху Ангальдт выказывал довольно странно. На потеху кадет он носил лишь одну шпору, объясняя это тем, что «однажды, спеша на вызов короля, второй шпоре одеть не мог. И вот в наказание за это всю жизнь решил ходить при одной шпоре».

Высокий, стройный, щеголь, он и дела кадетского корпуса вел, ориентируясь на внешний эффект, в ущерб главной задаче — обучению. Большую часть времени Ангальдт уделял украшению корпуса бюстами, статуями, скульптурами, картинами и росписями. Именно в этот период стены корпуса получили название «говорящих». Между тем учебно-воспитательная работа, дисциплина, хозяйство пришли в совершенный упадок.

Десятилетнее пребывание Ангальдта у кормила учебного заведения для многих вошло в его историю как «золотое время». Один из современников писал: «Ангальдт частенько посещал корпус к «утренней повестке» и, замечая при том некоторых (кадет.— *Авт.*), не выполнивших команду «подъем», осторожно приближался к спящему, укрывал его одеялом и, так же осторожно удаляясь, подзывал дежурного, умоляя его не беспокоить спящего отрока». Молодежь, отвыкшая от режима и дисциплины, явно злоупотребляла либерализмом директора.

Екатерина II, зная о положении дел в корпусе, гневалась и наконец перестала замечать своего родственника. Это потрясло Ангальдта. Тяжело заболев, он вскоре скончался.

Первый день службы нового начальника подходил к концу.

Но генералу Кутузову предстояло знакомство и с другими важными делами. Дав распоряжение о подготовке к следующему дню строевого смотра и объявлению на вечерней «повестке» приказа о вступлении его в должность директора корпуса, Михаил Илларионович взял лист бумаги и почерком твердым, хотя и не

очень разборчивым, написал рапорт на имя императрицы о вступлении в должность директора Кадетского корпуса.

День 16 сентября 1794 года в Петербургском сухопутном шляхетском кадетском корпусе выдался необычным. Занятия были отменены. Воспитанникам приказали привести себя в надлежащий вид. Сторожакам, дворникам, истопникам и прочему рабочему люду — готовить хозяйство корпуса к смотру. Холопы, спавшие вместе с любимыми собаками барчуков на полу у кроватей и изгнанные вместе с ними специальным распоряжением императрицы, «дабы впредь нечистоты и блох истребить», вновь получили доступ к своим господам. Работа же им предстояла немалая. Нужно было тщательно почистить и привести в порядок кафтаны и камзолы, штаны и штіблеты, галстуки и перчатки, а также епанчи. Следовало пришить недостающие пуговицы, почистить их огромное количество, а также довести до блеска гербы, бляхи и позументы. Требовалось вымыть голову барину, завить и нанудрить его волосы, собрав их в косу; приготовить помаду, пудру и прочие парфюмерные принадлежности к завтрашнему дню. И конечно же, надо было осмотреть, вычистить и смазать оружие: шпаги, алебарды и фузеи*. Гренадеры готовили шапки, фузелеры — шляпы. Было приказано навести порядок и в камерах. Разложить по полкам вещи, убрав их из-под постелей и кроватей.

Крепостные работали с утра. Немалые хлопоты выпали и на долю уборщиков. Вместе с кадетами-мещанами они натирали до блеска полы, мыли окна, вытирали пыль и грязь с многочисленных скульптур и бюстов; приводили в порядок «говорящие стены», чистили и прибирали строевой плац и луг, не забывая при этом и о столовой.

* Фузея — разновидность ручного огнестрельного оружия.

Вечером надзиратели, убедившись еще раз в полном порядке внешнего облика подчиненных, объявили на вечерней «повестке» о вступлении в должность директора корпуса генерал-поручика Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Тут же были сообщены его краткие биографические данные, которые теперь надлежало помнить кадетам так же, как биографии императрицы, наследника престола Павла, близких им вельмож, а также надзирателя возраста, которого они слушали теперь с раскрытыми от изумления ртами. Впрочем, многие из кадет уже пытались «познакомиться» с новым директором, проникая под различными предлогами в главное здание корпуса, откуда нещадно выдворялись дежурным офицером. Удрученные таким поворотом дел юноши «гужом валили» к непререкаемому авторитету — кадету старшего возраста, всезнающему Карлуше Толю. Невысокого роста, светловолосый с живыми выразительными глазами юноша с завидной увлеченностью рассказывал о боевых делах и столь опасных ранениях нового начальника. Наговорившись, умиротворенные отроки отходили ко сну.

Второй день пребывания Кутузова в корпусе начался для его персонала необычно. К удивлению спящих дежурных аббатов и унтер-офицеров, директор корпуса сам шел по камерам, сопровождая барабанщика, производившего подъем. Кадеты, глянув на вошедших, начинали нещадно трясти спящих товарищей. Подъем шел хаотично. Впрочем, ничего другого ожидать было и нельзя: дежурные спали сами. Бросалось в глаза и отсутствие должного порядка в камерах, несмотря на проведенную накануне уборку: фамилии унтер-офицеров на красных досках, висевших в каждой камере, написаны не были. Не были заполнены и черные доски с указанием фамилий кадет, оставленных по лености на второй год в классе. Прикроватные бирки с именами кадет были перепутаны. Обмундирование в беспорядке разброса-

но, и потому полусонные дети и подростки, одеваясь в спешке, натягивали на себя не то, что надо.

Не обошлось и без казусов. По установленному порядку обувь воспитанников собирали на ночь в специальное помещение, где ее чистили, сушили и к подъему выставляли у дверей камер. Однако нерадивые денщики расставили обувь кое-как. Нельзя было без улыбки смотреть на то, как некоторые из юнцов, усердно поющих молитву в строю, одеты были в спешке в сапоги на одну ногу.

Новый директор, спокойно взирая на происходящее, в отличие от других проверяющих не кричал, не ругался, не делал замечаний. Генерал понимал — порядок надо наводить «сверху».

Особенно долго Михаил Илларионович задержался в камерах младших групп, несмотря на то, что порядка здесь было больше. Женщины-попечительницы, в отличие от своих коллег — надзирателей-мужчин, в исполнении своих обязанностей были более прилежны. Глядя на поднимающихся малышей, Кутузов, вероятно, с тоской вспоминал своего единственного сына, ушедшего из жизни во младенчестве. Смерть Николеньки осталась на всю жизнь незаживающей раной. Будучи послом в Константинополе, Кутузов старался не замечать насмешливых взглядов мусульман, пренебрежительно относящихся к «бездетным» мужчинам (дочерей по законам Ислама за людей не считали).

Утром того же дня кадеты вновь встретились с новым шефом, на сей раз в столовой. Перед директором корпуса в нечетком строю, но с барабанным боем проследовали все пять возрастов, построженные по камерам. При этом нельзя было не заметить, что некоторые из барабанщиков, едва доведя строй до столовой, опрометью мчались для сопровождения очередной группы, что говорило или о неподготовленности барабанщиков в этих камерах или о плачевном состоянии их барабанов.

Впрочем, это же говорило и о другом — о взаимовыручке, черте, свойственной русскому характеру, так хорошо знакомой Кутузову, участнику многих батальи.

Картина, увиденная в столовой, вновь напомнила Михаилу Илларионовичу его юношеские годы. За некоторыми столами один из кадет — «установщик» — тщательно делил по порциям хлеб, сахар, масло и кашу. За другими, где этот «процесс» был уже завершен, кадеты приступали к долгожданной трапезе. Они усердно улетали нишу под монотонные голоса своих коллег, с большой неохотой поочередно отрывавшихся от еды и читавших выдержки из молитв и артикулов. Здесь же, в проходах, у столбов, стояли наказанные «отлучением от горячей пищи». Скучным взором наблюдали они за ходом завтрака своих товарищей. Некоторые сидели за столом, поставленным специально на видном месте, и, стараясь не смотреть по сторонам, довольствовались хлебом, размоченным в воде.

Уитер-офицеры теперь с рвением следили за порядком в столовой и чистотой. Приняв доклад от дежурного, Кутузов несколько раз прошелся по залу и к удивлению кадет сел за один из столов, позавтракав вместе с ними. Сытная еда и порядок в столовой оставили хорошее впечатление. Михаил Илларионович понимал, что от того, как кормят вверенных теперь ему юношей, будет зависеть очень многое.

Смотр был назначен на десять часов. К указанному времени на кадетском плацу все было готово. Ровно в десять пунктуальный Ридингер (предварительно сверивший свои часы с часами начальника) подал команду «смирно». Оркестранты в отличие от войсковых довольно прилично сыграли «Встречный марш». Генерал Кутузов, выйдя на середину, громко поздоровался с кадетами, услышав в ответ еще не дружный хор звонких мальчишеских голосов.

На плацу в развернутом строю стояли все пять возрастных колонн. На правом фланге каждой из них — знаменщики с ассистентами. Среди знамен эффектным оформлением отличалось знамя старшего возраста, которое возвышалось над остальными.

В колоннах по ранжиру, в кафтанах и камзолах стояли воспитанники. На головах гренадер красовались шапки с огромными бляхами, в руках — ружья. У фузелеров — шляпы, обшитые золотым позументом, на поясах — шнаги.

В строю внешне выделялись четвертый и пятый возрасты, рост и более развитое телосложение которых подчеркивалось серебряными и золотыми позументами на кафтанах. Однако, несмотря на разницу в возрасте (до пятнадцати лет), в массе кадет явно улавливалось нечто общее. Оно выражалось не столько общим покроем одежды, сколько единообразием заплетенных и уложенных в косу волос, с одинаковыми черными муаровыми бантами. Изрядно напудренные, они теряли при этом свой естественный цвет, приобретая однообразный серый. То же самое можно было бы сказать и о напмаженных и напудренных лицах. Создавалось впечатление, что в строю стоят только что изготовленные по единому образцу куклы, отличающиеся одна от другой лишь размерами. Риднигер и его окружение были в восторге, который явно не разделял новый директор, Михаил Илларионович, хотя и помнил изречение Суворова: «Пудра — не порох, коса — не тесак...» — не мог открыто высказать свое неудовольствие. Тем не менее своим явно подчеркнутым безразличием к буклям и пудре дал твердо понять, что впредь увлекаться этим не следует.

Подойдя к каждой из колонн и поздоровавшись с представившимися ему офицерами, директор отправил в распоряжение учебных классов воспитанников первых двух возрастов. Осматривая каждую из оставшихся шеренг, он с удивлением отметил, что в отличие от утрен-

него построения у большинства кадет были новые, довольно приличные сапоги. Выяснилось, что сапоги эти выданы по личному распоряжению императрицы для посещения Зимнего, куда частенько приглашались воспитанники корпуса «для обучения как к начальству подходить и ему комплименты делать». Этим же объяснялась и необычная форма их — без каблуков, «дабы паркет при посещении дворца не портить».

Несколько более обычного Михаил Илларионович держался перед корпусом чужестранных единоверцев. Стоявшие в строю смуглые, черноглазые юноши были греками, набранными в малолетстве из бедного люда и сирот во время Архипелагской экспедиции русского военного флота в 1770—1774 годах. Ему было хорошо известно, что образование корпуса, или, как его еще называли, «греческой гимназии», находилось в прямой связи с планами Екатерины II создать новое Византийское государство, сделав императором его своего внука Константина.

Из обучавшихся в корпусе мальчиков-греков предполагалось подготовить для «новой Византии» чиновников и офицеров. Позднее Кутузов встретился со многими своими воспитанниками на русской военной службе.

В строю стоял и единоведец-грек кадет Егор Властов, в будущем один из героев Отечественной войны 1812-го, чей генеральский портрет и поныне украшает Военную галерею Эрмитажа.

Оставшиеся кадеты должны были показать строевую выправку, строевые приемы, действия с оружием и прохождение маршем. Чувствовалось, что в корпусе этим занимались мало. Юноши, к стыду своих наставников, выполняли команды неуверенно, скованно, с нарушением такта, неединообразно.

Особенно плохо получались ружейные приемы в движении «наперевес» и «под курок». Сказывались и чудачества Ангальдта. При исполнении ружейных приемов

в составе групп слышались странные металлические звуки. Оказалось, что для «отчетливости приемов» гайки, антапки и винты у ружей было приказано ослабить и развинтить. Естественно, такие ружья были расхлябаны, теряли пристрелку и уже не соответствовали вполне своему назначению.

Те же «чудачества» выявились и при исполнении приемов учебной стрельбы. По команде «Вынь патрон» кадеты звонко ударяли ладонью правой руки по большой, наполненной соломой патронной сумке, изображая, что при этом они будто бы вынимают из нее патрон. Затем при очередной команде «Скуси патрон», забавно жестикуюлируя, подносили несуществующий патрон к зубам, обозначая этим кусывание. В таком же чрезвычайно условном варианте, вызывавшем немалую потеху юношей, отрабатывались остальные приемы зарядания и учебной стрельбы.

Здесь же, на плацу, Кутузов дал строгое распоряжение по приведению оружия к нормальному виду и заполнению сумок учебными патронами.

Не лучше обстояло дело и с маршем в составе колонн. Тем не менее, стараясь развивать дух соревнования, директор корпуса тщательно отмечал успехи и неудачи каждой из них для определения общих мест по результатам строевого смотра. Это было тем более необходимо, поскольку традиция: «Кадетам, занявшим первое место на строевом смотре, — по сладкому пирогу за обедом» — восстанавливалась.

Одной из характерных черт, выгодно отличавшей генерала Кутузова от многих его современников, было желание досконально знать все, что относилось к кругу его служебных обязанностей. Михаил Илларионович хорошо понимал, что условия учения, жизни и быта воспитанников во многом предопределяют их успехи. Вот почему в последующие дни пребывания в корпусе он был занят осмотром его обширного хозяйства.

Осмотр был начат с главного здания корпуса Меншиковского дворца*.

Дворец являлся не только первым каменным домом Петербурга, но «обширнейшим и великолепнейшим» зданием петровских времен. С обоснованием в нем Кадетского корпуса он был расширен пристройкой флигелей. Центральное место в комплексе занимал сам дворец, отличавшийся как большими размерами, так и завершенностью архитектурных форм. Фасад здания украшали фронтон, двухэтажное крыльцо и герб с изображением символов Кадетского корпуса: жезла, меча и шлема, обрамленных венком.

В общей ансамбль здания удачно вписывались со стороны Невы небольшая гавань, с северной — сад с фигурными прудами, фонтанами, партерами и аллеями. По воскресеньям и праздничным дням дети могли встречаться здесь с родителями и знакомыми, ибо всем жителям города, «кои порядочно одеты», дозволялось гулять в кадетских садах**.

Большой интерес представляло и внутреннее оформление дворца, первый этаж которого был выполнен в стиле древнерусских теремов, второй же — в новом (по тем временам) стиле. Сочетание архитектурных новшеств с национальными традициями было одной из характерных особенностей дворца, определявших своеобразие облика.

Минув мощные, в два ряда колонны, поддерживающие своды вестибюля, и поднявшись по дубовой лестнице на второй этаж, Михаил Илларионович с большим интересом осмотрел предспальню, «ореховую гости-

* Ныне — Университетская набережная, 15. Строительство дворца было начато в 1710 году по проекту архитектора Д. М. Фонтана. Закончено в 1727 году мастером дел палатных И. Г. Шедемом.

** В трудные годы гражданской войны оставшиеся деревья меншиковского сада были срублены на дрова.

ную», «Варварины палаты» (комнаты свояченицы Меншикова).

Предспальня служила Меншикову приемной. Убранство ее было великолепным. Взгляд посетителя невольно привлекал шахматный столик восточной работы с шахматами из слоновой кости, за которым хозяин дома вел бурные шахматные баталии. Украшением предспальни были напольные часы из лондонской мастерской Дрюри. Внешнее оформление их — деревянный футляр с золоченым орнаментом, живописными женскими головками и гравюрой — находилось в полной гармонии с «содержанием»: часы не только показывали время с точностью до минуты, но и могли проиграть до десяти разных мелодий.

«Ореховая» — кабинет Меншикова — представляла небольшое, светлое помещение, отделанное деревом. Пилястры с декоративными капителями, наборный паркет из ценных пород дерева и плафон еще более подчеркивали его великолепие. Из окон кабинета открывался вид на Неву и панораму центральной части города. Взору предстала Зимний дворец, церковь Исаакия Далматского, памятник Петру Великому, здание Сената.

Не меньшее впечатление оставляли и палаты Варвары Михайловны Арсеньевой, стены и потолки которых были сплошь облицованы расписными глазурованными плитками. Роскошь оформления палат свояченицы Меншикова, по-видимому, объяснялась тем, что горбатая Варвара всю свою жизнь посвятила воспитанию его детей, видевших родителей не очень часто. Любуясь росписью кафеля, где ни один из прекрасно выполненных сюжетных рисунков не повторялся, Михаил Илларионович мог вспомнить широко известную тогда любопытную историю. Кафель, привезенный из Голландии Петром I для строительства дворца, был якобы «реквизирован» правой рукой самодержца — Меншиковым. Император, возмущившись, велел светлейшему кафель не-

медленно вернуть. Тогда предприимчивый Александр Данилович выписал из Голландии мастеров и организовал изготовление кафеля в Стрельне, чем и положил начало производству его в России.

Великолепием Меншиковского кабинета и Варваринских палат впоследствии любовался и Владимир Ильич Ленин. 9 июня 1917 года, во время Первого Всероссийского съезда Советов, он побывал здесь. Знакомство с экспонатами бывшего к тому времени музея Кадетского корпуса произвело на Ленина глубокое впечатление. «Ведь вот как получилось: рядом бывал — в университете, сдавал экзамены, а не знал, что под боком такая прелесть...» — сказал он *. В то же время Владимир Ильич интересовался, имеет ли доступ к экспонатам музея публика. Ныне здесь открыт филиал Государственного Эрмитажа — музей «Культура России первой четверти XVIII века».

В ассамблейном зале дворца, перестроенном под приглядом монаха Г. Краснопольского при участии скульптора И. П. Мартоса под кадетскую церковь, хлопотали священник и дьякон, предусмотренные уставом корпуса «для свершения духовных треб».

На должность священника, занимаемую отцом Иоанном, по корпусному уставу назначался один из монахов, который должен был быть «человеком начитанным и беспорочным». Кроме церковной службы ему вменялось в обязанность вести закон божий. Дьякону же надлежало «не токмо помогать священнику, но и учить кадет чистому писанию».

Михаил Илларионович с интересом осмотрел местные раритеты, благоговейно прочел надписи на черных мраморных досках с именами воспитанников, «павших на поле чести или умерших от полученных в сражениях ран». И все же осмотр церкви не мог не вызвать у знающего человека улыбки. В петровские времена ассамблей-

* Молчанов В. Лицом к Неве. — Правда, 1983, 29 июня.

ный зал часто занимали не только для приема дипломатических миссий и для свадеб, но и для пиров, в ходе которых разыгрывались шутовские сцены с высмеиванием церковных обрядов и самих служителей церкви.

Спальные комнаты кадет именовались камерами. Камера — зал с несколькими рядами кроватей, всего на двадцать человек. Здесь, как и в годы учения самого Кутузова в Артиллерийско-инженерной школе, все было прочно и просто. Между кроватями — ясеневые конторки с полками для учебников и платья. Перед каждой кроватью ясеневый же табурет, на который после «вечерней зори» укладывались в определенном порядке куртка, штаны, белье и носки. Стены украшали картины с сюжетами из военного быта.

Кровати унтер-офицеров стояли на флангах каждого ряда, фельдфебеля — с краю, у входа в камеру. В каждой комнате — диван для отдыха дежурного аббата. Рядом с камерой — «оммуничник», чистильная, умывальная, «занимательная» комнаты и уборная, осмотрев которую Кутузов мог убедиться в прочном сохранении не только хороших традиций. Уборная, как и в его времена, служила ученикам местом тайного курения.

Кроме того, имелись и большие «занимательные» комнаты, именуемые «классами рыцарской академии», а также рекреационные залы, среди которых размерами и оформлением выделялась большая рекреация. Здесь производился сбор кадет в особо торжественных случаях. Стены этого огромного, с великолепными люстрами помещения были украшены мраморными досками с именами кадет — георгиевских кавалеров и окончивших обучение в корпусе с отличием. Среди них Михаил Илларионович нашел много своих сослуживцев по ратным делам. Особенно же значительны были заслуги фельдмаршала Румянцева-Задунайского — командующего армией, в войсках которой Кутузов получил боевое крещение.

Восхищаясь убранством большой рекреации, Михаил Илларионович, конечно, не мог предположить, что со временем стены ее украсятся и десятью барельефами работы Федора Петровича Толстого, в аллегорической форме повествующими о разгроме Россом армии Наполеона. В символических образах, начиная с момента формирования народного ополчения до взятия Парижа, получают отображение важнейшие этапы Отечественной войны. Этот уникальный памятник, прославляющий подвиг русского народа, будет помещен именно здесь не только в знак признания огромных заслуг воспитанников корпуса в достижении победы над врагом, но еще и потому, что одним из главных героев войны станет он — главнокомандующий Русской армией, генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский.

Помещению большой рекреации кадетского корпуса суждено было войти и в советскую историю. Здесь в июне 1917 года проходил Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором дважды выступил Владимир Ильич Ленин. 4 июня он заявил перед делегатами съезда о готовности партии большевиков взять власть в свои руки, а 9 июня в речи о войне указал путь к достижению демократического мира. В память об этом Кадетская линия была переименована в Съездовскую. Ныне в здании по Съездовской линии, 1, располагается клуб Военной ордена Ленина академии тыла и транспорта.

Большой любитель книг, Михаил Илларионович был приятно удивлен обширностью библиотеки корпуса. В 1787 году Екатерина II, купив библиотеку бывшего коменданта Данцига генерала Еггерса численностью в семь тысяч томов, подарила ее своим подопечным. Библиотека впоследствии пополнялась. Составив наконец более десяти тысяч томов, она сделалась одной из лучших в столице. Здесь можно было встретить не только экземпляры из личных библиотек Петра I и Менши-

кова, но и книги из библиотеки Дидро, купленные Екатериной II и привезенные в Петербург в 1785 году. Здесь же находились сочинения Вольтера, Руссо, Бюффона. Знакомясь с ними, юноши приобщались к размышлениям передовых людей столетия о социальной справедливости и правомерности «социальных потрясений».

Интерес к просветительской литературе в корпусе был настолько велик, что кадеты собирались для обсуждения книг.

Впечатления от прочитанного записывались в прозе или в стихах в специальных тетрадях, которые еженедельно переплетались и оставались в библиотеке. Так образовался фонд из 247 томов под названием «Тысяча и одна неделя». Позднее, знакомясь с ними, Михаил Илларионович с удивлением прочтет стихи кадета Ламиковского:

Боярская забота —
Пить, есть, гулять и спать,
И вся их в том работа,
Чтоб деньги обирать.
Мужик сушишь, кружись,
Потей и работай,
А после хоть взбесись,
А денежки отдай.

Не случайно многие из воспитанников Кадетского корпуса — Г. В. Аврамов, И. В. Арсентьев, А. М. Булатов, Ф. Н. Глинка, С. Г. Краснокоутский, М. И. Пущин, А. Е. Розен, К. Ф. Рылеев, В. К. Тизенгаузен — оказались позднее в рядах декабристов*.

* Об общем сочувствии кадет движению декабристов свидетельствуют многие примеры. Так, по воспоминаниям М. А. Бестужева, к восставшим декабристам на Сенатской площади обращалась делегация кадет Первого кадетского корпуса. От имени товарищей юноши просили разрешения кадетам присоединиться к ним.

После поражения восстания кадеты корпуса оказывали всяческую помощь преследуемым. Укрывали их у себя, украдкой принося еду из столовой.

Небезынтересно отметить, что при первом посещении Нико-

Особенно поразил нового директора безупречный порядок и идеальное состояние книг библиотеки, распределенных «по систематическому порядку» на российскую, иностранную и военную части. На вопрос, как удается сохранять книги в столь приличном виде, попечитель библиотеки немец Фокс самодовольно отвечал, что выдача книг кому бы то ни было на руки со времен Ангальдта категорически запрещена. «Чтение книг производится только в особливо на то отведенной комнате».

Разумеется, от такой бережливости страдали не только воспитанники, но и воспитатели. С присущим ему тактом Михаил Илларионович посоветовал — впредь никаких препятствий к выдаче книг на руки господам офицерам и кадетам не чинить. На недоуменный возглас: «Книги примут нефажный фит» — Кутузов отвечал, что «внешний вид книг свидетельствует не столько о плохом обращении с ними, сколько о их популярности».

Одновременно выяснилось и другое. Из газет в библиотеке имелись лишь «Санкт-Петербургские ведомости» да «*Courier du Bas Rhien*» и «*Literatur Zeitung*».

Недостаток газет и журналов не мог не сказываться на общем развитии молодых людей, поскольку лишал их необходимых сведений политического, культурного и военного характера. В первые месяцы пребывания Кутузова в корпусе изменить что-либо к лучшему из-за нехватки средств не представлялось возможным. Однако с 1796 года поступление газет и журналов в библиотеку корпуса увеличивается. Начинают приходить английские и итальянские журналы, а также газеты из Лейпцига и Амстердама.

Подобным же образом было осмотрено и остальное хозяйство корпуса, в частности физический кабинет с об-

лаем I (после восшествия на престол) Императорского Сухопутного шляхетского кадетского корпуса на его приветствие: «Здорово, дети!» — строй ответил гробовым молчанием.

ширной коллекцией сибирских минералов и различными приборами от электрических машин до «оптических камер», а также корпусной музей, где наряду с собранными экспонатами по «натуральной истории» были представлены и литературные сочинения воспитанников. Музей был не только средоточием экспонатов, но и местом состязания кадет — любителей русской словесности. Михаил Илларионович, конечно же, знал, что здесь пробовал свои силы на литературном поприще его учитель — юный Александр Суворов.

Не осталась без внимания и так называемая «говорящая стена». Каменный забор, опоясывающий корпус по периметру, был разрисован с внутренней стороны географическими изображениями стран, столиц государств, животных, птиц и различных эмблем. Здесь же были помещены геоцентрическая и гелиоцентрическая системы мира Птолемея и Коперника, а также различные изречения на русском и иностранных языках, представлена хронология важнейших исторических событий, и изречения руководителей корпуса.

Генерал Кутузов не стал нарушать установившейся традиции. По настоянию полицеймейстера корпуса подполковника А. Андреевского «говорящая стена» дополнилась его словами: «Русский офицер должен чувствовать в полной мере важность звания своего. От него зависят поступки и поведение его подчиненных».

Впрочем, здесь же Михаил Илларионович мог наблюдать довольно любопытную картину. Еще во времена Меншикова на западной части стены была установлена доска с меткой роста Петра I. К ней теперь то и дело подходили нетерпеливые кадеты для «соизмерения своего роста с ростом Петра Великого».

Побывал новый директор и в зале для свиданий с родителями, где до обеда по воскресеньям дети встречались с ними, а после обеда вместе с городской публикой смотрели представления. В середине зала, на месте, от-

гороженном от зрителей перилами, кадеты маршировали, исполняли танцы и показывали игры.

Меньше всего беспокойства своим появлением директор доставил лейб-лекаря корпуса, лазарет которого по чистоте и порядку находился всегда в отменном виде. Здесь все было продумано, каждая вещь знала свое место.

Дельный лекарь не только лечил детей, но и проводил с ними «физикальные эксперименты» — учил основам гигиены и оказанию первой помощи на поле боя. Корпусным уставом ему вменялось «химию, ботанику и тому подобные науки отчасти знать».

Лекарь был постоянным врагом провиантмейстера, поскольку постоянно навещал «святая святых» последнего — кухню и кладовки. Вот и теперь, пользуясь приходом «главного», он обратился к нему с жалобой на то, что в кухне зачастую подолгу содержится пища в медной посуде, что может привести к пищевым отравлениям. Директор корпуса тут же дал указание интенданту*, «дабы впредь исключить подобные случаи».

Генерал Кутузов, конечно, был наслышан, что корпусной лекарь был лучшим детским врачом столицы. Многие из вельмож пытались заполучить его к своим заболевшим детям, прибегая к просьбам, уговорам, обещая хорошее вознаграждение. Но они неизменно получали твердый отказ. Дело доходило до курьезов. Обращались за содействием к лицам царской фамилии. Но Михаил Илларионович, несмотря на свою отзывчивость, был солидарен с врачом. Корпусной лейб-медик мог весьма быстро превратиться в модного столичного врача и оторваться от неукоснительного выполнения своих каждодневных обязанностей.

Если девиз обер-лекаря «Чистота есть лучшее лекарство от всех болезней», помещенный его старанием на

* Интендант — должностное лицо, ответственное за снабжение.

«говорящую стену», в лазарете выполнялся безукоризненно, то об остальных помещениях и территории корпуса этого сказать было нельзя. Помещения и территория после проводимых время от времени уборок довольно быстро приходили в свое обычное запущенное состояние. Особое беспокойство вызывали давно не отремонтированные здания. Начавшиеся осенние дожди не только обнаружили неисправность водосточных труб, но и четко обозначили местонахождение дыр в кровлях.

Первая неделя пребывания в корпусе показала, что успешное исполнение обязанностей требует не только уймы времени, но и постоянного нахождения директора на месте. Михаилу Илларионовичу пришлось перебраться с семьей на территорию учебного заведения. Под квартиру был выбран небольшой, стоящий поодаль от других зданий двухэтажный флигель на Кадетской линии (ныне Съездовская линия, 3). Живя здесь, можно было постоянно наблюдать за порядком и в то же время находиться как бы в стороне, не мешая повседневной работе. Главное же преимущество состояло в том, что теперь, задерживаясь на службе, не надо было часами ждать, когда же наконец будет сведен Исаакиевский мост.

Мост этот всегда вызывал интерес у Кутузова-инженера. Возведенный в 1732 году по проекту корабельного мастера бомбардир-лейтенанта Федора Пальчикова, он состоял из барок-плашкоутов, поставленных на якоря, и имел две разводные части. Поскольку пропуск судов производился только по ночам, то к вечеру по обе стороны моста выстраивались целые вереницы различных судов и суденышек, нетерпеливо ожидавших своей очереди. Днем же мост был постоянно занят пешим и конным людом, число которого увеличилось в связи с отменной платой за пользование мостом*.

* Плата за пользование мостом взималась по копейке с пешехода, по две копейки с воза и по пять копеек с кареты.

Екатерина Ильинична, конечно, не была в восторге от предстоящего переезда, но, как всегда, должна была согласиться.

Определив кабинет на первом этаже и поручив все остальное, касающееся переезда, жене и слугам, генерал всецело отдался новой должности.

Все, что было сделано в течение первой недели, было не чем иным, как своеобразным преодолением «предпольной полосы обороны». Теперь «предстала крепость, штурму которой должна была предшествовать тщательная разведка».

Новый директор внимательно ознакомился с существовавшими учебными программами. Оказалось, что они мало отличались от принятых в гражданских учебных заведениях. Такой вывод напрашивался в сравнении с не таким уж далеким прошлым, когда Кутузов сам ходил в кадетях и учителях. Вызывало недоумение чрезмерное увлечение теоретическим курсом. Впрочем, это было известно Кутузову еще до прихода в Кадетский корпус, поскольку генералу приходилось не раз выслушивать сетования подчиненных командиров «на робость в практике» выпускников кадетских корпусов. Понимая, что основной фигурой в подготовке офицеров является учитель, Кутузов считал необходимым побывать на занятиях каждого из них. Позиция его при этом выражалась довольно четко и ясно: «Без толковых учителей совершенных офицеров никогда произвести не можно». Признавая за преподавателем ведущую роль в образовании и воспитании кадет, устав корпуса предусматривал «строго соблюдать за тем, чтобы только люди истинно достойные, с чистою нравственностью, с познаниями и способностями к воспитанию были допущены в должность воспитателей». Однако между уставом и реальностью оказался изрядный разрыв. Прежде всего, должность учителя была не из легких. Невысокое жалованье и невозможность сделать на этом поприще

сколь-либо заметную карьеру заставляли офицеров избегать такой службы. Многие из них, оказавшись по разным причинам в Кадетском корпусе, службой своей тяготились, к исполнению обязанностей относились неохотно. Надо заметить, что профессия учителя считалась по тем временам уделом «третьего сословия» — недворян и популярностью среди офицеров не пользовалась. Кроме того, по существовавшим положениям, офицеры откомандировывались в кадетские корпуса без исключения из списков полков, с оставлением их там на довольствии. Получалось так, что, проходя службу в Петербурге, офицер ехал получать денежное содержание, иронически именуемое «сердобольным пособием», в другой город. Кроме физических издержек здесь были и моральные, поскольку такой военнослужащий чувствовал себя в корпусе «гостем».

Нередко «отцы-командиры», желая избавиться от неудобных им лиц, старались «сплавить» их в кадетские корпуса, не раздумывая над целями предстоящей там работы.

Достаточно красноречивую характеристику получили учителя в кадетском анекдоте, помещенном в журнале «Русская старина»: «Сидят два кадета и готовят урок по алгебре. Проходящий мимо дежурный офицер спрашивает: „Что вы делаете?“ — „Корень извлекаем“. Дежурный замечает: „Ну извлекайте, да только не едите“».

С другой стороны, многие из учителей (как и руководителей корпусом) были иностранцами, ориентированными деятельность этого учебного заведения на манер иноземных, без учета национальных особенностей России. Далеко не все учителя-иностранцы были достаточно подготовлены к преподаванию своего предмета, ибо до приезда в Россию многие из них не имели к этому никакого отношения. Особенно неблагоприятно сказывалось слабое знание многими из них русского языка.

Конечно, многие учителя-иностранцы вполне добросо-

вестно относились к исполнению своих обязанностей. Однако, по признанию опять-таки самих же кадет, были среди них и такие, «у коих для получения оценки по математике, физике или географии достаточно было рассказать анекдот на беглом немецком или французском». Были среди них и любители «русской экзотики», на уроках которых большая часть времени уходила «на изумление русской действительностью» — слушание разных историй и выдумок, рассказываемых сообразительными кадетами.

Надо ли говорить, что без знания русского языка рассчитывать на успех обучения трудно. Вот почему многие из таких занятий, когда преподаватель-иностранец с пафосом произносил вместо «оценить обстановку» — «оженить обстановку», а вместо «перегрузочный пункт» — «перъегузочный пункт», вызывали среди кадет хохот.

Не лучшее впечатление произвели на Кутузова аббаты. Устав корпуса требовал от них «быть довольно заслуженными наук кадетского корпуса, касаемых особливо иностранных языков, дабы оные навьяше полезныя службы при кадетском корпусе оказать могли». Именно поэтому уставом корпуса предусматривались аббаты-иностранцы. В течение десяти суток дежурства им полагалось разговаривать с кадетами только на своем родном языке. Кадеты, таким образом, с детства должны были овладевать несколькими языками. К сожалению, требованиям искусства обучения языкам подготовка многих аббатов не отвечала.

Не могли не вызывать недоумения и принципы воспитания кадет. В период становления педагогической науки к ним применялись методы дисциплинарной практики, разработанной еще петровскими артикулами. Арсенал взысканий был огромен. Несмотря на отмену розог «как главной меры воспитания», в корпусе бытовали битье линейкой, жгутом (из носового платка), стояние на коленях, стояние у штрафного столба в столовой, сто-

яние на одной ноге (с милостивого разрешения — со смежной ноги через определенное время). Воспитанников лишали обеда, сладкого блюда, увольнения в город, погон, мундира, ефрейторского или унтер-офицерского званий; практиковались записи на черную доску, внеочередное дневальство, арест и, наконец, отчисление из Кадетского корпуса.

Гораздо скромнее выглядело количество поощрительных мер, ограничивавшихся благодарностями, похвальными листами, записями фамилий на красную доску да подарками. Надо сказать, что палочная дисциплина, в основу которой был положен тезис «Стыдно кадету дать менее ста розог», уставом Бецкого была отменена. Однако восполнить это «эффективное варварство» постоянной высокой требовательностью и кропотливой воспитательной работой Бецкому не удалось. Что же касается Ангальдта, то его безграничный либерализм только усугубил положение. Попытка же исполняющего обязанности директора корпуса Ридингера навести порядок принятием суровых мер привела к ожесточению взаимоотношений между воспитателями и воспитуемыми из-за формального подхода к делу первых. Небрежное отношение кадет к учебе, драки, грубость в обращении с прислугой и унтер-офицерами, курение, пьянство, азартные игры, самовольный уход в город, неподчинение приказам принимали угрожающий характер. Вот почему, вступая в должность директора корпуса, наиболее трудной и первостепенной задачей генерал Кутузов считал «восстановление среди избалованных молодых людей дисциплины, сообразной с воинскими правилами».

Новый директор уточнил функциональные обязанности должностных лиц и потребовал неукоснительного выполнения их, показывая при этом личный пример. Михаил Илларионович регулярно посещал утренние подъемы и «вечернюю зорю» корпуса, постоянно присутствовал на разводах и экзерцициях, бывал часто в рекреациях,

столовой и кадетских камерах, проводил строевые смотры, к тому же сам проводил занятия и присутствовал на занятиях у других учителей.

При этом, как свидетельствуют очевидцы, первые шаги нового директора отличались строгостью, сдержанностью и постоянной высокой требовательностью, что произвело на воспитанников, на начальствующий состав и обслуживающий персонал корпуса явно неблагоприятное впечатление. И это вполне понятно. Будучи человеком обязательным, собранным, дисциплинированным, Кутузов и от подчиненных требовал того же. Прежде всего новому руководителю следовало восстановить естественную грань между начальником и подчиненными, стертую либерализмом Ангальдта. Поэтому появление Кутузова среди воспитанников носило официальный характер. Так, кадет тех времен И. С. Жиркевич писал в своих воспоминаниях, что он «не может представить себе генерала Кутузова иначе как в голубом плаще, форменной шляпе и при звездах».

Вместе с тем Кутузов, конечно, понимал, что подтянутость и официальность — это всего лишь одна сторона дела. Авторитет начальника наряду со многими факторами зависит от его человечности, постоянной заботы и внимания к подчиненным. Поэтому с первых же дней пребывания в корпусе он категорически запретил применение к кадетам каких-либо физических мер воздействия, обращая основное внимание на убеждение с учетом возрастных особенностей кадет. «Когда наказание становится частым и чрезвычайным, — говорил он, — худые поступки умножаются. Юлий Цезарь нещадно казнил за серьезные проступки, но за малые погрешности наказывал стыдом».

Вот как сами кадеты писали о Кутузове-воспитателе: «Если случалась какая-либо шалость, директор, стараясь не разыскивать виновного, созывал учеников и говорил, что он не хочет знать, кто пятнает звание кадет, и своей

беседой доводил их до того, что они в конце концов сами называли виновника происшествия и стыдили его».

Понятно, что руководить шестьюстами воспитанниками в возрасте от пяти до двадцати лет — дело непростое. Преподавателю, аббату, надзирателю необходимо было сочетать в себе не только качества командира, учителя и наставника, но и в какой-то мере заменять детям родителей. Не случайно корпусным уставом им вменялось «иметь над кадетами родительское смотрение, дабы непристойные пороки у них заранее искоренены были». Все это требовало от воспитателей не только строгости в обращении, но и постоянного внимания к детям, их нуждам, здоровью, успехам и невзгодам. «Дети остаются детьми, если они и одеты в кадетские мундиры», — опять же подчеркивал Михаил Илларионович, требуя от воспитателей постоянной чуткости, заботы и выдержанности, показывая и в этом отношении прекрасный тому пример.

Об исключительной выдержанности Кутузова ходили легенды. Так, в период Измаильской баталии, получив сообщение о кончине сына, Михаил Илларионович мужественно выдержал удар судьбы. То же позднее произошло в сражении под Аустерлицем, когда был смертельно ранен зять Михаила Илларионовича (муж Елизаветы), его адъютант Федор Иванович Тизенгаузен (эпизод трагической гибели Тизенгаузена, описанный Ф. Глинкой, позднее был использован Л. Н. Толстым в романе «Война и мир» при описании сцены подвига и ранения князя Андрея Болконского).

Кутузов, узнав о смертельном ранении глубокоуважаемого и любимого им человека, к удивлению присутствующих, внешне не проявил никаких признаков горя, спокойно и хладнокровно продолжая руководить сражением. И это не было бессердечностью, поскольку на другой день он долго плакал. На вопрос одного из прибли-

женных: «Чем можно было бы объяснить такую разительность в поведении?» Кутузов ответил: «Вчера я был полководец — сегодня я отец».

В этом характерном эпизоде особенно ярко раскрылся сильный характер Кутузова как военачальника, твердо владеющего собой в критический момент сражения, и как человека, глубоко любящего близких ему людей.

Надо подчеркнуть, что чуткое отношение к воспитанникам Кутузов сочетал со столь же высокой требовательностью.

Прежде всего новый директор потребовал от всех подчиненных, независимо от занимаемых ими должностей, и особенно от кадет, безукоризненной исполнительности. «Раны мои,— говорил он,— свидетельствуют, что я не трус». Однако при этом постоянно напоминал, что душа воинской службы не столько в личной храбрости, сколько в беспрекословном повиновении. «Не тот истинно храбр, кто по произволу своему мечется в опасности, а тот, кто повинуется. Кто умеет повиноваться, умеет и повелевать»,— заключал он.

Вот почему тот же Жиркевич дает такую характеристику своему директору: «Вид грозный, но не пугающий юности, а более привлекательный. С кадетами обращался ласково и такого же обращения требовал от офицеров. Часто являлся между нами во время каких-нибудь игр, в свободные часы от занятий, и тогда мы все окружали его толпой и добивались какой-нибудь ласки, на которые он не был скуп».

Надо отметить, однако, что там, где требовали того обстоятельства, Кутузов наводил порядок твердой рукой, о чем свидетельствуют его многочисленные приказы о наказаниях за грубые проступки: пьянство, разболтанность, лень и т. д. «Находящийся при 3-м возрасте классный сторож фурьер Емельян Дроздов за пьянство и упущение в должности разжалован в рядовые»,— говорится в одном из них.

Впрочем, директор корпуса был не менее строг и к воспитателям, в подтверждение чего можно было бы привести также один из его приказов: «Подпоручику Рогозину за неосторожность против дежурного господина майора Рейтера и за сделанный им в столовой зале шум делается на первый раз выговор, ибо господин майор более наказания не требует, а впредь от таких поступков блюсти себя подтверждается».

Было упорядочено и увольнение кадет в городской отпуск. Теперь воспитанники младших возрастов выходили организованно, группами по десять — пятнадцать человек, под присмотром одного из воспитателей. Старшие же возрасты шли в увольнение самостоятельно, однако перед этим получали «зело добрые» напутствия роного и дежурного офицеров со столь же «зело добрым осмотрением» внешнего вида. На увольнительном билете каждого из них были написаны «требования, касающиеся его поведения в увольнении».

Все это возымело свои результаты. Количество замечаний и претензий к увольняемым кадетам со стороны военного коменданта Санкт-Петербурга резко сократилось.

Кутузов не стал производить коренной ломки учебно-воспитательного процесса в корпусе, ограничившись частичной перестройкой его структуры, установлением должной дисциплины, порядка и совершенствования учебных программ. Действительно, в условиях сравнительно непродолжительного пребывания его в должности директора и существовавшей чиновничье-бюрократической волокиты коренная ломка вряд ли была целесообразна. Между тем в период пребывания Кутузова в должности директора корпуса там окончательно утвердилась классно-урочная система обучения, существующая поныне.

Административная деятельность Кутузова и особенно его педагогические воззрения оставили заметный след

не только в Кадетском корпусе, но и во всей системе военного образования России.

В период ожесточенной борьбы с пруссачеством, насаждавшим казарменно-палочную дисциплину, когда лучшие традиции Петра I предавались забвению, а суворовские идеи обучения и воспитания войск претворялись в жизнь, преодолевая величайшее сопротивление, Кутузов всецело был на стороне прогрессивной военно-педагогической науки.

Его вклад в совершенствование учебно-воспитательной работы и наведение военного порядка в корпусе переоценить очень трудно.

Уже с первых дней пребывания предпринимаются решительные шаги по «военизации» программы. Значительно большее место в обучении стали занимать отработка тактических приемов, ориентирование на местности, маршевая подготовка, владение оружием. Больше внимания стало уделяться вопросам фортификации и артиллерийскому делу.

Методы, применяемые Кутузовым, были самыми различными. Чтобы вызвать интерес у воспитанников к инженерному делу, в помещении большой рекреации был поставлен разборный макет «Вобановой крепости» с краткими пояснениями. Там же находилось хорошо иллюстрированное французское издание по инженерному делу в сорока частях. И надо сказать, что кадеты с удовольствием возились здесь в свободное от занятий время, совершенствуя свои знания. В корпусе были две двенадцатифунтовые пушки. По строгому графику времени воспитанники изучали устройство этих орудий, практикуясь в приведении их в боевое и походное положения, занимаясь наводкой в цель и учебной стрельбой.

Изменилось отношение к физическому воспитанию юношей. Стали обязательными гимнастические занятия, соревнования (в беге, преодолении препятствий, плавании, стрельбе). Популяризовались различные спортивные

ные игры: в мяч, городки, чехарду и т. д. Зимой, в свободное от занятий время, кадет непременно выводили на Неву кататься с ледяной горки.

На приведенном в порядок и утрамбованном строевом плацу юности четко печатали шаг, отрабатывая исполнение различных ружейных приемов и действий в строю. Хорошо организованные строевые занятия не только способствовали физической закалке, но и вырабатывали у кадет сноровку, выправку, собранность и дисциплинированность. Конечно, не обошлось и без трудностей. Время на изучение некоторых дисциплин пришлось сократить. Особенно «обиженными» оказались учителя танцев, музыки и этикета.

Как уже говорилось, для подготовки преподавателей и воспитателей в Кадетский корпус принимались и дети мещан. При этом устав корпуса предусматривал совместное обучение их с детьми дворян. Но со временем дворянская молодежь была обособлена. Кутузов же, несмотря на сопротивление опекунского совета, настоял на объединении групп. Объяснил он это необходимостью освобождения преподавателей корпуса от излишней нагрузки. Настаивая на таком решении, Михаил Илларионович, конечно, понимал, что, занимаясь совместно, кадеты исподволь, с детства научатся ценить людей не за их происхождение, а за их способности, труд и незаметно «привыкнут не пренебрегать теми, кто по законам общества определен к низшему против них состоянию». Это должно было, конечно, привести к уважению низших чинов, к способности видеть в солдате человека, без чего рассчитывать на успешную работу будущих офицеров в войсках было трудно. Кутузов постоянно подчеркивал: «Я получил многие чины, награды и раны. Но лучшей наградой почитаю, когда обо мне говорят: он настоящий русский солдат!» Не случайно на «говорящей стене» было помещено еще одно его изречение: «Господам офицерам в сражениях прилежно замечать, кто из

М. И. Кутузов. Д. Доу. 1820-е годы.

М. И. Кутузов. Гравюра Л. Серякова, 1774.

И. Л. Голенищев-Кутузов. Миниатюра работы неизвестного художника. Начало 1800-х годов.

Д. И. Кутузова — мать полководца.

Е. И. Голенищева-Кутузова. Миниатюра Ш. де Шамиссо. Конец 1790-х годов.

Прасковья Михайловна — дочь М. И. Кутузова. Портрет работы неизвестного художника. Вторая четверть XIX века.

Елизавета Михайловна — дочь М. И. Кутузова. В. Н. Гау. 1838.

Анна Михайловна — дочь М. И. Кутузова. Миниатюра работы неизвестного художника. 1801—1802.

М. И. Кутузов. Миниатюра П. Э. Рокштуля. 1800-е годы. →

Дарья Федоровна Фикельмон — внучка М. И. Кутузова. Акварель работы П. Ф. Соколова. 1837.

П. И. Шувалов — директор Артиллерийско-инженерной школы, генерал-фельдцейхмейстер. Портрет работы неизвестного художника. XVIII век.

П. А. Румянцев — генерал-фельдмаршал. Портрет работы Д. Г. Левицкого. XVIII век.

А. В. Суворов. Миниатюра К. Бекона. 1795.

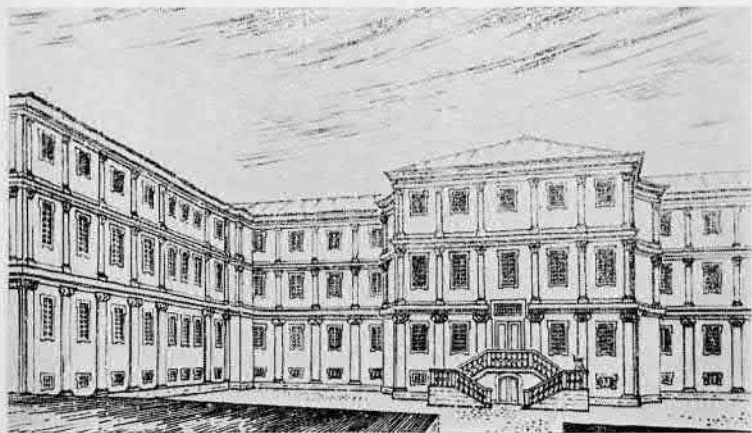
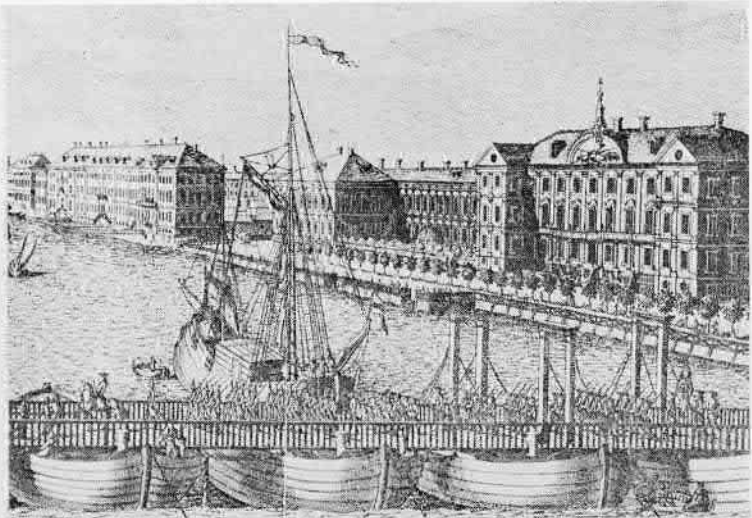
П. И. Багратион. Гравюра Гальби. Начало XIX века.

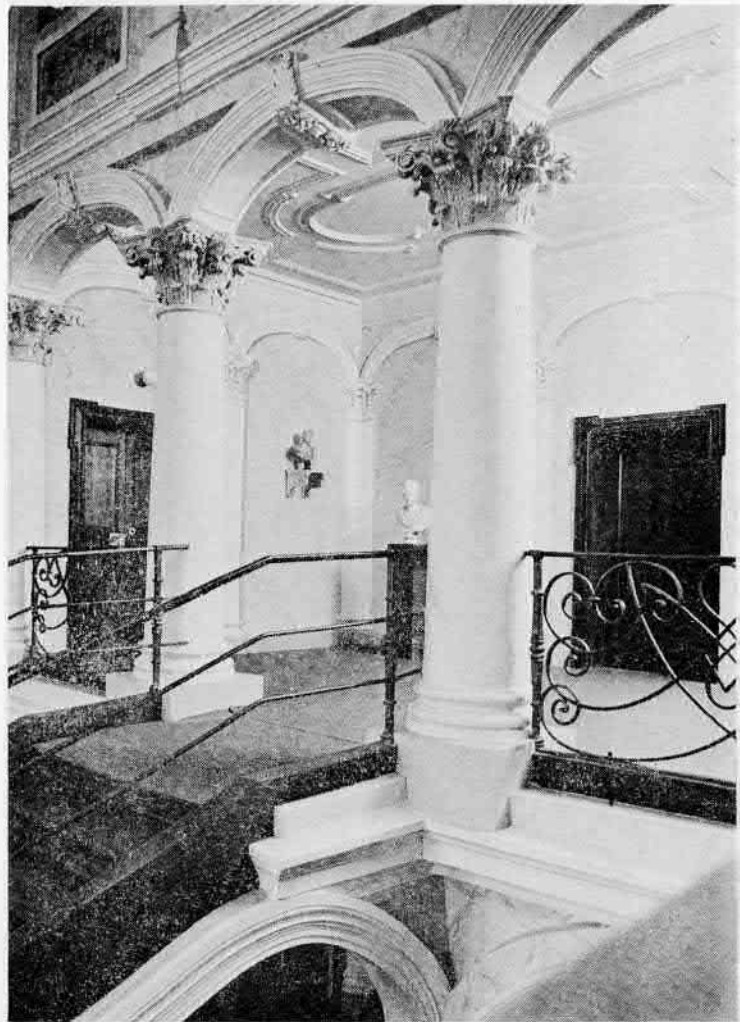

Дом Кутузова на набережной Невы (набережная Кутузова, 30).
Фотография, 1986.

Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Гравюра Я. В. Васильева, 1753. →

Меншиковский дворец. Вид со стороны двора и сада. Проект реставрации А. Э. Гессена. →

Меншиковский дворец. Ореховый кабинет, впоследствии кабинет директора Кадетского корпуса. Вид после реставрации.

Меншиковский дворец, Спальня на Варваринной половине. Вид после реставрации.

нижних чинов больше отличается храбростью и духом твердости и порядка. Таковых долг есть высшего начальства скорее производить в чины, ибо корпус офицеров всегда выигрывает получением храброго офицера, из какого бы рода он ни был».

Екатерина II удовлетворила ходатайство Кутузова об изменении организационной структуры корпуса, введенной Бецким. Вместо расплывчатой полувоенной организации с делением на возрасты были вновь созданы роты, а командиры их стали полноправными начальниками, несущими по уставу всю ответственность за подчиненных.

Словом, дела в корпусе изменились к лучшему. «Глубокое проникновение в суть дела, твердость тона, решительность действий и спокойная деловитость генерала Кутузова,— пишет современный историк Н. И. Алпатов,— свидетельствовали о том, что корпус находится в надежных руках».

В феврале 1795 года петербургская знать была уязвлена неожиданным решением императрицы назначить генерала Кутузова на должность командующего войсками в Финляндии. Особенно озадачивало сановников то, что решение было принято в нарушение устава Кадетского корпуса. Одна из первых статей его категорически требовала отстранения руководителя этого учебного заведения от всех других обязанностей, «дабы через то не истребилось недремное проворство и строгость порядка, которые безотлучно его, днем и ночью, в корпусе пребывания требуют».

Императрица сделала исключение. Кутузов назначался командующим войсками в Финляндии без освобождения его от должности директора корпуса. Это вызвало немалые толки. Впрочем, и сейчас трудно понять, как генералу удавалось одновременное выполнение этих двух должностей. Между тем документы свидетельствуют, что Михаил Илларионович не только успешно коман-

довал войсками в Финляндии, но и безукоризненно руководил кадетским корпусом, который «под его начальством был в лучшем состоянии». Основное требование корпусного устава, гласящее: «Во главе корпуса должен быть человек в воинских делах состарившийся и искусный как в этих делах, так и в правилах к гражданскому житию принадлежащих, радетельный, трудолюбивый, кроткий, ласковый, обходительный, но в воинских упражнениях вид строгости имеющий», было соблюдено безукоризненно.

В феврале и марте 1795 года Кутузов знакомился с вверенными ему войсками. Он инспектировал русско-шведскую границу, произвел тщательный осмотр крепостей и оборонительных сооружений, побывал в гарнизонах. Всеми делами в корпусе в его отсутствие руководил генерал-майор К. П. Ридингер.

Выходец из Пруссии, Карл Петрович к исполнению возлагаемых на него обязанностей относился с величайшей добросовестностью, непременно проявляя при этом пунктуальность и педантизм.

Однако постичь специфику русской военной школы генералу-иностранцу было нелегко.

Сына своего Александра Ридингер определил в кадеты руководимого им корпуса. Вскоре по приходе нового директора Ридингер-младший был рекомендован в лажи, а в Отечественной войне 1812 года воспитанник корпуса полковник Александр Ридингер проявил блестящее воинское дарование при овладении крепостями Пиллау, Данциг и при взятии Парижа.

Что же касается Ридингера-старшего, то, работая под начальством Кутузова, генерал превратился из посредственного директора корпуса в прекрасного его заместителя. Михаил Илларионович с свойственным ему тактом умело направлял деятельность помощника.

Однако вернемся к делам корпуса и его директора, в канцелярии которого теперь стали одновременно ре-

шаться и многие вопросы, относящиеся к войскам, «в Финляндии находящимся».

Итак, с приходом генерала Кутузова дела в корпусе изменились к лучшему. Это был результат огромной, повседневной, кропотливой работы. На каждый год в корпусе теперь тщательнейшим образом стали разрабатываться учебные планы. Они конкретизировались в конце каждого месяца на следующий. Директору корпуса представлялись на утверждение недельные расписания на каждый возраст (позднее на роту) с указанием предметов, времени, мест проведения и фамилии учителя. Учителям было предложено представлять в канцелярию еженедельные сведения о количестве обучаемых ими кадет и оценках их знаний. Директор имел всегда четкое представление о положении дел. На каждого кадета было заведено по две книжки (нечто подобное нынешнему дневнику школьника). Одна хранилась у воспитанника, другая — у дежурного офицера. В книжках-дневниках отмечались успехи кадет и делались отметки об их поведении. На каждого воспитанника на полугодие было приказано «составлять аттестат». При переводе кадет в старшие классы строго учитывались не только знания, показанные на экзамене, но и ответы их на занятиях. Для соблюдения дисциплины во время занятий директор требовал: «Учителям и дежурному офицеру иметь крепкое смотрение, чтобы кадеты из класса в класс часто не переходили...» и «...в своих классах со всякой тисхостью сидели».

Воспитанники стали систематически получать учебники из ротных канцелярий. Улучшилась и методика преподавания предметов, контроль за проведением занятий, были введены «показательные уроки» для самих учителей. Для учителей-иностранцев ввели занятия по изучению русского языка. Прекрасно зная французский, немецкий и владея английским, Михаил Илларионович свободно переходил в разговоре с учителями и аббата-

ми-иностранцами на их родной язык. Присутствующий при одной из таких бесед инспектор классов майор Клингер* заметил, что «генерал Кутузов разговаривает на немецком как истинный немец», на что Михаил Илларионович ответил: «Нет, милостивый государь, с немцами я немец, с французами — француз только в разговоре на их языке. По природе же я — русак».

Кутузов предпринимает энергичные меры к повышению ответственности командиров рот за их подчиненных. «Худые поступки господ кадетов в классах относительно будут немалую частью нерачению ротных командиров, в чем они будут и ответственны, яко воспитатели и единственные наставники их нравственности,— писал он в одном из своих приказов,— по сей части должны они сноситься с правящим должностъ инспектора классов и общими силами с ним содействовать к доброму концу. Сверх того, господину майору Клингеру рекомендую чинить о ленивых свое замечание и, сделав особую книгу, вносить в оную имена их каждый месяц. Сия книга при выпуске уважаема будет более других аттестатов».

Известны многочисленные приказы Кутузова «О ленивых кадетях» с установлением сроков по исправлению влохих отметок. Распоряжением директора корпуса с отстающими воспитанниками были организованы дополнительные занятия за счет их свободного времени. Ленивых заставляли заниматься по воскресеньям, лишая не только увольнений в город, но и унтер-офицерских званий.

При этом кадет, не подающих надежд на успешное окончание полного курса обучения, было решено выпускать из четвертого общего класса прапорщиками в гарнизоны (для несения службы внутренней охраны).

* Инспектор классов — помощник директора корпуса по учебной работе.

Острыми на язык кадетами вскоре были сложены стихи:

Мы твердо знаем свой закон
И на судьбу свою не ропщем,
И, чтобы выйти в гарнизон,
Довольно быть в четвертом общем.

Одновременно Кутузов требовал не зубрежки в обучении, а сознательного отношения к изучению предмета. Проявляя беспокойство за знания воспитанников, весной 1796 года, не считаясь со временем, он тщательно проверял их подготовку перед публичным экзаменом у себя на дому. Позднее, прощаясь, каждому из них (как воспоминание о днях детства, проведенных в Кадетском корпусе) вручил книгу, кратко повествующую об истории корпуса, в которой были собраны и изречения с «горящей стены».

Обращаясь теперь уже к офицерам с напутственной речью, он говорил: «...Господа, где бы вы ни были, вы всегда найдете во мне человека, искренне желающего вам счастья. Я буду награжден за любовь к вам вашей славой, вашей честью, вашей любовью к отечеству».

Успехи корпусных дел объяснялись не только прекрасными административными способностями Кутузова, но и его педагогическим талантом. Особенно сильное впечатление оставляли его лекции по военной истории. И это вполне понятно. Ведь занятия вел непосредственный участник и герой минувших войн, видный военачальник, представитель передовых взглядов русского военного искусства, талантливый ученик и последователь гениального Суворова.

Если сказанное дополнить напоминанием о ярком ораторском таланте полководца, то станет понятно, почему кадеты с такой увлеченностью относились к урокам своего шефа, утверждавшего, что «история войн заключает в себе опыт человечества и разум веков»,

Кутузов не только великолепно излагал события недавнего прошлого, но и столь же интересно и поучительно говорил о всем сложном и многообразном пути, пройденном военным искусством с начала его зарождения. На конкретных исторических примерах он будил творческую мысль слушателей, указывая на необходимость использовать полученный опыт и находить новые приемы и способы ведения боя, подкреплял это историческими примерами из полководческой деятельности Клеомбротта, Ганнибала, Александра Македонского, Юлия Цезаря, Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I, Румянцева и особенно Суворова.

Слушатели таким образом получали целостное представление о развитии военного дела с его изначальных форм в древности — от действий воинов в отрядном построении с последующим переходом к фаланге, легиону манипулярного и когортального строя, линейной тактике и, наконец, к тактике колонн и рассынного строя; от действий в сражениях с равномерным распределением сил по фронту к неравномерному распределению их с выделением резерва и созданием вторых эшелонов, а также от организации взаимодействия сухопутных войск и флота до взаимодействия пехоты, кавалерии и артиллерии; от примитивной организации отрядов до утвердившейся к тому времени организационной структуры: рота — батальон — полк — дивизия — корпус — армия.

После исторического экскурса кадеты переходили к изучению тактики, которая воспринималась ими не как нечто привнесенное извне, а как логическое развитие военного искусства.

Берясь за преподавание военной истории, Кутузов понимал и другое: огромное воспитательное значение предмета. Изречение П. Шувалова: «История больше в сердце молодого человека добродетелей вливает, нежели наистрожайшее нравоучение, а сколько подает военному служащему пользы, того и описать невозможно» — было

хорошо усвоено им с детства. Вот почему, обращаясь к юношам, Кутузов говорил: «Пусть каждый помнит Суворова. Он поучал нас сносить и голод и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

Кутузов впервые ввел в программу Кадетского корпуса изучение тактики. К чести нового директора, генерал не только учредил «класс тактики» для воспитанников и офицеров, но сам и преподавал ее, разработав методику предмета. Что же касается схем, то они были изготовлены кадетами по чертежам Михаила Илларионовича. Особенно здесь отличились кадеты Карл Толь и Сергей Глинка, наиболее одаренные из воспитанников старших классов. Судьба этих юношей, в формировании мировоззрения которых Кутузов оставил глубокий след, интересна.

Карл Федорович Толь дослужился до генерала от инфантерии («полного генерала») русской армии. В Отечественной войне 1812 года он — генерал-квартирмейстер штаба соединенных армий, незаменимый помощник главнокомандующего. В обязанности его входило изучение местности, организация расположения и передвижения войск, а также разведка, подготовка топографических карт и схем, руководство строительством укреплений, ведение записей походов и боевых действий.

После смерти Кутузова, когда недоброжелатели его фальсифицировали события Отечественной войны и роль в ней полководца, Толь решительно выступил против извращений истины. При этом он категорически отрицал приписываемую ему якобы решающую роль в принятии тех или иных решений главнокомандующим, заявляя: «...Он (Кутузов.— Авт.) с твердостью и постоянством, предводительствуя всеми нашими армиями, при свете обширного и опытного ума своего, придумывал общие планы действий, долженствовавших неминуемо привести неприятеля к гибели, и назначал время и место для исполнения сих планов».

Я же ограничивался кругом, мне принадлежавшим, довольствовался разработкою его мыслей и составлял подробные распределения, необходимые для всякого военного действия».

Совершенно иная судьба ждала Сергея Николаевича Глинку. Вскоре по окончании Кадетского корпуса он уволился из армии в чине майора. После смерти отца, отказавшись от наследства в пользу сестры, он три года учительствовал на Украине. Затем работал в театре, пробовал свои силы на литературном поприще. В 1808 году Глинка основал журнал «Русский вестник», сыгравший заметную роль в борьбе с французским влиянием и преклонением перед всем иностранным, широко распространенным в ту пору среди дворян. Особую популярность журнал получил «в период всенародного возбуждения 1812 года». Редактору его был пожалован орден святого Владимира IV степени. Автор известных «Записок о 1812 годе», пьес «Минин» и «Осада Полтавы», ряда поэм и повестей, по словам П. А. Вяземского, он «был рожден народным трибуном». Любитель словесных тирад военный губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин именно тогда сказал Сергею Глинке: «Развязываю вам язык на все полезное для Отечества, а руки на триста тысяч экстраординарной суммы». Прямой, честный и бескорыстный человек, назначенный после восстания декабристов на должность цензора, Глинка вскоре оставляет этот пост. Полученные им триста тысяч рублей Сергей Николаевич, несмотря на бедность свою, возвратил казне, не затратив ни одной копейки.

В корпусе постоянно бывал и другой Глинка, младший брат Сергея — Федор, в последующем активный участник войны с наполеоновской Францией, автор «Писем русского офицера» и многих поэтических творений, в том числе стихов, ставших народными песнями, — «Вот мчится тройка удалая» и «Не слышно шума городского». После окончания Отечественной войны Федор Николае-

вич оказался в рядах декабристов. Заведую канцелярией военного губернатора столицы генерала М. А. Милорадовича, имея доступ к документам тайной полиции, он оказывал огромную помощь тем, кто готовил восстание.

В его квартире на Театральной площади, в доме Анненковой (ныне дом № 16), собирались члены Союза благоденствия, обсуждались программные вопросы и намечались пути достижения поставленных целей.

В январе 1820 года здесь проходило совещание, на котором П. И. Пестель доложил «все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правления с тем, чтобы потом каждый член объявил свое суждение и свои мнения». Почти все присутствующие проголосовали «за республиканское государственное устройство России». Было также решено, что основной силой государственного переворота станет революционная армия.

Федор Глинка был большим другом А. С. Пушкина. Именно к нему Александр Сергеевич обратился за советом, когда вызван был для объяснений к генерал-губернатору в связи с распространением в столице его свободолюбивых стихов.

Среди лиц, хлопотавших о смягчении приговора, был и Федор Глинка. Глинка использовал для этого свое влияние на генерал-губернатора М. А. Милорадовича, с которым он прошел Отечественную войну 1812 года в должности адъютанта.

Позднее Федор Глинка посвятил ссыльному поэту полное сочувствия стихотворение, на что Пушкин откликнулся посланием «Когда среди оргий жизни шумной». Он же в августе 1830 года, несмотря на строгий надзор, вместе с поэтом П. А. Вяземским посетил сосланного в Тверь Федора Глинку.

Как и Толь, Глинка твердо защищает величие подковоначеского искусства Кутузова. «Кто из русских не согласится, что в Отечественной войне одно искусство, в

лице знаменитого полководца нашего Кутузова, победило силу. Оно защитило нашу честь, возвысило славу, нашу свободу и великое преимущество называться русскими», — писал он.

Однако все это будет потом. А пока, постигая азы военного искусства, кадеты усердно вычерчивали тактические схемы.

В самом плачевном состоянии были финансовые дела корпуса. Из доклада главного казначея Василия Эмса выходило, что корпусу грозит банкротство. Вследствие попустительства Ангальдта многие из поставщиков, заполучив ссуды, своих договорных обязательств не выполнили. Таким образом, корпус, с одной стороны, оказался на положении прекраснородного кредитора. С другой — должником, поскольку надо было постоянно брать в кредит продовольствие, фураж, необходимое имущество, ремонтировать здания и платить жалование. Задолженность и проценты по ней, возрастая из года в год, поставили казну корпуса в критическое положение.

Тут было над чем задуматься. Не случайно в одном из своих первых рапортов императрице Кутузов писал: «При вступлении в командование Шляхетского сухопутного кадетского корпуса... нашел я, при сочтении казны, корпус должным по первое октября сего 1794 г. немалую сумму».

Необходимо было экономить во всем. Директор категорически запретил самовольный, дорогостоящий и мало что дающий ремонт зданий и помещений корпуса. «О первого числа генваря будущего 1796 года, — говорилось в одном из его приказов, — никаких как в казенных, так и у живущих, корпусу принадлежащих чинах и прочих строениях поделок и починков без повеления моего не чинить, а равно и стекол ни по каким требованиям кроме казенных мест, то есть кадетских спален, рекреационных залов и классов не вставлять без доклада ко мне». Вся

ответственность за содержание и ремонт помещений была возложена на корпусную полицию*. «Всем починкам и строениям корпусным,— требовал директор,— состоять в ведении корпусной полиции, почему господин подполковник Андреевский, управляющий оной полицией, относительно до строений как о каменной, так и плотничной и протчих работах имеет сделать положение в распределении цен и с подрядчиками заключить договоры с выгодой корпусной и по заключении представить мне на рассмотрение».

Был установлен твердый порядок в расходовании корпусных денег, продуктов питания, выдаче одежды и предметов обихода. «Для соблюдения порядка,— опять же требовал он,— предлагаю господину дежурному майору подавать мне ежедневно записки, какое прошедшего дня для господ воспитанников было кушанье, и объяснить в оных о доброте припасов. А так же и о том за нужное нахожу поставить, чтобы вещи предвидимые, как то: пудру, помаду, ленты, гребни и прочее требованы были помесечно вперед... Крайне стараться господам ротным командирам, инспекторам и прочим, чтобы вещи прочие употреблены были со всякой бережливостью и каждый предмет тщательно учитывался в книгах».

С целью поднятия ответственности кадет за сохранение имущества Кутузов предписывает: «О потерянных кадетами классных книгах, математических инструментах и прочих вещах, кои именно потеряны, ежемесячно подавать рапорты». А позднее в приказе: «...за потерянные кадетами книги: Хвостова — за «Всемирную историю», Рейценштельда — за «Российскую грамматику», Лобыевича — за «Лезебух», Воейкова — за «Краткую священную историю», — требую, при тех же ротах нака-

* Корпусная полиция отвечала за внутренний порядок, строевую часть и комендантскую службу. И в настоящее время в армиях некоторых государств имеются подразделения военной полиции.

зать и при том воспитанникам подтвердить настрояйше, чтобы они хранили казенные вещи, зачем и господам офицерам накрепчайше смотреть».

Надо сказать, что рачительность была характерна для всей хозяйственной деятельности генерала. Так, был заведен строжайший учет корпусного имущества, для чего в каждой роте была «учреждена» приходо-расходная книга, прошнурованная и скрепленная печатью директора корпуса. С этой же целью имущество корпуса ежегодно, а казна — ежемесячно стали ревизоваться специально созданными комиссиями. Для экономии денежных средств при корпусе была оборудована своя хлебопекарня.

Рачительность Кутузова имела и большое воспитательное значение, поскольку развивала у кадет бережливость, аккуратность и осмотрительность в действиях.

Одновременно с жесткой экономией денежных средств Кутузов предпринимает энергичные меры по ликвидации задолженности корпусу от многочисленных поставщиков. При этом оказалось чрезвычайно трудным не только взыскание процентов, но и вообще возврат ссуд, так как многие из кредитуемых или сознательно тормозили возврат денег, или действительно оказались неплатежеспособными.

Положение финансовых дел осложнялось к тому же несвоевременным поступлением средств из государственной казны на содержание корпуса, в связи с чем Кутузов обращается с настоятельными просьбами в Правительствующий Сенат. Притом в одном из писем на имя тайного советника Х. С. Мишиха он просто умоляет о выделении хотя бы части полагающегося: «...и прошу покорнейше, если теперь невозможно хотя из первоначальных оной капитал и с процентами приказать отпустить...»

Стараниями Кутузова годовой бюджет корпуса с 200 тысяч рублей был увеличен с 1 января 1797 года до

225 207 рублей 36 копеек. Но этого оказалось недостаточно.

Для поправки финансовых дел пришлось принимать экстраординарные меры: брать займы под проценты с залогом земель, принадлежащих корпусу, и даже частично распродать их.

Корпус в экономическом отношении представлял собой вполне самостоятельную единицу. Снабжение продовольствием, фуражом, обмундированием, обувью, снаряжением не было централизовано. Директору при решении многих хозяйственных вопросов следовало исходить из возможностей бюджета, а с другой стороны — уповать на добросовестность и предприимчивость интенданта, в чьих руках практически находилась вся хозяйственная часть. Должность эта официально называлась в разные времена по-разному. Неофициально же всегда — эконо́м.

Михаил Илларионович с уважением относился к нелегкому интендантскому труду, требовавшему постоянной полной самоотдачи. Категория этих людей, «не ползавших под пулями», всегда отличалась внешней респектабельностью. Знакомство же с эконо́мом корпуса Андреем Петровичем Бобровым произвело совершенно неожиданное впечатление. Перед директором предстал офицер низенького роста, полный, чрезвычайно неряшливый на вид. Однако первое впечатление о человеке не всегда верно. Так было и на сей раз. Как писал Н. С. Лесков в повести «Кадетский монастырь», этому человеку, отдававшему всего себя службе, не хватало времени ни на внешний лоск, ни на женитьбу. Жил он чрезвычайно скромно на территории корпуса, «дабы быть постоянно на месте», питался из кадетского котла. При этом бо́льшая часть жалованья уходила «на восполнение экономических прорех корпуса» и на оказание материальной помощи немущим кадетам, особенно из мещанской среды, к коей принадлежал и он сам. Нахо-

дьясь постоянно среди кадет, выикая в каждую мелочь быта, добродушный и отзывчивый эконоом пользовался среди воспитанников огромным авторитетом. Каждому из них по выпуску он дарил на память серебряную ложку, а «бедным и безродным» справлял «приданое». И воспитанники отвечали ему взаимной привязанностью. Если кому-либо из них впоследствии приходилось бывать в Петербурге, то, несмотря на занятость и чины, они обязательно навещали в корпусе «старого Бобра», который, радушно встречая их, непременно угощал кадетским обедом. Не случайно интенданту Боброву посвятил одну из своих од юный К. Ф. Рылеев. Она начиналась словами: «О ты, почтенный эконоом Бобров!»

Для директора корпуса такой помощник был просто находкой.

В целом хозяйство корпуса в период пребывания в нем Кутузова было приведено в надлежащее состояние, а финансовое положение значительно улучшено. Все это потребовало от Михаила Илларионовича огромных сил. Впрочем, не обошлось без неприятностей.

Недруги Кутузова из влиятельных кругов, прочившие развал дел при вступлении нового директора в должность, распустили слух о якобы имеющих место злоупотреблениях в корпусе.

Вот что писал об этом в «Русском архиве» генерал-адъютант граф Е. Ф. Комаровский: «Поступало ко мне множество бумаг от графа Ферзена по бывшим будто бы злоупотреблениям, генералом Кутузовым допущенным: распродаже пустопорожних мест, корпусу принадлежащих и проч. Я заметил, что между сими двумя генералами была взаимная личная вражда от зависти, может быть, в военном искусстве происходившая; мне хотелось, чтоб представления графа Ферзена не сделали вреда генералу Кутузову, ибо я знал строгость императора, и если бы сии бумаги доведены были до сведения его величества, то генерал Кутузов непременно бы постра-

дал. Я много раз ѣздил к генералу Ферзену и старался склонить его к некоторому снисхождению, но успеть в том не был в состоянии. Наконец, выбрав веселую минуту великого князя (Константина Павловича, сына Павла I.—*Авт.*), объяснил все его величеству; он меня поблагодарил и приказал поехать к графу Ферзену и сказать ему: что все, что было сделано в управлении генерала Кутузова корпусом, происходило в царствование августейшей его бабки и что его высочеству не угодно, чтоб генерал, служивший ее величеству с честью, получал какую-либо неприятность, а потому приказывает его превосходительству, чтобы впредь на генерала Кутузова никаких представлений более не делать. Графу Ферзену это было очень неприятно. В первый раз, как я встретился с генералом Кутузовым во дворце, он меня чрезвычайно благодарил, вероятно, ему все было известно».

Между тем командование войсками в Финляндии занимало немало времени. Приходилось часто совершать инспекционные поездки, выезжать в гарнизоны по неотложным делам, руководить подготовкой войск, нести полную ответственность за их боевую готовность и дисциплину, вникать в вопросы жизни и быта, улаживать отношения с местным населением, постоянно бывать в канцелярии командующего, руководить разработкой важных документов, а также ремонтом и строительством оборонительных сооружений.

В подчинении Кутузова находились десять мушкетерских полков, полк донских казаков, три егерских батальона, четыре полевых московских мушкетерских батальона, два гребного флота артиллерийских батальона; оборонительные сооружения Роченсальмского порта, Нейшлота, Вильманстранда, Давыдовской и Выборгской крепостей, Сайменского канала и острова Котке. Только в 1795 году на совершенствование их царское правительство выделило 176 688 рублей 10 копеек.

За короткий срок Кутузов навел порядок в организации пограничной службы. Под его руководством была составлена карта Финляндии, разработан план на случай войны со Швецией.

Тесное общение с войсками в период службы в корпусе позволяло Кутузову хорошо видеть не только сильные, но и слабые стороны бывших своих выпускников. Это давало возможность с наибольшей целесообразностью вносить коррективы в учебные планы.

Каждый раз, возвращаясь из поездок, Кутузов внимательно выслушивал подробный доклад своего заместителя, тщательно знакомился с поступившими за его отсутствие документами, принимал по ним те или иные решения.

Не обходилось, конечно, и без происшествий. Так, в октябре 1795 года взволнованный Ридингер, более обычного путаясь в русских словах, доложил, что в отсутствие шефа корпус посетил «нашлетник Пауль».

В посещении корпуса наследником ничего удивительного не было, поскольку «главным его (корпуса.— *Авт.*) попечителем» была императрица. Однако, зная взбалмошный характер цесаревича и желая получить точный доклад, Михаил Илларионович попросил Ридингера изложить все обстоятельно на его родном языке.

Из доклада стало ясно, что на другой день после отъезда Кутузова корпус инспектировал Павел. Воспитанников было приказано построить в большой рекреации. Внешний вид кадет, несмотря на хорошее состояние одежды, обуви и приличную выправку, Павла не удовлетворил. По-видимому, не понравилось пренебрежение в корпусе к буклям, пудре и помаде. Однако громкое и дружное «Здравия желаем, Ваше императорское высочество» настроило его на мирный лад. И все же настроение царского отпрыска вскоре испортилось. Дело в том, что стоящие несколько поодаль кадеты младшего возраста при приближении Павла (по настоянию попе-

чительницы госпожи Буггевден) в отличие от своих старших собратьев пропущали: «Ваше императорское высочество, припадаем к Вашим стопам!» Павел не понял. Фыркнув: «Что они там галдят?» — он подбежал к малолетним, схватил кадета Сашу Яшвиля под мышки, поставил на табурет, где и стал раздевать догола, проверяя «на предмет чистоты». Перепуганная не на шутку мадам стояла ни жива ни мертва. Поняв, что Павел остался доволен чистотой тела и белья отрока, классная дама, упав на колени, бросилась целовать руку наследнику.

Затем Павел побывал в столовой, где, сев за один стол с кадетами, съел сладкий пирожок. Оказалось вкусно. Съел другой. В результате двух ребят оставил без сладкого. Рассказав все это, Ридингер поспешил подобострастно заговорить о том, как уезжающий Павел угощал кадет и его самого конфетами — в то время большой редкостью.

Струсившего Ридингера можно было понять: «нашлетник есть нашлетник!» Он знал, что в императорской канцелярии уже давно лежала реляция генерала Кутузова на представление его, Ридингера, к награждению орденом святого Георгия-великомученика IV класса. Лишиться награды Ридингеру не хотелось.

Лето 1796 года для воспитанников корпуса выдалось необычным. Корпус выходил в лагерь.

Летние лагеря не были чем-то неожиданным для кадет. Они практиковались и прежде. Однако с течением времени, как и многое другое, лагерная служба превратилась в формальность. Вся суть ее состояла в том, что воспитанники в летнее время перемещались на житье в палатки, расставленные в корпусном саду. Получалось так, что в хорошую погоду юноши спали на свежем воздухе, в плохую — возвращались в камеры. Все остальное оставалось без каких-либо существенных изменений.

Теперь положение коренным образом изменилось. Корпус выводили в летние лагеря под Петергоф.

Перед этим среди воспитанников воцарились возбуждение и приподнятость духа. Чистилось и обильно смазывалось оружие. Приводилась в порядок обувь, обмундирование, экипировались ранцы, подгонялось снаряжение. Кадеты учились ставить палатки. Накануне выхода в лагерь директор корпуса производил строевой смотр, которому предшествовали смотры поротно. Каждая из рот по результатам смотра непременно хотела быть первой.

В день выступления юноши получили сытный завтрак. Затем после общего построения поротно, в походном строю, под звуки оркестра и барабанную дробь корпус совершил марш. Четкий строй, ладная выправка молодых людей и звонкая строевая песня вызывали восторг петербуржцев и чувство гордости у самих идущих в строю.

С завистью смотрели вслед уходящим товарищам кадеты-малолетки, которые теперь против обыкновения разъезжались по домам. Генералу Кутузову пришлось немало похлопотать на сей счет перед императрицей.

Пришлось приложить немалые усилия и по организации лагеря. Здесь все было максимально приближено к полевым условиям войск. Строго по линии расположены палатки. Передняя линейка (рунда) — для построений. На правом фланге лагеря и каждой роты — знаменные «грибки» и часовые у знамен. Оружейные палатки и палатки с имуществом — на второй и третьей линиях. Воспитанники распределены по семь-восемь человек на шатер, спят на тюфяках, набитых соломой; едят по-солдатски деревянными ложками из общей тарелки; кадетские мундиры как малопригодные для действий в полевых условиях заменены холщовыми рубахами-косоворотками; ранее созданные роты сведены в батальоны.

В лагере заведен строжайший распорядок дня, обя-

зательный для всех его обитателей независимо от должностей и военных званий. Подъем, завтрак, начало в конце занятий, обед и ужин — строго по сигналу. Отбой — по пушечному выстрелу. Отлучка из лагеря, в том числе и офицеров, — с разрешения директора корпуса.

Главное же внимание было уделено повышению полевой выучки. Оборудование позиций с устройством редутов; ведение «боя» при действиях в колоннах и рассыпном строе; отражение атак конницы — в каре; нанесение штыковых ударов; организация марша, разведки, преследования противника и отход, а также полевая служба охранения — все это стало обычным. Здесь же воспитанников обучали боевой стрельбе из ружей и пистолетов, проводились стрельбы из пушек. Кадеты старших возрастов к тому же привлекались на красносельские маневры войск, проводимые под руководством императрицы. Суворовское правило «Тяжело в учении — легко в бою» стало главным девизом в обучении.

Лагерная служба явилась важным этапом в подготовке кадет. Здесь будущие офицеры крепили физически и нравственно, становились более выносливы, познавали полевой быт войск, приобретали практические навыки. Все это было чрезвычайно важно. Кадетский корпус, руководимый генералом Кутузовым, находился на верном пути.

Представление о генерале Кутузове — директоре Кадетского корпуса будет не совсем полным, если не отметить еще одно важное обстоятельство.

Для многих из офицеров единственным источником средств к существованию была служба. Однако если при жизни главы семьи материальное положение ее было более или менее благополучным, то с потерей его (что при ведении войны явление довольно обычное), положение семьи становилось критическим. В еще худшие условия попадали семьи нижних чинов. Затруднения испытывали и те семьи обеспеченных офицеров, коим по-

долгу приходилось нести службу в отдаленных гарнизонах.

Михаилу Илларионовичу, участнику многих войн и очевидцу послевоенных событий, все это было хорошо известно. Вот почему он с такой настойчивостью стремился определить в кадеты возглавляемого им корпуса в первую очередь детей погибших и умерших офицеров. Надо отметить большое внимание его и к малоимущим. Директор корпуса делал все от него зависящее для материального обеспечения их по выпуску за счет казны, ходатайствуя перед военным ведомством. В частности, в письме на имя Ростопчина от 21 октября 1797 года он писал: «При выпуске кадет многие из них в рассуждении бедного состояния способов не имеют чем бы экипироваться и доехать к полкам... При сем случае... прошу покорнейше... на самонужнейшее исправление... отпустить три тысячи рублей».

Впрочем, есть основания полагать, что в бытность Кутузова на посту директора малоимущие кадеты обеспечивались по выпуску не только за счет казны. Многие из них экипировались как за счет средств эконома Боброва, так и за счет самого Кутузова.

Одновременно с этим в 1796 году стараниями Михаила Илларионовича при Кадетском корпусе создается «малолетнее отделение» для детей погибших военнослужащих, а также офицеров, проходивших службу в отдаленных гарнизонах.

Сюда принимались дети в возрасте четырех — семи лет, где им прививали культурные и житейские навыки, заботились об их здоровье. По мнению историка-педагога Алпатова, «это был первый опыт по организации детских приютов, который был использован позднее в работе военно-сиротских домов в России».

Более всех назначением Михаила Илларионовича на должность директора корпуса была довольна Екатерина Ильинична. Наконец-то можно было пожить вместе всей

семьей. Как ни радостны были кратковременные приезды мужа в Петербург, постоянное отсутствие его становилось все более тягостным. С годами ежедневные хозяйственные хлопоты и постоянное волнение за мужа, пребывающего то в походах, то в сражениях, стали ощущаться более остро. К тому же немалое беспокойство стали доставлять не только дочери, но и внуки.

Более двух лет семья Кутузовых благоденствовала. Здесь все шло своим чередом. Императрица по-прежнему благосклонно относилась к Михаилу Илларионовичу, ценя его ум и работоспособность. Указом ее от 18 августа 1795 года генералу было пожаловано небольшое имение в Вольницкой губернии. Екатерина Ильинична и Михаил Илларионович были частыми гостями Малого Эрмитажа, где царица, обращаясь к генералу, по обыкновению говорила: «Мой Кутузов». Вот и 5 ноября 1796 года Кутузовы находились в обществе Екатерины II, которая в тот вечер была необычно возбуждена, нарушая самую же ею заведенное правило Малого Эрмитажа «говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих головы не заболели».

Кутузов на царские приемы шел без желания. Он испытывал постоянную нехватку времени, ему претила праздность. Однако приходилось считаться с женой. Екатерине Ильиничне, прожившей многие годы в одиночестве, конечно, хотелось бывать в свете.

На следующее утро работа генерала в корпусной канцелярии была прервана стремительным появлением подполковника Андреевского. Чрезвычайно бледный, срывающимся голосом он доложил: «Царица, матушка... при смерти! Сегодня ночью... апоплексический удар... Говорят, пошла в уборную и упала!» Решение дел пришлось отложить.

Дома о случившемся уже знали. Надев парадный мундир, Кутузов поспешил в Зимний. На Дворцовой площади и в Эрмитаже было многолюдно. Среди стат-

ских и военных царю уныние и настороженность. За дверями знакомых покоев умирала императрица. При ней находились наследник престола Павел и молодой князь Платон Зубов. Развязка наступила около десяти часов вечера.

Отворилась дверь из парадных покоев, и граф Безбородко объявил собравшимся о кончине. Следом, грохоча сапогами и шпорами, вышел худощавый, невысокого роста, с выпуклыми глазами, сильно вздернутым носом, выдающимися скулами и большим ртом нервического вида человек. Это был наследник престола.

Началась смена караула. Охрану Зимнего брало на себя гатчинское войско. В начале двенадцатого ночи граф Самойлов зачитал собравшимся в дворцовой церкви манифест о смерти Екатерины II и о вступлении на престол Павла I. Началось принесение присяги и раздача царских милостей. Наград, чинов и званий были удостоены многие.

К генералу Кутузову Павел отнесся странно: за заслуги его «перед отечеством на поле брани» его жена Екатерина Ильинична была удостоена дамского ордена святой Екатерины.

Похороны усопшей императрицы представляли собою мрачное зрелище. Рядом с гробом матери по распоряжению Павла был поставлен извлеченный из склепа гроб его отца, Петра III, убитого заговорщиками до коронации и потому похороненного как все простые смертные. Павел I вторично хоронил отца, но уже со всеми почестями, положенными царской особе «церковным артикулом».

Не меньшее удивление вызвало у Михаила Илларионовича и траурное шествие, во главе которого гусиным прусским шагом шел монарх. Процессия шла по обыкновенно медленно, и император постоянно отрывался от нее, уходя далеко вперед. Для устранения «диспропорции в марше» гатчинский капрал приказывал догонять его.

В результате траурная процессия (в которой был и Кутузов) периодически бежала трусцой.

На четвертый день царствования Павла Петербург встречал основные силы гатчинского воинства, доведенного стараниями наследника до двух с половиной тысяч человек.

Поскольку навстречу своим полкам император выезжал собственной персоной, то на церемонии надлежало быть и знати, особенно военным, «для скорейшего познания школы гатчинской». Перед изумленным русским генералитетом в столицу вступало некое иностранное войско, одетое в тесные мундиры прусского образца, при париках, буклях, с огромными косами, с незнакомыми строевыми командами и необычными ружейными приемами. Сотни совершенно негибавшихся в коленях ног поднимались и шлепали башмаками, усердно разбрызгивая осеннюю грязь петербургских улиц. Одна за другой шли плотно составленные «коробки» солдат, с выражением страха и усталости на лицах.

Торжественный ритуал завершился на Дворцовой площади. После приведения к присяге гатчинское войско было распределено по гвардейским полкам «для передачи опыта прусского».

Офицеры-гатчинцы, в основном иностранцы или списанные за непригодностью из флота (для чего наследник Павел использовал занимаемую им должность — президента Адмиралтейской коллегии), не имеющие ни высокого сословного положения, ни боевых заслуг, уравнивались чин в чин с привилегированной гвардией. Русская аристократия была ошеломлена.

Вскоре приказы, циркуляры и распоряжения с обязательным доведением до всех должностных лиц посыпались из-под рук Павла как из рога изобилия. С каждым из них генералу Кутузову приходилось знакомиться и отдавать соответствующие распоряжения дважды. Как директору корпуса и как командующему войсками.

То император устанавливал цены на черное сукно (подорожавшее в связи с трауром по усопшей императрице), то издавал распоряжения, подобные запрещавшему гражданским лицам ношение круглых шляп, а офицерам езду в каретах и надевание шуб. Были определены строгий ритуал «приветствия царской особы» в зависимости от сословного положения встречного, вида его передвижения в данный момент, пола, количество лошадей для карет и проч.

Перед отъездом с посольской миссией в Порту Михаил Илларионович нанес визит вежливости «гатчинскому отшельнику». Тогда Павел, восхищаясь лошадьми кутузовской кареты, заявил: «Хороши кони, но они были бы лучше в немецкой упряжи». Теперь «немецкую сбрую» Павел пытался надеть на всю Россию.

Не остался без внимания и Первый кадетский корпус.

Побывав однажды здесь на утреннем подъеме и оставшись довольным организованностью, император стал часто наезжать сюда к пяти часам утра, дабы доставить себе удовольствие еще и еще раз. По указанию Павла была проведена замена формы кадетов, стоившая немалых хлопот и денежных средств. Заменялись и ротные знамена новыми — павловскими. Аббаты-иностранцы заменялись офицерами-надзирателями. Некоторые толковые офицеры корпуса по приказу императора возвращались в свои полки, другим же в переводе в Кадетский корпус было отказано. Большая кропотливая работа, начатая Кутузовым по подбору начальствующего состава корпуса, сводилась на нет.

Генералу Кутузову теперь все чаще приходилось иметь дело с набравшим силу Аракчеевым.

Однако главные неприятности были впереди. Павел I приступил к проведению военной реформы. Менялись принципы обучения, воспитания, организации армии. Передовые методы обучения, созданные Петром I, Румян-

цевым, Суворовым, заменялись муштрой Фридриха II. Грозная русская армия превращалась в механическую игрушку для плац-парадов.

Павел I, не выигравший ни одного сражения и не видевший в жизни ни одного боя, учил прославленных русских генералов (в их числе и Кутузова) «настоящему фрунту», жестоко расправляясь за малейшее сопротивление. Престарелого фельдмаршала Румянцева он потребовал в Петербург. Получив в ответ: «Приехать нет сил. Ноги болят», написал: «Нужны не ноги фельдмаршала, а он сам!» Вскоре старый воин, тяжело заболев, скончался. Гений русского военного искусства великий Суворов был выслан под надзор в село Кончанское. Предводитель Сената граф Самойлов от службы уволен за опоздание на развод, присутствие вельмож на котором Павел то считал обязательным, то упрекал их за это как за бесцельную трату времени. Хитрый Безбородко, не желая ни подниматься в пять утра, ни брать на себя «грехи императора», добровольно оставил пост канцлера. Приглашенный «для благодарствий» учитель Павла митрополит Платон от приезда отказался, «дабы не получить вместо поощрения наказание». Но не избежал наказания поэт и тайный советник Гавриил Романович Державин, не желавший воспевать самодержца.

По мнению историка Н. М. Карамзина, это был период, когда «награда утратила свою прелесть, а наказание — сопряженный с ним стыд».

Генерал Кутузов, преданнейший и талантливейший из учеников Суворова, хорошо понимал, что его петербургские дни сочтены. Лишь прекрасная организованность в работе да величайший такт и выдержанность отодвигали этот момент. Но долго так продолжаться не могло.

В августе 1797 года Шляхетский кадетский корпус возвращался из летних лагерей к месту постоянной дис-

локации. Пройдя перед царской резиденцией, по Сенатской площади (ныне площадь Декабристов) с отдаением воинской почести памятнику Петру Великому, двигался он к Исаакиевскому мосту. В четком строю походным шагом шли окрепшие, подтянутые юноши, внешний вид которых разительно отличался от «государева войска» в лучшую сторону,— в легких холщовых рубахах-косоворотках, подпоясанных ремнем, в брюках, заправленных в сапоги, в удобных для поля бесkozырках. На подстриженных волосах—ни малейшего намека на пудру, ни следа помады. Весь облик их—душевное равновесие, подъем, знание дела, простота и удобство снаряжения,—все говорило о готовности батальонов кадет к действию.

Впереди этого столь необычного по тем временам войска шел испытанный в батальях генерал-лейтенант Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Это был его последний совместный марш с корпусом, делам которого было отдано так много душевных и физических сил.

Не найдя какого-либо предлога для отстранения Кутузова от занимаемых им должностей, Павел I отправляет его с дипломатической миссией в Берлин. «Во взаимство присылки к нам от его величества короля прусского генерал-лейтенанта Клейста повелеваем отправить с приветствием от нас нашего генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова»,—говорилось на сей счет в царском рескрипте.

Надо заметить, что не последнюю роль в принятии такого решения сыграла Коллегия иностранных дел и посол царского двора в Берлине Н. П. Панин.

16 декабря 1797 года Кутузов пишет свой последний приказ по корпусу: «По воле его императорского величества отправляюсь я на некоторое время в Пруссию. Командование над корпусом поручаю старшему по себе господину подполковнику Андреевскому, надеюсь при

том, что и господин подполковник Фромандиер не оставит ему всемогущество и для того предписывают: как поступающую в корпус сумму, так и поверку чинить ежемесячно, равно и буде какие денежные выдачи происходить будут подписывать обще; также и вещи, принимаемые от поставщиков, свидетельствовать обще, не упуская сверх того господину подполковнику Фромандиеру смотрение за лазаретами и воспитание над малолетними. Господину инспектору классов майору Клинггеру на место выпущенных кадет учинить перевод из нижних в верхние классы по успехам, не наблюдая однако ж уравнения в классе. Господам учителям рекомендую в отсутствие мое иметь в классах прилежное старание и отнюдь оных не оставлять небытием своим».

Как истинный патриот, человек беспредельно преданный своему делу, Кутузов, покидая корпус, беспокоится о нем. Впрочем, здесь же явно звучит и нескрываема надежда на возвращение.

Всего лишь около трех лет пробыл он в должности директора Кадетского корпуса. Однако это время осталось неизгладимым в его истории.

Многие из учеников Кутузова прекрасно проявили себя на полях сражений русско-турецких и наполеоновских войн и особенно в Отечественной войне 1812 года. Так, только из выпущенных в 1796 году кадет «с отменными успехами и поведением хорошим» отличились в боях: Арсеньев, Левшин, Алушкин, Образцов, Тизенгаузен и другие. Многие из воспитанников Кутузова успешно командовали полками и дивизиями, а Карл Толь, как уже говорилось, занимал пост генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Русской армией. Вошел в историю Отечественной войны 1812 года адъютант генерала М. А. Милорадовича Федор Глинка.

Впоследствии, оказавшись в Петербурге на юбилейном празднике по случаю столетия Кадетского корпу-

ГУБЕРНАТОР ПЕТЕРБУРГА

Визит Кутузова в Пруссию в связи с восшествием на престол короля Фридриха Вильгельма III служил одним из средств к решению дипломатической задачи большой государственной важности. Михаилу Илларионовичу предстояло склонить прусского монарха к переговорам о совместной борьбе против Франции. «Я думаю,— писал вице-канцлер А. Б. Куракин о Кутузове,— при его уме и способностях должно надеяться, что он будет действовать с умеренностью и с прилежанием и с искусством воспользуется хорошим расположением короля в нашу пользу». Как свидетельствуют документы Коллегии иностранных дел, Михаил Илларионович с возложенной на него задачей справился великолепно. «Он столь действовал неутомимо... и выдерживал важность своего звания столь сильно и удачно, что менее нежели в течение одного года приведены были политические тогдашнего времени дела к желаемому концу наилучшим образом».

Не случайно Н. П. Панин, восхищенный дипломатическими способностями Кутузова, просил Петербург об оставлении его в Берлине «для ведения окончательных переговоров с Пруссией». На что Петербург отвечал: «Оставление на дальнейшее пребывание в Берлине М. И. Кутузова, который столь отлично принят там при дворе и возложенные на него поручения отправляет с

особливым успехом, не может быть прилично и удобно по большому чину, ибо он вскоре по отъезде своем отсюда пожалован генералом от инфантерии и получил Финляндскую дивизию, где присутствие его нужно».

В марте 1798 года Михаил Илларионович возвратился в столицу. К тому времени снова обострились отношения со Швецией, и Павел I сразу же возложил на него подготовку плана войны.

Надо сказать, что план, по существу, был к тому времени уже разработан под эгидой императора. Кутузову следовало ознакомиться с ним и дать свои заключения. Однако, отнесясь к порученному делу с всегдашней добросовестностью, после тщательного изучения проекта и сличения его в ходе рекогносцировок с местностью Кутузов нашел оный «ошибочным в основе своей», а потому, радикально переработав, представил новый, оригинальный. Это вызвало гнев самодержца. «Господин генерал от инфантерии,— писал Павел,— вследствие присланных от Вас замечаний к операционному плану повелеваю Вам исполнить то, что прежде подписано мною... держась во всем моего плана, от которого я не отступлю». Вступать в спор с монархом было не только бессмысленно, но и небезопасно.

План реализован не был. Вскоре Михаилу Илларионовичу снова пришлось выполнять дипломатическое поручение — вести переговоры со шведским представителем генералом Клингспором относительно демаркации границы.

Кутузов-дипломат умело отстаивает государственные интересы России, твердо отменяя территориальные претензии Швеции.

В октябре 1799 года Екатерина Ильинична вновь отправляла супруга в поход. Павел I назначил Кутузова командующим русским экспедиционным корпусом в Голландию. Корпус этот, предназначенный для борьбы за освобождение Голландии от французских войск, оказал-

ся без командира. 19 сентября 1799 года, в сражении при Бергене, возглавлявший его генерал И. И. Герман был взят в плен.

Однако в связи с прекращением военных действий вступить в новую должность Михаилу Илларионовичу не пришлось. Еще до приезда его в Голландию началась эвакуация русских войск. По возвращении в столицу в ноябре того же года Кутузов назначается литовским военным губернатором с одновременным исполнением обязанностей инспектора инфантерии Литовской и Смоленской инспекций*, а также шефа Псковского мушкетерского полка. В январе 1800 года рескриптом из Петербурга Кутузову было поручено, кроме того, «начальство по гражданской части» в Литве.

Таким образом, дел у губернатора в Вильне оказалось предостаточно. В этой связи Михаил Илларионович писал в Петербург к жене: «...Я, слава богу, здоров, только глазам работы так много, что не знаю, что будет с ними». Вместе с тем, находясь в Вильно, связей с Петербургом Кутузов, как и прежде, не теряет, о чем можно судить не только по переписке. Генерал часто бывал здесь в Военной коллегии, участвовал в маневрах войск и работе Военной комиссии по выработке предложений по сокращению расходов на содержание армии, выполнял различные дипломатические поручения двора: деликатную миссию встречи и сопровождения шведского короля Густава Адольфа IV, приезжавшего в Петербург инкогнито под именем графа Гага.

Умное, тактичное обхождение Кутузова-дипломата способствовало сближению соседних стран, что было важно для России в сложной в ту пору обстановке.

В это же время Михаил Илларионович встречался в Петербурге со своим другом-однополчанином генералом

* Инспекция — орган военного управления, исполнявший функции внешнего военного округа.

Матвеем Ивановичем Платовым. Герой русско-турецких войн, заподозренный Павлом I в заговоре, был сослан в 1797 году в Кострому, а затем переведен в Петропавловскую крепость. Освобожденный из заключения, стараясь поскорее забыть темные и сырые казематы петропавловских бастионов, он поселился в одной из лучших гостиниц столицы — Демутовом трактире. Открытый в 1760-х годах между Большой Конюшенной улицей и набережной Мойки трактир Филиппа Демута приобрел в ту пору в столице широкую известность. (Ныне в сохранившейся части одного из зданий бывшего Демутова трактира по улице Желябова, 27, размещены Театр эстрады и бюро путешествий и экскурсий Леноблисполкома.)

С генералом Платовым Кутузов был хорошо знаком и дружен еще со времен крымских событий. В 1744 году двадцатитрехлетний командир казачьего полка при конвоировании обоза был внезапно атакован скопищем крымских татар. Примкнув тыл отряда к болоту и забаррикадировавшись с фронта мешками с мукой и повозками, Платов успешно отбил все семь атак неприятеля. В память об этом бое была отчеканена на Петербургском монетном дворе специальная медаль.

Особенно примечательным был день в канун штурма турецкой крепости Измаил. Как самому младшему по чину, Платову пришлось на военном совете первом высказывать свое мнение. И он без колебаний произнес слово: «Штурм», единодушно повторенное всеми присутствующими.

Поражало в казачьем атамане и другое. Начав службу простым урядником, образование которого не шло дальше приходской школы, Платов стремительно продвигался по служебной лестнице, порождая своими военными дарованиями зависть и недоброжелательство у некоторых сослуживцев. Кутузов хорошо знал, что никто другой, как Платов, не смог бы использовать луч-

ше преимущества донцев, их неутомимость и подвижность, способность тревожить врага днем и ночью, исключительное бесстрашие в бою.

Словом, поговорить им было о чем. Ведь от Очакова до Измаила они шли одной дорогой.

Отношение царя к Кутузову было неровным. Это объясняли во многом неуравновешенностью императора, его мелочностью и придирчивостью. Так, в одном из февральских рескриптов 1799 года говорилось: «Господин генерал от инфантерии Кутузов, откомандированный Вашего квартмистра сюда для полковых надобностей, не получив сперва на то моего соизволения, приписывается мною не к иному, как к Вашим прихотям, за что через сие и делаю Вам выговор». А через год снова выговор по делу жителя Митава Попалека — «зачем без пашпорта через границу пропустил». И в то же время — производство в чин генерала от инфантерии, вручение высшей награды — ордена Андрея Первозванного. Более того, в декабре 1800 года избалованный Павел, предложив внести ясность в отношения европейских монархов проведением между ними рыцарского поединка, секундантом своим выбирает генерала Кутузова. По-видимому, шрамы Кутузова-воина imponировали царю.

Не оставалась без внимания и семья полководца. Екатерина Ильинична была определена в статс-дамы, а дочери Анна и Прасковья стали фрейлинами.

И опять же, как говорилось, серьезные дипломатические поручения и частые приглашения ко двору на обеды и ужины.

Так, и 11 марта 1801 года Михаил Илларионович получил приглашение на ужин к императору, хотя почти накануне тот «делает выговор генералу от инфантерии Голенищеву-Кутузову за слабый приговор над подсудимым». Речь шла об одном из приговоров военно-полевого суда, которые генерал Кутузов всегда подписывал с большой неохотой. Откладывал утверждение, очень ча-

сто смягчал приговор или вовсе не утверждал его, а утвердив и переживая это, по нескольку дней не ел. Бессмысленная жестокость павловских порядков особенно претила складу его характера.

Михаил Илларионович шел на царские приемы с большой опаской. Недавно он своевольно посетил умирающего опального Суворова. Несколько успокаивала мысль о том, что есть еще такой же «своевольник», побывавший у полководца в квартире его племянника Хвостова в доме А. И. Фомина на Крюковом канале, 23 (после некоторых перестроек этот дом сохранился и поныне). Это был его боевой соратник и друг генерал П. И. Багратион. На всю жизнь сохраняют они оба светлую память о своем учителе генералиссимусе русской армии. В самые лихие години не раз будут обращаться душой к его образу. На похоронах Александра Васильевича Кутузову быть не удалось. Слова Суворова: «Потомство мое, прошу брать мой пример до издыхания быть верным отечеству» — станут верными ориентирами в их жизни.

Михаил Илларионович, ехавший теперь к царю, уже был в тот день во дворце на обеде у Павла. И вот снова приглашение. Теперь на ужин. Две встречи с царем за столом в один и тот же день? Чем это можно было бы объяснить?

Екатерина Ильинична рассуждала по-своему, веря сама и уверяя мужа в том, что император к ним милостив и благосклонен. Ведь в трудные для «гатчинского отшельника» времена немногие отваживались навещать его, а Кутузов бывал у него. И кто еще из генералов столь прилежно и успешно выполнял дипломатические поручения, проявляя при том превеликий ум и такт? Михаил Илларионович отшучивался, объясняя «благосклонность монарха» тем, что у них обоих (как у Павла, так и у Кутузова) — по пять дочерей! Между тем злые языки утверждали: «Кутузов всем богам молится...»

Вечером 11 марта 1801 года Кутузов направился к царю.

Карета подъезжала к Михайловскому замку, или «царевой крепости», как называли его в городе. Резиденция императора и вправду напоминала средневековый замок, создавая своим романтическим обликом контраст классической застройке столицы. Второй месяц царь пребывал здесь, восторгаясь своим детищем и полагая, что уж тут-то жизнь его находится в полной безопасности.

Громада замка-дворца быстро вырастала из тьмы по мере приближения к ней кареты. Пройдя проверку караулов, минуя брустверы с маячащими за ними жерлами двенадцатифунтовых орудий, преодолев по подъемному мостику наполненный водой ров, Михаил Илларионович оказался перед воротами здания. На фронтоне было начертано: «Дому Твоему подобае̄т святыя Господня в долготу дний». Пройдя целый лабиринт массивных лестниц и гулких коридоров, наконец он оказался в зале для гостей. Было неудобно. Пахло сыростью и дымом. Павел поспешил поселиться во дворце, даже не дав просохнуть зданию.

Ужин шел в тягостной атмосфере. Что еще выкинет самодержец? «От курного можно ожидать всего. Сегодня вознесет — завтра уничтожит», — говорили в свете. Император выглядел взвинченным, беседа его была прерывиста, движения резки. В глаза бросалась необычная бледность и настороженность его наследника Александра, покинувшего общество до окончания ужина. Несмотря на внешнее спокойствие, нервы Кутузова были напряжены.

Вернувшись домой, он поделился впечатлениями с Екатериной Ильиничной, которая постаралась по обыкновению успокоить мужа. А наутро по столице разнеслась весть о кончине императора от «апоплексического удара».

К власти пришел наследник Павла, его старший сын двадцатитрехлетний Александр.

Заискивая перед вельможами и генералитетом екатерининских времен, новый император предложил Михаилу Илларионовичу высокий пост, и в июне 1801 года генерал от инфантерии Голенщев-Кутузов вступил в должность военного губернатора столицы. Этим назначением особенно довольна была Екатерина Ильинична. Радость ее понять было нетрудно. Снова представлялась возможность пожить всей семьей вместе. Но уже на следующий день появился другой рескрипт, в котором Кутузову препоручалось «управление в здешней губернии гражданской частью». Иными словами, на Михаила Илларионовича снова возлагалось одновременное исполнение двух должностей. А еще через несколько дней последовали царские указы о назначении Кутузова инспектором Финляндской инспекции и об управлении «гражданскою частию в Выборгской губернии».

Если учесть, что Кутузов по-прежнему состоял и членом комиссии при военном ведомстве, то надежды Екатерины Ильиничны не сбылись — Михаил Илларионович был снова всецело занят работой. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», — шутили дочери Кутузова над своей матушкой.

С губернаторскими обязанностями Михаил Илларионович был знаком еще по Литве. Однако здесь, в столице, оказалось все значительно сложнее. Масштабы и ответственность были другими. Теперь в строго определенное расписанием время — восемь часов утра — он прибывал в присутственное место — казенный дом военного губернатора Санкт-Петербурга на Мойке, между Красным и Синим мостами, на четной стороне (до настоящего времени здание не сохранилось).

Круг обязанностей губернатора был обширен. Поддержание общего порядка в столице, прием рекрутов для пополнения столичного гарнизона, проведение парадов,

смотров и инспекций, караульная и патрульная службы, хозяйственная жизнь столицы, разбор различных жалоб и челобитных, постоянные контакты с двором, утренние и вечерние доклады царю. Много времени у него занимал надзор за полицейской службой с ее обычными происшествиями: уличными драками, грабежами и пьяным озорством. К тому же, в связи с частыми пожарами в городе, полиция должна была осуществлять строгий контроль за выполнением указа о запрете курения на улицах как пешему люду, так и едущим на извозчиках.

Извозчиков в столице насчитывалось почти пять тысяч. Все они должны были иметь исправную упряжь и повозки, покрашенные в желтый цвет. Каждый имел «извозничий билет», подписанный обер-полицеймейстером Санкт-Петербурга, вместе с ярлыком из белой жести, где указывался номер экипажа. Такой же номер был пришит к платью ямщика на спине.

Небезынтересно отметить, что в билете были указаны «правила для ездových» из 28 пунктов, во многом напоминавшие современные правила дорожного движения. Так, двигаться следовало придерживаясь правой стороны улицы на взнузданных лошадях и «отнюдь не скоро», а когда «случится подъехать к перекрестку, тогда ехать тише и осматриваться во все стороны, чтобы кому повреждений не учинить или с кем не „съехаться“». По мостам через реки карет не объезжать, на улице становиться карета за каретой, а рядом больше двух карет отнюдь не становиться. Были также определены правила поведения ямщиков, взаимоотношения их с ездоками и другое.

На полицию возлагалась ответственность за постоянное освещение улиц столицы, где должно было гореть более трех с половиной тысяч масляных фонарей. Много беспокойства доставляли ей строго запрещенные карточные азартные игры.

В связи с этим сразу же по вступлении в должность Кутузов предписал: «...господам инспекторам повещенне во всех домах обывателям учинить с таким в подписках подтверждением, чтобы не только обыватели и в домах ныне живущие запрещенных азартных игр не производили, но приезжающим в дома их в самый первый день прибытия о том объявляли, а дабы впоследствии, когда случится и будет открыта игра, не мог никто ограждаться неведением сего высочайшего запрещения, то по собранию подписок хранить оные в бережливости в городских судах на случай быть могущих справок». Новым губернатором были предприняты энергичные меры по борьбе с бродяжничеством и разбоем в окрестностях Петербурга, а также по упорядочению постоев в столице.

Михаил Илларионович беспокоится о простом и бедном люде. Он ходатайствует перед царским двором о скорейшей передаче положенных дотаций казенным больницам. Добивается предоставления мест в городских больницах для рабочих, строивших Казанский собор. Решительно становится на защиту прав крепостных крестьян подчиненных ему губерний.

Вот что вынужден был отвечать царь на одно из представленных Кутузовым ходатайств: «...Поступки помещицы Слависевой с крестьянами ее Гдовского уезда деревни Соса, в записке Вашей описанные и следствием на месте обнаруженные, лишают ее права управлять сим именем; почему, поручив его управление дворянской опеке, помещицу сию за жестокости ее... и за злоупотребление власти ее в отягощении крестьян налогами повелеваю Вам предать суду по закону». По ходатайству Кутузова же был предан суду поручик Постригин «за предосудительный поступок, выразившийся в неуплате крестьянину Шапову 59 рублей 20 копеек за купленные у него товары».

Много хлопот доставляли губернатору малоурожай-

ные северо-западные губернии. В донесении царю относительно видов на урожай в Выборгской губернии он писал: «...нынешний урожай гораздо лучше прошлогоднего, посеянный на будущий год озимый хлеб большею частью так хорош, что от него надеяться можно обильной жатвы, если в будущую весну по сходе снегу и когда земля начнет таять не будут сильные утренние морозы и северные ветры, которые в той стороне почасту наилучшие виды доброй жатвы уничтожают».

Однако более всего занимали губернатора дела самого Петербурга. Здесь все — от снабжения фуражом лошадей казачьих и кавалерийских полков до встреч и сопровождения августейших особ — проходило через губернаторскую канцелярию. Между прочим, в ведении его оказались и приехавшие в Петербург немецкая и итальянская оперные труппы. Михаилу Илларионовичу пришлось знакомиться с их репертуаром, заниматься размещением артистов, а также всемерно «способствовать их выступлениям».

Усилиями нового губернатора были увеличены и «суммы за питейные сборы» в столице. В результате казна получила дополнительную прибыль в 365 500 рублей. Вместе с тем военный губернатор поддерживал твердый порядок в караульной службе и в войсках гарнизона. «При осмотре моем (речь идет о караулах.— *Авт.*) — пишет он в рапорте царю, — найден мною в неисправности Павловского гренадерского полку подпоручик Хотяинцев и за сие арестован». Командира же роты, капитана Панкова за задолженность в артель солдатскую и за взятки «во взаимобраз у нижних чинов денег до ста пятидесяти рублей» просит также предать суду.

Губернатором были определены штаты и Положение Санкт-Петербургской думы, а также Положение канцелярии городской думы. Принимал он меры и по улучшению продовольственного снабжения столицы, для че-

го близ Калининна моста были открыты провиантские магазины-склады.

Не осталось без внимания губернатора и строительство Казанского собора, утвержденный проект которого предусматривал открытие храма в 1804 году. К вступлению в губернаторскую должность Кутузова работы здесь развернулись вовсю.

Михаила Илларионовича поражала личность зодчего Андрея Никифоровича Воронихина, удивительного русского самородка.

Михаилу Илларионовичу imponировало и то, что Казанский собор строился не только по проекту русского зодчего, но и «руками русских мастеровых и только из продуктов земли русской».

Генерал Кутузов оказывал Воронихину неоценимую помощь. Помимо моральной поддержки он способствовал скорейшему прохождению дел по различным инстанциям, оперативно отводил в распоряжение Воронихина территории на прилегающих улицах для размещения там различных строительных материалов и складов, привлекал солдат гарнизона для выполнения неотложных и трудоемких работ.

Немало времени отрывали у губернатора и дуэли. Приходилось проводить подробные разбирательства этих происшествий, с подробными докладами императору. Вот что писалось в одном из них: «Сего числа узнал я, что в недавнем времени имели дуэли лейб-гвардии конного полку офицер Владек с каким-то Растворовским, которого состояние по краткости времени еще не успел узнать, а вчерашнего числа на Каменном острове лейб-гвардии Семеновского полку поручик князь Голицын и двора Вашего императорского величества камергер Давыдов, из коих, как сказывают, последние оба легко ранены, а из первых Растворовский по лицу легко изрублен».

Следует также сказать, что в должностные обя-

занности губернатора Петербурга входило и руководство войсками гарнизона. Уже в первые дни он познакомился с размещением столичных полков. Особое недоумение и беспокойство вызвали у него казармы Конногвардейского полка, размещенного в Таврическом дворце. Изумительное творение архитектора И. Е. Старова, с торжественным парадным фасадом, купольным залом, большой галереей, с грандиозной двойной ионической колоннадой, с прекрасным внутренним убранством некогда поражало своим великолепием. Здесь проводились торжественные приемы, на которых приходилось бывать и Кутузову. При Павле I обстановку дворца вывели. Колонный зал Таврического был превращен в полковую конюшню, а купольный — в манеж. Другие помещения были заняты под казармы, службы, мастерские и эскадронные каптерки, где лежали груды седел, сбруи, солдатской обуви, снаряжения и прочей кавалерийской утвари. Дворец оказался на грани разрушения. Усилиями Кутузова полк вскоре был возвращен в его прежние казармы, что в Конногвардейском переулке.

Как уже говорилось, еще до назначения на пост военного губернатора Кутузов состоял членом Военной комиссии. В период литовского губернаторства участие в работе комиссий являло собою предлог для поездок в Петербург и встреч с семьей. Однако случалось это не так уж часто.

Теперь же, находясь в Петербурге, Кутузов обязан был присутствовать на всех заседаниях Военной комиссии. Со свойственным ему тактом и настойчивостью он отстаивал здесь передовые взгляды на состав, организацию, снаряжение армии и поддерживал дельные предложения. В протоколах комиссии, подписанных Михаилом Илларионовичем за период пребывания его в губернаторской должности, рекомендованы: рациональное соотношение родов войск в сухопутных силах, наиболее целесообразные штаты пехотных полков, нормы снабжения

солдат, размеры ремонтных сумм на лошадях*, образцы конного снаряжения. Было также разработано положение о пенсиях младшим чинам, офицерам и их вдовам. Небезынтересно отметить, что деятельности Кутузова в Военной комиссии русская армия обязана появлением серой шинели. В протоколе от 14 августа 1801 года обосновано это было следующим образом: «Не прилично ли будет присвоить шинели натуральный серый цвет, как сукна из стапов выходят, а не крашеный, без различия, какой бы он ни был, темно- или светло-серый, лишь бы в каждый полк отпускалось сукно на шинели одинаковое из одного из тех цветов, в том уважении, что такое серое сукно не станет дороже, но дешевле белого, поелику удобно приготовляться может без разбору шерсти, как черной так и серой, которой, по роду большей части здешнего края овец, находится в множайшем количестве, нежели белой, и не будет подвержено такой неопытности, как белое, которое, сверх того, что марается, неудобно еще и по предмету воинских осторожностей, что часовых на отводных караулах делает видными, с чем и Военная комиссия согласна, находя серого цвета сукно для употребления в шинелях пристойнейшим и со стороны казенных издержек сходнейшим».

На представлении сохранилась резолюция Александра I: «Согласен с мнением комиссии».

Конечно, приходилось вести и безуспешные жаркие споры, примером тому попытка замены неудобных в обращении и «в деле» треугольных шляп на круглые, «коя, хотя и не составляет особой важности, однако... не делая никакого безобразия, имеет преимущество, что закрывает глаза от солнца и от дождя, а первая ни сей выгоды, ни простоты солдатской одежде приличной не доставляет...» Большинство членов комиссии (в том чис-

* Речь идет о закуске лошадей для армии.

ле и Кутузов) настаивали также на отказе от кос, применения пудры, сала и лент, «которые, сверх того, что из солдатского жалования больших издержек бесполезно требуют, подвергают еще солдат безвременному утомлению прежде настоящего дела в строю или отравления иной какой должности, заставляя вставать рано или совсем не высыпаться, чтобы завязывать косы друг друга, пудрить и салить». К сожалению, император одобрил позицию цесаревича Константина и генерала иностранца Ламба, утверждавших, что «шляпы лучше оставить треугольные, а не круглые и волос у солдат не обрезать, но завязывать или заплетать для того, чтобы не оставить их в виде, мужикам свойственном».

Если принять во внимание исполнение Кутузовым должности инспектора инфантерии войск, расположенных в Финляндии и на Карельском перешейке, с бесконечными смотрами и инспекциями, лагерными сборами и проверкой состояния боевой готовности, то работы в Петербурге у генерала снова оказалось «превеликое множество».

Радость Екатерины Ильиничны длилась недолго. Уже в начале 1802 года в отношениях Кутузова с царем появилась напряженность, после чего они стали ухудшаться. Даже человеку малосведущему это было ясно. Если первые свои рескрипты губернатору император подписывал: «Пребываю Вам благосклонный Александр», то затем к этой формулировке вежливости добавляется слово «впрочем», а в последних рескриптах сугубо официально — одно слово «Александр».

В сентябре 1802 года император без всяких видимых на то причин генерала Кутузова от поста военного губернатора столицы, как и от других занимаемых должностей, отстранил. Новым военным губернатором Петербурга был назначен генерал-фельдмаршал М. Ф. Каменский. Однако из-за его отсутствия дела было приказано принять графу Евграфу Комаровскому (прозванному в

свете за столь необычное словосочетание «полтора графа»). Утром 5 сентября в кабинете Кутузова появился новый помощник военного губернатора. Будучи другом дома Кутузовых, стараясь как-то скрыть неловкость своего положения, полшутя-полусерьезно Комаровский принимает временное генерал-губернаторство столицы.

В тот же день Кутузов доносит царю об исполнении его повеления. Александр I, чтобы избежать встречи с Кутузовым на последнем докладе, уехал в Красное Село.

Глубоко оскорбленный несправедливостью, Кутузов обращается к императору с полным горечи письмом, в котором с болью, обидой и плохо скрываемым гневом взывает к совести монарха, просит его обратить внимание на службу «сорокалетнюю в должностях военных и других, долго с честью отправляемых; на понесенные мною раны; на многочисленное мое семейство; на приближающуюся старость и на довольно расстроенное мое состояние от прохождения по службе из одного в другое место».

Однако упование на монаршее человеколюбие было напрасным. Александр I оказался глух к мольбе.

8 сентября в императорском указе Сенату лицемерно говорилось: «Снисходя на всеподданнейшее прошение генерала от инфантерии Санкт-Петербургского военного губернатора, управляющего в здешней и Выборгской губерниях гражданской частью, Голенищева-Кутузова, по приключившейся ему болезни для поправления здоровья всемилостивейше увольняем его на год от всех должностей». Через день отставка Кутузова была объявлена указом Сената, а 10 сентября — приказом по армии.

Истинная причина отстранения генерала Кутузова от должности губернатора Петербурга до сих пор окончательно не ясна. Есть сведения, что император якобы был недоволен им «за неудовлетворительное состояние

петербургской полиции». В подтверждение приводятся случаи разбоя, грабежей и азартных карточных игр. Думается, что доводы эти вряд ли можно признать убедительными, поскольку подобные происшествия известны были и раньше. При этом, конечно, следует иметь в виду как то послабление, которое получил Петербург после Павла, так и кратковременность пребывания Кутузова в губернаторской должности.

Неубедительны и намеки на якобы готовившееся покушение на царя и на неприятие в этой связи должных мер со стороны военного губернатора. Дело в том, что сколь-либо достоверных данных на сей счет нет, а если бы они были, то это являлось бы прерогативой тайной полиции, подчиненной непосредственно монарху.

Главным здесь, по-видимому, было то, что Кутузов — человек больших талантов, огромного боевого опыта, снискавший широкую популярность, был неприятен царю именно этим. Александр I не мог и не ощущать в нем противника прусской военной системы, для которой «тайны военных побед в узких мундирах, в маленьких шляпах, в начищенных пуговицах, в блестящем оружии, в унижительном низкопоклонстве да удивительном педантизме соизмерения шагов с секундами».

Неприятность царя к Кутузову наиболее убедительно можно объяснить и другими более важными данными. Будучи губернатором Петербурга, он должен был знать не только об истинной причине смерти Павла I, но и о причастности Александра к заговору. Вступив на престол, император вначале удалил из столицы непосредственных участников, а затем — людей, осведомленных о заговоре, дабы как те, так и другие присутствием своим не напоминали о том, как он пришел к власти.

Обострившиеся отношения Кутузова с царем особенно тяжело переживал дядюшка полководца Иван Логич. Старый и больной к тому времени человек, хо-

рошо знакомый с жизнью и обычаями двора, он понимал, что дела идут к неприятной для племянника развязке. До нее Иван Логинович не дожил. Незадолго до отставки Михаил Илларионович похоронил своего «второго отца» на кладбище Александро-Невской лавры.

Словом, Кутузов с петербургской сцены сошел. Осенью 1802 года он отправляется в «добровольную ссылку» в свое имение в Волынской губернии — деревню Горошки, где и живет более трех лет.

Кутузов пытается владеть пришедшее в упадок хозяйство имения. Делает попытки к разведению там заморских культур. Строит селитряной завод, добивается у властей проведения торговых ярмарок; организует продажу поташа, льна и пеньки, направляя вырученные деньги на содержание семьи, на погашение ссуд в банке и выкуп ценностей, заложенных Екатериной Ильиничной в петербургском ломбарде. «Посылаю Вам тысячу рублей, дорогая, и пошлю еще, сколько смогу», — читаем мы в одном из писем к жене. Однако успехи Кутузова-помещика, судя по тем же письмам, оказались куда скромнее его успехов на военном и дипломатическом поприщах. «Трудное это дело — пытаться поставить имение на ноги, когда все находится в таком упадке», — признается он.

Кутузов все еще не терял надежды на возвращение в армию.

Узнав о вакансии инспектора инфантерии Днепровской флотилии, он пишет в Петербург жене: «...Вздумал, что очень бы не худо было, ежели бы случилось, чтобы меня определили на место Розенберга... Я бы об этом тот час написал, но бог знает к кому попасть, особливо же угодно ли будет великому князю, для того, что тут его инспекция. Ежели, мой друг, увидишь Волконского или Уварова, то можно бы об этом и намекнуть». Как видно, Михаил Илларионович обращается за содействием к людям, близким ему и его семье.

Петр Михайлович Волконский, известный в последующем русский военный деятель и генерал-фельдмаршал, занимал в ту пору при дворе видное положение, являясь помощником начальника Военно-походной канцелярии. Что же касается также столь известного в последующем кавалерийского генерала и боевого соратника Кутузова Федора Петровича Уварова, то здесь Кутузов мог рассчитывать на связи Уварова — командира столичного Кавалергардского полка.

По-видимому, не без их помощи Михаил Илларионович был приглашен в 1804 году в Петербург на «генеральный смотр армии» и маневры. В числе удостоенных царской благодарности за маневры также значилась фамилия генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова. Однако на этом все и закончилось.

Снова потянулось серое однообразие и безысходность пребывания в захолустном имении. Это был один из наиболее трудных периодов в жизни Кутузова, в письмах его в Петербург чувствуется душевный надлом. «Видя же себя уж в таких летах и здоровье, что другого имени не найду, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет, и раны, видеть потерянными. И эта скучная мысль отвлекает меня от всего и делает неспособным», — сетует он.

Тем временем обострились отношения в Европе в связи с агрессивной политикой Наполеона. Дело явно шло к войне. Чтобы противостоять Франции, европейские государства вынуждены были объединиться в союзы. В одном из них в 1805 году оказались Россия и Австрия. Россия при этом должна была участвовать в войне, выставив для этого две армии: Волынскую и Подольскую. Необходимо было подыскать как командующих на каждую из них, так и общего главнокомандующего. На Волынскую армию был назначен генерал Ф. Ф. Буксгевден, Подольскую армию и общее коман-

дование должен был возглавить также иностранец, французский эмигрант генерал Ланжерон.

Приезд Ланжерона задерживался. В окружении царя полководцев не имелось. Тут-то и пришлось вспомнить о Кутузове. В Горошки (как при Павле в Кончанское к Суворову) мчится курьер с требованием немедленно прибытия ко двору.

В августе 1805 года Кутузов снова в Петербурге. Михаилу Илларионовичу предложено принять под начальство Подольскую армию и общее командование русскими войсками в походе против Наполеона.

Положение главнокомандующего оказалось весьма сложным. План войны, составленный без его участия, был далеко не идеален. Соображения Кутузова относительно улучшения его во внимание приняты не были. Действия главнокомандующего, регламентированные до мелочей, ставились к тому же в полное подчинение австрийскому штабу. Кутузова назначили командовать армиями, по существу, без прав главнокомандующего, кои должны были принадлежать русскому императору.

И тем не менее предложение Михаил Илларионович принял.

Екатерина Ильинична, довольная возвращением мужа в армию и Петербург, в то же время недоумевала, размышляя над странным поступком царя: он назначил главнокомандующему всего лишь десять тысяч рублей подъемных с последующей помесечной выплатой ста рублей столовых. Ведь всего лишь каких-то шесть лет тому назад Александр Васильевич Суворов, отправляясь в поход против тех же французов в союзе с теми же австрийцами, получил тридцать тысяч подъемных и тысячу рублей столовых денег ежемесячно.

Сразу же по возвращении в Петербург и вступлении в новую должность Кутузову пришлось вершить уйму дел. Прежде всего, в дополнение к штабу Волынской армии необходимо было создать канцелярию главнокоман-

дующего. Зная по предыдущей службе многих способных офицеров, он и привлек их к этому.

Одним из первых на должность бригад-майора походного штаба был зачислен Семен Христофорович Ставраков. Выходец из семьи бедного отставного поручика «греческой нации», начав солдатскую службу в восемнадцать лет, Ставраков лишь к тридцати годам «за храбрость, выказанную в военных действиях», был произведен в первый офицерский чин. Ординарец, регистратор, а затем адъютант Суворова, он сопровождал полководца во всех его походах. Михаила Илларионовича поражала исключительная преданность этого человека. Глубоко почитая полководческий талант и человеческие качества Суворова, он и в беде не покинул его. После того как Александр Васильевич, попав «в высочайшую немилость», был уволен от армии и выслан под надзор, Ставраков, не имевший практически никаких средств к существованию, также порвал с военной службой и уехал вместе с полководцем. Желая обеспечить положение связавшего с ним судьбу офицера, Суворов наделил его небольшой деревенькой.

Вскоре переписчика и корректора суворовской «Науки побеждать» арестовывают и определяют «под строгий надзор», где долго и безуспешно пытаются выведать «крамольные замыслы» фельдмаршала. Кутузов относился к уже немолодому офицеру с большим уважением и доверием. Глубоко порядочный, невозмутимо спокойный и ровный в отношениях со всеми, «чуждый искательству и интригам, Ставраков являл важную часть сложного организма управления армии».

После длительного пребывания не у дел Семен Христофорович с обычным его рвением повел дела канцелярии Кутузова-главнокомандующего и так же, как ранее Суворова, сопровождал его во всех походах. Надо отметить, что волею судьбы именно Ставраков привез умирающего Суворова в Петербург и был с ним при его

кончине. Позднее он же окажется при кончине Кутузова и привезет его останки в русскую столицу.

С отъездом главнокомандующего для семьи Кутузовых, как и для многих петербуржцев, наступили тревожные дни. Да иначе и быть не могло. Ведь русская армия встречалась с опаснейшим врагом, с не знавшим поражений молодым, талантливым полководцем Наполеоном Бонапартом. Известия из действующей армии шли тревожные. Всех поражала стремительность действий французов. Ульмская катастрофа австрийской армии поставила русские войска в очень трудное положение. Но вскоре тревога сменилась восхищением. Пришли известия о блестящем контрмарше Кутузова от Браунау до Оломоуца, о победе русских войск у Дюрештейна, о беспримерной отваге арьергарда Багратиона, где «Наполеону перед лицом всей Европы был нанесен серьезный удар».

И вдруг — поражение русских войск под Аустерлицем! Петербург, избалованный победами Румянцева и Суворова, недоумевал. Что произошло с русской армией? Армией, еще недавно демонстрировавшей всему миру великолепные образцы военного искусства! Неужели полководческому гению Наполеона действительно никто не может противостоять?

Истинная причина поражения войск Кутузова была известна далеко не многим. Катастрофа была обусловлена бесцеремонным вмешательством в руководство союзными войсками Александра I и Франца I, мнивших себя стратегами.

Кутузов в сравнении с полновластным в армии Наполеоном оказался в положении далеко не равном. Он был против сражения под Аустерлицем, предлагая оттянуть французскую армию за Карпаты и там, расчленив на части, разгромить ее. Однако жаждущие военной славы императоры — русский и австриец — не только решили дать сражение, но и приняли план сражения полковни-

ка австрийской армии Вейротера, который был составлен, как писал прусский военный теоретик А. Бюлов, «против армии, которой не видели, предполагая ее на позициях, которые она не занимала, и, сверх того, рассчитывали на то, что французы останутся настолько же неподвижными, как пограничные столбы».

К этому надо добавить еще два обстоятельства. Самоуверенные и ограниченные монархи не видели слабости духа австрийской армии, а также то, что русскими войсками распоряжались иностранцы: генералы и полковники Вейротер, Гогенлоэ, Диктенштейн, Вимпфен, Буксгевден, Ланжерон и другие. «Потеря сражения и бесчестие армии,— по словам Льва Николаевича Толстого,— им не были страшны».

В критический момент сражения императоры и их свита бежали с поля боя.

Что же касается Кутузова, то он, оставаясь на поле боя и приняв командование, старался спасти от полного поражения союзные войска, сам воюл их в атаку, был ранен пулей в левую бровь, потерял в этом сражении (как уже говорилось) близкого человека — своего адъютанта и зятя. Однако спасти положение было уже невозможно.

Между тем в Петербурге события Аустерлицкого сражения всячески искажались. Неблаговидную роль императора старались скрыть. Составили даже лестную реляцию и представили Александра I к награждению орденом святого Георгия I степени (в нарушение его статута)*. Однако император, поняв, что придвор-

* По существовавшему статуту орден предназначался «для вознаграждения отмеченных военных подвигов и в поощрение в военном искусстве», а также лицам, прослужившим в офицерском звании двадцать пять лет и принимавшим участие хотя бы в одном сражении. Статут предусматривал последовательное награждение орденами, начиная с IV класса. Для пожалования ордена необходимо было ходатайство — «удостоверение Георгиевской думы из наличных кавалеров ордена».

ные льстецы хватили лишку, и пытаясь снять с себя ответственность за поражение, отказался от предложенной ему награды.

Очевидцы и участники сражения, а также все честные люди и патриоты, до кого стали доходить истинные слухи об Аустерлице, были поражены и возмущены.

Раздосадованный Александр повелевает Кутузову отправиться в Киев и приступить к исполнению обязанностей военного губернатора.

Позднее в ходе Отечественной войны 1812 года произошло нечто символичное. Русская армия, преследуя врага, захватила у французов знамя с надписью «За победу под Аустерлицем». Рассматривая его, полководец обратился к офицерам: «Вы, молодцы, переживете меня и будете слушать рассказы о наших войнах. После всего, что совершается теперь, перед нашими глазами, одной выигранной победой или одной понесенной мною неудачей больше или меньше — все равно для моей славы, но вспомните: я не виноват в Аустерлицком сражении».

Однако произойдет это позднее. А пока официальный Петербург вину за поражение под Аустерлицем возложил на Кутузова. Кутузов снова оказался в опале.

НАЧАЛЬНИК
САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ВОЕННОЙ
СИЛЫ

Начало нового века знаменовалось для России многими войнами. В 1806 году в очередную войну вступила Турция. Стремясь восстановить свое бывшее господство в районе Черного моря, рассчитывая на союз с Францией, она хотела отторгнуть от России Крым и Грузию. В 1808-м, в союзе с Англией, также рассчитывая на реванш, в войну вступила Швеция.

Разобщиив свои силы на Черноморском и Прибалтийском направлениях, Россия оказалась не в состоянии завершить быстрый разгром противников. Война затягивалась. Царь вынужден был произвести некоторые перемещения в высшем командном составе армии. В марте 1808 года генерал Кутузов, оставив должность киевского губернатора, направляется в Молдавскую армию, где принимает командование главным корпусом. Еще через год корпус Кутузова оказывается под крепостью Браилов. С первых же дней прибытия, используя богатый опыт и инженерные знания, генерал начинает тщательную подготовку штурма. Подготовка была прервана неожиданным вмешательством командующего армией фельдмаршала А. А. Прозоровского, приказавшего «крепостью немедля овладеть». Сопrotивление Кутузова столь необдуманному решению успеха не имело. Самонадеянность фельдмаршала была жестоко наказана. Несмотря на большие потери, штурм оказался неудач-

ным. Вину же за плачевный исход боя в своем донесении в Петербург Прозоровский возложил на командира корпуса. Александр I, получив возможность «реабилитации» за Аустерлиц, немедленно воспользовался ею. Кутузов от командования главным корпусом был отстранен. Повелением царя его должны были перевести командовать резервным корпусом, находящимся на второстепенном направлении в той же армии. Однако Прозоровского такое решение не устраивало. Не желая иметь свидетеля своих неблагоприятных поступков, он ходатайствует перед царем о полном удалении Кутузова из вверенной ему армии.

Повторным рескриптом царя Кутузова назначают литовским военным губернатором.

Михаил Илларионович, конечно, не мог не понимать происходившего. Еще в 1809 году он писал в Петербург Екатерине Ильиничне: «...Состояние мое здесь становится мне тяжело при всем моем терпении. Фельдмаршал делает все по советам других. Однако же за всякую неудачу сердится тут же и на меня так, как бы точно делал по моему совету. Мое положение тем тяжелее, что я должен скрывать все неудовольствие мое, не показывать никому виду, чтобы не испортить службы. Да и тебя прошу никому об этом не говорить и ко мне об этом не писать, буду терпеть, пока смогу...»

Должность литовского военного губернатора (по количеству находящихся там войск, должностному положению и окладу) была третьестепенной. И не случайно Михаил Илларионович снова писал Екатерине Ильиничне: «. Правда, что расстройка моему состоянию переноситься совсем в Вильну... и ежели оставят при обыкновенном содержании военного губернатора, то, ей богу, жить в Вильне невозможно... Прозоровский что-то писал на меня, то есть нагадал, а я имею свидетелей всю армию, которая вся, кроме подлых интриганов, обо мне жалеет...»

В июле 1809 года Кутузов снова был в Петербурге. Радость встречи с семьей омрачалась безуспешными попытками показать истинное положение дел под Браиловом. В августе того же года он снова оказался на посту литовского военного губернатора. Пришлось начинать все сначала. Жизнь как бы отбросила Кутузова на десяток лет назад.

Между тем обстановка в Европе становилась все более напряженной. Наполеон энергично готовился к вторжению в Россию, рассчитывая на союз с Турцией и Швецией. Обстоятельства требовали немедленного прекращения войны как на юге, так и на севере.

В этой сложной ситуации Александр I, несмотря на свою неприязнь к Кутузову, весной 1811 года вынужден был отправить его снова на юг, на должность главнокомандующего всеми находящимися здесь войсками.

Положение там было к тому времени чрезвычайно трудным. В связи с отправкой пяти дивизий на западную границу, группировка русских войск насчитывала всего сорок шесть тысяч человек. Турецкая же семидесятитысячная армия под командованием великого визиря Ахмет-паши, имея превосходство, сама перешла в наступление. В неравных условиях борьбы Кутузову предстояло не только одержать победу, но и принудить Турцию к заключению мирного договора.

Сразу же по прибытии в армию новый главнокомандующий производит решительную перегруппировку войск. Вместе с тем он же наряжает отряд генерала Орурка для связи с сербами и создает болгарское ополчение.

Уже в мае 1811 года Петербург был приятно удивлен военной хитростью генерала. Уступая противнику в силах, Кутузов блестяще выиграл Рушукское оборонительное сражение. Турецкая армия, потеряв более пяти тысяч человек, не только не могла овладеть крепостью, но и была преследована на десять верст.

Осенью того же года Петербург жадно ловил сообщения из Молдавской армии. События горячо обсуждались всюду. Особенно много гостей бывало в доме Екатерины Ильиничны, регулярно получавшей письма от мужа. Одни хотели знать обстоятельства нелепой гибели сына великого русского полководца Александра Васильевича Суворова — генерал-лейтенанта Аркадия Александровича, утонувшего в реке Рымнике на том самом месте, где отец его когда-то одержал замечательную победу над турецкой армией, другие — подробности блистательной победы русских войск при Слободзее.

Суть же событий была такова. 27 июня русские, уверно защищавшие ранее Рушук, неожиданно взорвали крепость и отошли на северный берег Дуная. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы, «предложив» преследование своей армии, заманить часть сил противника на другой берег реки. В этом случае представилась бы возможность разгромить турецкую армию небольшими силами порознь. Сначала уничтожить оставшуюся часть на южном берегу, затем — на северном.

Внимательно следя за противником, решительно пресекая малейшие попытки усиления войск Ахмет-паши, Кутузов стал терпеливо ждать. А пока, используя давние «дружеские» связи (в период пребывания в Константинополе с дипломатической миссией Кутузов был лично хорошо знаком с Ахмет-пашой), обменивался с ним письмами и подарками. «Везир, — писал он Екатерине Ильиничне, — получил от меня накануне баталии шесть фунтов чаю, он до него охотник, и приказывал мне, прислав лимонов и апельсинов. Мы с ним весьма учтивы и часто наведываемся о здравии».

В сентябре в Петербург поступило сообщение о том, что сорокатысячное турецкое войско форсировало Дунай, овладело плацдармом и оказалось в полукольце русской армии. А еще через месяц произошло нечто невероятное. Отряд генерала Евгения Ивановича Маркова

тайно переправился на правый берег Дуная и, внезапно атаковав, разгромил пребывавшее там в спокойствии двадцатитысячное войско янычар. Еще до того как Ахмет-паша смог что-либо предпринять, этот же отряд оказался в тылу войск, переправившихся на северный берег, приступив одновременно с кораблями Дунайской флотилии к артиллерийскому обстрелу неприятеля. Теперь основные силы турецкой армии оказались не только окруженными, но и отрезанными рекой. Не желая нести потерь, Кутузов снова стал ждать, на сей раз капитуляции армии Порты, что и должно было привести к заключению с Турцией столь необходимого для России мирного договора. «Положение войск турецких на сей стороне,— доносил Кутузов в Петербург,— пребедственное. 8-й день как уже они не имеют хлеба и питаются лошадиным мясом без соли».

К сожалению, Петербург оказался не столь выдержанным. Кутузова обвиняли в пассивности, неспособности решить возложенную на него задачу. Особое негодование вызвал побег верховного визиря из окружения: «Кутузов сделал услугу своему приятелю»,— утверждали злые языки. Кутузов же оным побегом остался весьма доволен. «Побег везира приближает нас к миру. Везир, находящийся в плену, лишается полномочий на ведение мирных переговоров»,— растолковывал он царским соглядатаям.

Действительно, вскоре было получено письмо от Ахмет-паши с просьбой о перемирии. В связи с этим в донесении в Петербург Кутузов писал: «...Предложения везира бесспорно и весьма малозначащи, но я почел нужным воспользоваться таковым сделанным от него первым шагом, дабы начать предварительные объяснения о мире, и свести его до благоразумной базы».

В середине ноября большая часть турецкой армии, переправившаяся на северный берег Дуная, погибла от голода, болезней и обстрелов. Оставшиеся двенадцать

тысяч человек сдались в плен «на сохранение», вместе с бунчуками и пушками.

В военных действиях при Слободзее ярко проявились новые черты в полководческом искусстве Кутузова — отказ от устаревших способов кордонной системы с осадой крепостей, «с достижением победы над превосходящим в силах противником, в полевом сражении, с подготовкой и проведением широкого и сложного маневра».

С гибелью отборного турецкого воинства на Дунае первый этап борьбы — военный — был завершён блестяще. Наступал второй, не менее трудный — дипломатический.

Достигнуть «благоразумной базы» оказалось, однако, делом непростым. Турция, подстрекаемая Наполеоном, лавировала, всячески затягивая мирные переговоры. В этой ситуации Кутузов как главнокомандующий возобновляет успешные боевые действия, а как дипломат убеждает представителей Турции в большой опасности агрессивной политики Франции для их страны и в необходимости скорейшего заключения мирного договора.

5 мая 1812 года в Бухаресте предварительные статьи договора были подписаны. Россия не только упрочила свое положение в Закавказье, Причерноморье и на Балканах, но и получила возможность действенной подготовки к отражению готовившегося вторжения наполеоновских войск.

Иными словами, Кутузов не только обезопасил южный фланг России, но и за месяц до французского вторжения «увел из-под носа Наполеона одного из важных его союзников».

Между тем царский двор продолжал проявлять недовольство.

На следующий день после подписания договора в Бухарест прибыл из Петербурга адмирал П. В. Чичагов с рескриптом об отстранении Кутузова как от командо-

вания армией, так и от дипломатических дел. Чтобы придать некую благопристойность принятому решению, Александр I писал, что «желает видеть Кутузова заседающим в Государственном Совете». Победителя на военном и дипломатическом поприще император благодарил «почетной отставкой». Кутузову ничего не оставалось, как в очередной раз проститься с соратниками.

В мае 1812 года, оказавшись снова «не у дел», Михаил Илларионович уезжает на Волынь, в очередной раз пытаясь привести в порядок хозяйство своего имения, управляющий которого, злоупотребляя доверием, более всего заботился о своем личном благосостоянии. К пребыванию в Горощках вынуждало и бедственное положение семьи. Не случайно в свете пронизировали: «Насколько блестяще идут батальи у Кутузова, настоль плохи дела у Голенищевой». На сей раз недруги Кутузова были недалеки от истины. В то время как талантливый полководец добивался великодушных побед над превосходящей в силах армией Порты, жена генерала тщетно искала выхода из бедственного положения. Возможность при этом оказалась одна. Просить займы под залог дома. Однако задача эта была тоже не из простых, и просьба жены Кутузова была уважена Приказом общественного призрения лишь после неоднократных «нижайших» просьб и «согласия» на выделение из полученной суммы 5 процентов в фонд вспомоществования. Оценив дом Кутузовых в 52 278 рублей, Приказ «выдал под залог оного сроком на 8 лет 40 тысяч рублей».

Факт поразительный. Семья героя минувших войн — победителя Рушука и Слободзен, давшего России столь необходимый мир, — пользовавшаяся в столице огромным уважением, вынуждена была жить в доме, заложенном в казну. Объяснить все это было нетрудно. Дело в том, что отцовское наследство и пожалованные Кутузову имения были невелики. Занятому непрерывными походами и дипломатическими миссиями Кутузову вести

хозяйство было некогда. Столичная же жизнь в высшем обществе требовала значительных расходов. Не могло не сказаться на семейном бюджете и выделение приданого дочерям Елизавете, Екатерине, Прасковье, Дарье и Анне, вышедшим замуж и ставшим: Тизенгаузен, Кудашевой, Толстой, Опочининой и Хитрово*.

Пребывание в Горошках на сей раз оказалось кратковременным. Россия с ее пятидесятиmillionным населением стала камнем преткновения в захватнической политике буржуазной Франции. Поставив на колени почти всю Европу, овладев ресурсами завоеванных стран, Наполеон бросает на восток более чем шестисоттысячную армию. «Через пять лет я буду господином мира: осталась одна Россия, но я ее раздавлю», — заявил он.

12 июня французские полчища вторглись в пределы Государства Российского. Как и во времена Чингисхана, над Русью нависла смертельная опасность. В этой обстановке Михаилу Илларионовичу домашние хлопоты (в который уже раз!) пришлось снова отложить. Не ожидая вызова, он сам немедленно прибыл в столицу.

Теперь, как и большинство петербуржцев, Кутузов напряженно ждал сообщений из действующей армии. Вести же приходили тревожные. Предпринятая Александром I попытка урегулировать конфликт мирным путем успеха не имела. Посланник, генерал А. Д. Балашов, вернулся от Наполеона ни с чем.

В то же время оказалось, что, несмотря на надвигающуюся угрозу и на утверждения царя о готовности армии, Россия не была достаточно подготовлена к войне.

Численность приграничных войск, растянутых более чем на полтысячи километров, составляла лишь около двухсот тысяч человек. Уступая противнику в силах поч-

* Фамилию Хитрово носили две дочери Кутузова: Анна Михайловна, вышедшая замуж за Н. З. Хитрово, а также Елизавета Михайловна во втором браке (с 1811 года) с Н. Ф. Хитрово.

ти в три раза, войска с тяжелыми арьергардными боями отходили в глубь страны.

План войны был разработан фаворитом царя иностранцем Карлом фон Фулем. Он предусматривал задавить основные силы противника с помощью первой западной армии с опорой на Дрисский укрепленный лагерь, а также с действиями Второй западной армии во фланг и тыл французским войскам. Этот план оказался несостоятельным. Он разобщал русские армии. Автор плана фон Фуль, преподававший Александру I основы военного искусства, не знал ни структуры русской армии, ни ее организации. Не занимая никаких должностей, но получая воинские звания, он стал генерал-лейтенантом. Однако высокомерный пруссак, он так и не научился говорить по-русски, в то время как его ординарец — русский солдат — объяснялся с ним по-немецки.

Наполеон, используя стратегическую ошибку Фуля, стремился разгромить разобщенные русские армии порознь. Теперь, «дабы Дрисская мышеловка не захлопнулась», армиям приходилось предпринимать отчаянные усилия к отходу с прежних позиций и соединению.

Руководство действующей армией осуществлялось из рук вон плохо. Но поражения в предыдущих войнах Александра ничему не научили. Робкие попытки «вмешательства в руководство войной» военного министра генерала Барклая-де-Толли были безуспешны. К тому же иностранцу Барклаю армия не доверяла. Вынужденный отвод войск горячие головы принимали за предательство. Единства и взаимопонимания в действиях командующих армиями не было. Все это использовалось противником.

Наполеон, считавший Киевское направление «ногами России», Московское — «сердцем» и Петербургское — «головой», основные усилия сосредоточил на первопрестольной, угрожая, однако, и Петербургу.

В июле 1812 года обстановка на Петербургском направлении оказалась весьма опасной. В связи с угрозой захвата столицы последовало распоряжение царя о подготовке к эвакуации «святынь» Александро-Невской лавры, Государственного совета, Синода, Сената, министерств, кадетских корпусов, банков, Монетного двора, ценностей Эрмитажа, архивов, Сестрорецкого завода, военных трофеев, статуй Суворова, а также обоих памятников Петру I, кои Наполеон по взятии Петербурга собирался увезти в Париж. Все это назначалось к отправке в Казань. Готовилась к переезду туда же и царская фамилия.

12 июля Кутузов получил приглашение в комитет министров, в журнале которого посему появилась запись следующего содержания: «1812 года июля 12 дня Комитет Министров имел чрезвычайное заседание по случаю полученного от генерал-лейтенанта Ессена от 9-го числа сего месяца известия, что неприятель, после упорного сражения при селении Ека с генерал-лейтенантом Левизом, превосходными силами понудив его отступить к Риге, занял 8-го числа Митаву, а 9-го числа при Юнфергофе переправился через Двину, почему Рижские форштадты зажигаются и частично сожжены, что коммуникация с Ригею пресекается... Комитет, не имея сведения, в каком числе неприятель в означенном месте перешел, а также приемлются ли какие меры от армии нашей к преграждению ему дальнейшего пути, и соображая, что движения его могут быть прямо на Петербург через Псков или Нарву, возложил именем его императорского величества на генерала от инфантерии графа Михаила Лароновоича Голенищева-Кутузова... чтобы в случае настоянния нужды в защите столицы вне оной принял он в свое распоряжение войски, какие для того здесь соберутся».

А тремя днями позже издается царский рескрипт об организации корпуса для обороны Петербурга, коман-

дование которым поручается Кутузову. «Михайло Ларионович,—на сей раз, по-видимому, искренне писал Александр I,—настоящие обстоятельства делают нужным составление корпуса для защиты Петербурга. Я вверяю оный Вам. Военские ваши достоинства и долговременная опытность ваша дают мне полную надежду, что Вы совершенно оправдаете сей новый опыт моей доверенности к Вам».

Между тем дела в действующей армии по-прежнему шли неважно. «Не пройдет и месяца, как мы будем в Москве»,—хвастливо заявлял Наполеон.

Как и во времена Минина и Пожарского, на борьбу с иноземными захватчиками начинают собираться народные силы ополчения. Зачинателями этого были жители Смоленска. Их примеру последовали москвичи и петербуржцы.

15 июля дворянство и купечество первопрестольной, съехавшись по предварительной повестке в Слободской дворец, постановило: собрать ополчение Московской губернии численностью в восемьдесят тысяч человек. Большинство голосов командующим был избран генерал Кутузов.

А через день в дворянском собрании перед собравшимся «состоятельным людом» Петербурга прозвучала страстная речь губернского предводителя дворянства А. А. Жеребцова: «Предки наши... к спасению отечества стекались под знамена государя, каждый со своею дружиною, кто сколько возмог привести на ополчение. Нам остается последовать их примеру... Наша честь, наше отечество, в семействах наших летями отягченные родители, нежные супруги, невинные младенцы, все одними устами требуют пожертвования. Поспешим!.. Соединимся все с оружием в руках!.. Спасем отечество или, умирая, сохраним честь Росса!..»

На общем сходе дворянства, купечества, чиновников и духовенства столицы решили создать ополчение Пе-

тербурга и Петербургской губернии с выделением по десяти человек со ста душ крепостных. Приступили к выбору начальника. «Кутузова, Кутузова!» — загремело со всех сторон.

Удалившись с заседания комитета министров, генерал Кутузов сразу же приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. Обстановка на Петербургском направлении требовала принятия быстрых и решительных мер.

Несмотря на то, что Михаил Илларионович снова с головой ушел в работу, день 17 июля оказался для него памятным. До генерала дошли слухи о создании в Москве народного ополчения, командование которым москвичи надеялись возложить на него. Вести из Москвы глубоко тронули душу старого воина. Возвращаясь к обеду домой, Михаил Илларионович хотел поделиться новостями с Екатериной Ильиничной. Однако необычная взволнованность супруги насторожила его.

Дома Кутузова ожидала депутация дворян, сообщившая о единодушном избрании его на должность командующего ополчением Петербургской губернии и настоятельно приглашавшая Михаила Илларионовича в дворянское собрание. Генерал не заставил себя ждать. Вот как описал этот эпизод очевидец: «Кутузов приехал, остановился посреди залы и, дав пройти первому впечатлению, произведенному его присутствием, произнес: „Господа! Я вам многое хотел говорить... скажу только, что вы украсили мои седины!..“ Слезы покатались из глаз его».

Вместе с тем, вступая в должность командующего ополчением, в письме к императору Кутузов в тот же день сообщает: «17 числа сего месяца Санкт-Петербургское дворянское общество призвало меня в свое собрание, где объявило всеобщее желание, дабы я принял начальство всеобщего ополчения Санкт-Петербургской губернии. Дабы отказом не замедлить ревностных дейст-

вий дворянства, принял я сие предложение и вступил в действие по сей части, но с таким условием, что, будучи в действительной военной службе, ежели я вызван буду к другой комиссии или каким-либо образом сие мое выражение... будет негодно, тогда я должность сию оставить должен буду другому по избранию дворянства».

В сложной обстановке на Петербургском направлении Александр I возлагает на Кутузова командование ополчением Петербургской и Новгородской губерний, а также всеми сухопутными и морскими силами, в Петербурге, Кронштадте и Финляндии находящимися.

Иными словами, оборона столицы Государства Российского препоручалась Кутузову.

Приняв на себя командование, Кутузов сыграл выдающуюся роль в организации обороны столицы. Он сразу же приступил к формированию корпуса, вошедшего в историю Отечественной войны под названием Нарвского. Одновременно он произвел передислокацию войск для создания группировок на угрожаемых направлениях; привел в повышенную боевую готовность находящиеся здесь крепости от Кронштадта до Нарвы; принял меры к инженерному оборудованию позиций, а также к пополнению припасов.

Перемещение войск, занимавшее в обычных условиях недели, было выполнено в считанные дни. Зная прекрасно коммуникации губернии, обладая огромным опытом и организаторскими способностями, Кутузов справился с этой задачей великолепно. Для столь успешных действий немаловажное значение имели, конечно, как чрезвычайные полномочия, предоставленные ему комитетом министров, так и личный авторитет генерала, употребленный им особенно при создании управления корпусом, поскольку пришлось перемещать должностных лиц из «знатных персон» Петербургского гарнизона.

Уже во второй половине июля батальоны и полки Нарвского корпуса после форсированных маршей при-

ступили к строительству полевых укреплений — флешей и редутов на Нарвском и Псковском оборонительных рубежах. Одновременно с этим военные чиновники «при помощи обывателей, употреблением их на работу, и в материалах для сего, как то: лесов и прочего» организовали строительство укреплений на Витебско-Петербургском и Псковско-Петербургском стратегических направлениях.

Особенно большое беспокойство вызывала у Кутузова Нарва. Поэтому для совершенствования позиций он направляет сюда видного специалиста инженерного генерала Х. Шванебаха. Крепость усиливают орудиями морской артиллерии, для обслуживания которых по приказу Кутузова присылают из Кронштадта двести человек нижних чинов. Кроме того, конфисковав частные суда, Кутузов создает здесь речную военную флотилию, укомплектовав ее как за счет моряков, так и местных жителей.

Стараясь знать о каждом шаге неприятеля, он организует тщательную разведку. Для немедленного оповещения о передвижениях французов на почтовых станциях находились в постоянной готовности «резервные кареты».

Всю эту требующую полной самоотдачи работу Михаил Илларионович выполнял одновременно с другой.

17 июля в зале Филармонического общества (ныне здесь, на Невском проспекте, 30, расположен Малый зал имени М. И. Глинка Ленинградской филармонии имени Д. Д. Шостаковича) были сделаны первые шаги по созданию ополченческого войска.

Были учреждены два комитета: устроительный — для приема ратников и экономический — для сбора пожертвований. По настоянию Кутузова были также определены основные обязанности помещиков и привилегии ополченцев. Первых обязали снабдить ратников трехмесячным провиантом и жалованьем по два рубля в месяц,

обеспечив их исправной обувью, а также теплыми вещами на зиму. Кроме того, каждый ополченец должен был иметь топор и лопату.

Помещиков обязали также обеспечить обработку полей воинов, сохранить их хозяйства и платить за них подати. Одновременно было решено: каждому дворянину, имеющему в столице дом или близ нее дачу, внести в фонд ополчения по 2 процента их стоимости. Будучи хорошо знаком с административным механизмом столицы, решение этой задачи Кутузов возложил на полицию.

Михаилу Илларионовичу и здесь пришлось столь же много и напряженно работать. Несмотря на немолодые годы, усилившееся недомогание со зрением и увещевания Екатерины Ильиничны, он до полуночи засиживался за составлением Положения об ополчении.

Организационно ополчение состояло из пятнадцати дружин, общим числом 12 985 человек. Дружины делились на сотни, а сотни — на десятки. Несколько дружин составляли отряд.

Дружины Кутузов предписывал составлять из людей одного уезда или в соседстве живущих. Люди одного селения не должны были быть «разлучены в рядах», что может способствовать их взаимовыручке в бою.

Главное же внимание в Положении Кутузов уделял обучению ратников. Задача эта была не из простых. В очень короткие сроки людей, не знавших военного дела, надо было обучить строю, стрельбе, приемам действия с оружием, тактике ведения боя. Потому правила обучения, определенные полководцем, были предельно просты. Ратник, говорилось в них, должен:

«1) Знать свое место в шеренге и в ряду и людей, стоящих впереди, позади и по обеим сторонам.

2) Ни в коем случае не отрываться от этих людей, даже в рассыпном строю не терять их из вида.

3) Учить только нести ружье на плече, правильно заряжать, стрелять и действовать штыком.

4) Учить поворотам и маршировать фронтом, взводами по отделениям и нужным построениям; не искать в марше красоты и ограничиться тем, чтобы люди вступали в ногу».

Создание войск подобного рода и в таких масштабах было новым явлением в военной практике того времени.

Дворянство, купечество, мещане и простой люд горели желанием защитить столицу. Однако одного энтузиазма было мало. Поэтому во всем, что касалось организации ополчения, его устройства, содержания, вооружения и обучения, петербуржцы полностью положились на Кутузова. И надо сказать, что они не ошиблись. Кутузов занимался делами ополчения от всей души. «Глядя на него,— писал адъютант полковника А. И. Михайловский-Данилевский,— когда он с важностью заседал в казенной палате и комитетах ополчения и входил во все подробности формирования бородатого воинства, можно было подумать, что он никогда не стоял на высших ступенях почестей и славы, не бывал послом Екатерины и Павла, не предводительствовал армиями и степень начальника земского ополчения считал целью своего самолюбия».

Особенно много хлопот доставляло Кутузову вооружение и размещение ополченцев в освободившихся казармах Петербургского гарнизона. Бюрократическая система работала на славу, отнимая уйму времени. Для получения ружей из Петербургского арсенала следовало направить прошение из военного министерства в императорскую канцелярию, оттуда в походную канцелярию и, наконец, к царю, а затем оно шло в обратном порядке.

Тем не менее задача эта была решена успешно. Вскоре, с исполнением торжественного ритуала, каждому ратнику было вручено ружье, а конным и артиллеристам — сабли или тесаки*.

* Тесак — рубяще-колющее холодное оружие. Состоял из короткого клинка и рукоятки.

По настоянию Кутузова, повелением царя для каждой из дружин были изготовлены также ополченские знамена — белые, полотняные, с красным крестом посередине и надписью по обеим сторонам: «Сим знаменем победиши». Ритуал вручения знамени, освящения его и присяга должны были поднимать дух воинов. Головной убор ратника украшался металлическим четырехугольным крестом. Непременным атрибутом экипировки был также кушак. В таком виде, посотенно, ополченское войско гордо маршировало по Невскому.

Кроме пешего ополчения создавались также два конных полка и ополченская артиллерия. Лошади поставлялись из господских конюшен. На собранные средства формировались дружинные обозы.

Немало хлопот доставил подбор начальствующего состава ополчения. Впрочем, офицеров, оказавшихся по тем или иным причинам вне армии, было в столице предостаточно. Трудность состояла в другом — в оценке их способностей и определении соответствующих для них должностей. Исключительное старание и ревностное отношение к делу проявил сподвижник Кутузова по ополчению, его помощник Александр Александрович Бибииков. Сын брата Екатерины Ильиничны — Александра Ильича, рано оставшийся без родителей, он нашел кровительство в семье Михаила Илларионовича. Этот образцовый и храбрый офицер еще в 1789 году «за вступление первым в ретраншемент* под Кири» был пожалован крестом святого Георгия IV класса, а за сражение при Роченсальме получил золотую шпагу.

Карьера Бибиикова-младшего чем-то напоминала о служебных невгодах самого Кутузова. Он то чрезвычайный посланник и полномочный министр царского двора в европейских государствах, то сенатор, то скромный начальник захолустной уездной полиции.

* Ретраншемент — вспомогательное фортификационное сооружение второй линии укреплений в крепостях.

Возглавив поначалу первый отряд петербургских ратников, в ходе войны Бибиков принял командование над ополчением Петербургской и Новгородской губерний.

Лето 1812 года выдалось для петербуржцев беспокойным. Французы, неистово рвавшиеся к Москве, находились и вблизи Петербурга. Император, обеспокоенный положением дел, снова требует эвакуации. «...Но не менее того, как я прежде писал, все меры к увозу из Петербурга всего нужного необходимы и времени терять не следует», — повелевал он. Атмосфера в столице была напряженной. На глазах у многочисленной публики сокровища Эрмитажа упаковывались в ящики и на баржах отправлялись в Петрозаводск.

Повсюду царило «превеликое возбуждение народа». В ополчение шли целыми семьями. В дружину полковника Чернова пришли трое родных братьев-мастеровых. Кунец Поярков, не имея средств на вспомоществование, привел в ополчение единственного сына. «Велики были и пожертвования. Кто отдавал деньги и драгоценности, кто отказывался от получения жалованья и столовых денег, обращая их на нужды казны». В скором времени сумма пожертвований, собранная экономическим комитетом петербургского ополчения, составила более четырех миллионов рублей.

Водна патриотизма охватила театры столицы. Там шли представления об Александре Невском и Дмитрии Донском, о Минине и Пожарском. Появился спектакль «Ополчение» и балет «Любовь к Отечеству». На сцену вновь вышел некогда кумир петербургской публики восьмидесятилетний актер Иван Афанасьевич Дмитриевский. Теперь это уже был «престарелый инвалид, шедший жертвовать государству драгоценные вознаграждения службы, трудов и крови — солдатские медали, украшавшие его грудь, в молодости геройскую, а ныне уже бесильную, но еще пламенеющую любовью к России».

Зрелище было великолепным. Публика, зачарован-

ная игрой замечательного артиста, приходила в неистовство.

Не меньшее впечатление производил и балет. «Одно появление знамени с надписью „За отечество“ возбуждало слезы и неумолкаемые рукоплескания». Впрочем, публика рукоплескала не только актерам, но и предводителю петербургского ополчения генералу Кутузову, бывавшему в театрах. Екатерина Ильинична, как будто бы предчувствуя, что проводит с мужем последние дни в их жизни, постоянно просила сопровождать ее на спектакли.

Разумеется, не все шло гладко и просто. Некоторые из дворян, вступив в ополчение, предавались «пьянству и гульбе», а кое-кто из купцов в связи с возросшим спросом на оружие в несколько раз повысил на него цены. Генералу Кутузову пришлось наводить должный порядок среди офицеров и увещевать не в меру предприимчивых торговцев.

Однако вернемся к делам Кутузова — командующего сухопутными и морскими силами, в Петербурге, Кронштадте и Финляндии находящимися.

Располагаясь во втором эшелоне войск, обороняющих Петербургское направление, части Нарвского корпуса в короткое время подготовили прочную оборону на ближних и дальних подступах к столице. Они представляли совместно с ополчением внушительную силу, не считаясь с которой Наполеон не мог. Уже в это время некоторые из подчиненных Кутузову частей были направлены на усиление корпуса Витгенштейна, прикрывавшего Петербургское направление от наседавших на него корпусов Удино, Макдональда и Сен-Сира.

Понимая, что в критической обстановке все силы Петербургского направления должны быть слиты воедино, одну из важнейших задач генерал Кутузов видел в постоянной осведомленности, в детальном знании обстановки, складывающейся перед Витгенштейном. С Пет-

ром Христофоровичем Витгенштейном — человеком незаурядных воинских дарований — Михаил Илларионович был знаком еще во время пребывания в должности директора Кадетского корпуса. Тогда молодой, отличившийся при взятии Дербента офицер прибыл в Петербург с известием о победе и ключами от крепости. При Павле I, попав под «высочайший гнев», Витгенштейн был «волен от армии без прощения в отставку». Оказавшись впоследствии снова на службе, он сделал заметную карьеру.

Действия Витгенштейна на Петербургском направлении не могли не вызывать одобрения у Кутузова-полководца. Наполеон, бросив главные силы на Москву, в то же время выделил три корпуса для действий под Петербургом, пытаясь окружить или прижать к своему левому крылу корпус, прикрывавший столицу.

Выполняя замысел Наполеона, войска Удино 15 июля заняли Полоцк и начали продвижение на Себеж и Псков. Одновременно, по занятии Динабурга, туда же с севера начал выдвижение корпус Макдональда. Над Витгенштейном нависла реальная угроза разгрома. В этой обстановке Петр Христофорович принял смелое решение. Двинулся навстречу Удино, чтобы отбросить его к Полоцку. 19 июля у деревни Клястицы произошел ожесточенный бой, в ходе которого французы потерпели решительное поражение, потеряв только пленными до тысячи человек. Поражение под Клястицами отрезвляюще подействовало на Макдональда, который вынужден был воздержаться от активных действий.

Впечатление от Клястиц дало огромный моральный стимул всей русской армии. Это была первая крупная победа русских войск, одержанная в то время, когда армии, действующие на Московском направлении, непрерывно отступали. Успех Витгенштейна оказался, однако, омраченным. На следующий день его авангард под командованием генерала Кульнева встретил главные

силы французов и вынужден был отходить с большими потерями. В свою очередь авангард Удино, увлекшись преследованием, также натолкнулся на главные силы Витгенштейна и понес большой урон.

События эти огорчили Михаила Илларионовича еще одним прискорбным известием. Погиб генерал Яков Петрович Кульнев. К герою боев на Дунае и Шумле, воспитаннику Первого кадетского корпуса отношение у Кутузова было особым. Яков Петрович во всем старался подходить на Суворова. Носил, как и он, шинель из грубого солдатского сукна, питался из солдатского котла, близко знал жизнь солдат, проявляя о них постоянную заботу, говорил с солдатами понятным им языком.

Речь Кульнева, как и язык Суворова, поражали своей четкостью, лаконичностью и остротой. Так, будучи в авангарде Багратиона, обращаясь к немощно уставшим солдатам, он сказал: «С нами бог! Я перед вами. Князь Багратион — за нами! Уныние свойственно одним старым бабам!» Вовремя сказанное, доходчивое, решительное слово приободряло утомленных воинов.

Поражало в Кульневе и другое. Никто из проверявших авангард, в составе которого он постоянно находился, никогда не видел его спящим. «Кульнев не спит, чтобы отдыхала армия», — говорили о нем солдаты.

Тяжело переживая неудачу авангарда, не обращая внимания на яростный артиллерийский обстрел, Яков Петрович шагал в последних рядах отступающих. Ядро оторвало ему обе ноги. Смертельно раненный, он сорвал с шеи Георгиевский крест и со словами: «Возьмите! Пусть неприятель, когда найдет труп мой, примет его за труп простого солдата и не тщеславится убитием русского генерала» — скончался.

Не стало еще одного боевого друга Кутузова, портрет которого и поныне украшает Военную галерею Зимнего дворца.

Между тем дружины ополчения усердно изучали военное дело. Ратники обучались на Измайловском, Семеновском и Преображенском «парадных местах» и в течение месяца были готовы к действию.

3 августа 1812 года петербургское ополчение приняло присягу. Местом для парада был избран огромный плац Семеновского полка (простиравшийся вдоль Загородного проспекта от Звенигородской улицы до Витебского вокзала) *. Митрополит Амвросий освятил знамена ополченских дружин. Александр I, объехав ряды ратников, выразил особое удовлетворение. Петербургское ополчение по вооружению, экипировке и подготовленности оказалось лучшим. По окончании церемониального марша присутствующий на параде английский посол лорд Каткерт в изумлении воскликнул: «Это войско выросло из земли!» Позднее в императорском рескрипте на имя Кутузова будет сказано: «С удовольствием усмотрели мы в Санкт-Петербургском дворянстве то же самое рвение и усердие к нам и отечеству, которое видели в Московском дворянстве, почему и поручаем Вам: Губернатору, предводителям и всему здешнему благородному сословию объявить благоволение наше и признательность». О простом народе — «из земли», составляющем большую часть ополчения, император «забыл».

Не остался без царского внимания и предводитель ополчения. Самодержец, хоть и с опозданием, но «за успехи в командовании молдавской армией» назначает Кутузова членом Государственного совета.

Предводительствовать в бою ратниками Михаилу Илларионовичу не пришлось. Однако ополчение, созданное «батюшкой Ларивонычем», оказалось крепким орешком

* Позднее Семеновский плац использовался как место для публичных казней. Здесь в декабре 1849 года состоялась гражданская казнь петрашевцев, а в апреле 1881 года были повешены народовольцы-первомайковцы. В последующем плац был превращен в ипподром. Ныне это Пионерская площадь Ленинграда, территория ТЮЗа и прилегающих к ним зданий.

для врага. Присоединенное к корпусу генерала Витгенштейна уже в октябре 1812 года в боях под Полоцком, оно проявило незаурядную стойкость русского характера. Находясь в колоннах, ратники бесстрашно выдерживали град пуль и картечи. Сбросив кафтаны, неистово дрались в рукопашном бою топорами. Истекая кровью, раненые продолжали сражаться, призывая своих товарищей на бой. Когда же случалось, что некоторые из них подавались назад, то всякий раз появлялся Бибииков, восклицая: «Стой, ребята!», «Куда вы?», «Мы же русские!», «Вперед! Ура!» — и ратники с новым мужеством бросались на врага.

«5-я дружина, атаковав колонну баварцев, преследовала их до Полоцка. Дружина полковника Дубянского в штыковой атаке опрокинула французов. Дружина полковника Николаева, пробивая путь штыками и топорами, первая ворвалась в Полоцк. Изумленные французы в ужасе восклицали: „Откуда взялись эти бородатые бесстрашные люди?!“».

Успехи «бородатым людям» давались, однако, нелегко. Полковник Чернов, имея в своей дружине поутру восемьсот человек, нашел к вечеру лишь девяносто шесть. Из шестнадцати офицеров остались в живых только двое. Так было от Полоцка до Кенигсберга, где из двенадцатитысячного ополченского войска осталось девятьсот человек. А потом был штурм Данцига. Граф Витгенштейн, видя, с каким бесстрашием бросаются ополченцы на явную смерть, вынужден был обратиться к подчиненным командирам, призывая их щадить ратников.

Так действовало в бою петербургское ополчение, созданное генералом Кутузовым. Не случайно депутация ратников заняла потом почетное место в траурной процессии на похоронах полководца.

Тем временем события в действующей армии принимали для России угрожающий характер. По мере продвижения Наполеона на восток несостоятельность об-

щих принципов военного руководства становилась все более очевидной. Даже наиболее преданные императору сановники А. А. Аракчеев, А. Д. Балашов и А. С. Шиверов вынуждены были обратиться с письмом, умоляя его покинуть армию. В конце концов Александр I сам признал, что неопытность его в борьбе со столь серьезным противником, как Наполеон, может привести к нежелательным для отечества последствиям. Необходимость в опытном верховном командующем, способном успешно возглавить борьбу против наполеоновского нашествия, становилась явной. В это трудное для России время взоры многих были обращены к Кутузову. Имя его все чаще произносилось как в армии и светских кругах, так и в простом народе. Кутузов получал многие письма «с изъявлением прискорбия отсутствием его на главном театре войны». Такие же, но безымянные, письма приходили к царю и в комитет министров.

Впрочем, не только безымянные. Губернатор Москвы генерал от инфантерии Ф. В. Ростопчин прямо писал царю: «...Москва желает, государь, чтобы войсками начальствовал Кутузов и двигал наши силы, иначе не будет никакого единства, между тем как Наполеон соображает все. Он сам должен находиться в затруднительном положении, но Барклай и Багратион могут ли проинкнуть его намерения?»

Тем временем Михаил Илларионович, находясь вдали от главных событий войны, с горечью смотрел на всеместное отступление русских.

Выбрать верховного командующего было поручено специально созданному чрезвычайному комитету в составе: председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова, Главнокомандующего Санкт-Петербургом генерала от инфантерии С. К. Вязмитинова, министра полиции генерала А. Д. Балашова, а также тайных советников князя П. В. Лопухина и графа В. П. Кочубея.

5 августа 1812 года в 7 часов пополудни комитет собрался в доме престарелого Н. И. Салтыкова. Совещались три с половиной часа. После ознакомления с донесениями главнокомандующих, партикулярными письмами и другими сообщениями, предоставленными снова оказавшимся у власти графом А. А. Аракчеевым (занимавшим к тому времени пост председателя департамента военных дел Государственного совета), комитет единогласно признал, что «...бывшая до сего недейтельность в военных операциях происходит от того, что не было над всеми действующими армиями положительной единоначальной власти, и сколь в настоящее время невыгодно сие власти раздробление, столь напротив того необходимо общее оной соединение». Основывая это заключение «на положении обстоятельств вообще и на том, что по действию разных армий на значительном пространстве они обязаны всегда согласовывать свои движения и действия одна с другой», комитет нашел необходимым: «1) Назначить над всеми войсками одного общего главнокомандующего. 2) Назначение должно быть основано на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, доверии общем и на старшинстве».

На пост главнокомандующего Русской армией предлагались кандидатуры генералов Багратиона, Беннгсена, Тормасова и Палена. Комитет нашел, однако, что ни один из них по тем или иным причинам требованиям, предъявляемым к верховному главнокомандующему, не отвечает.

Кандидатуру генерала Кутузова предложили последней. Но едва было произнесено его имя, как все члены комитета единодушно признали, что Михаил Илларионович соединил в себе все качества, необходимые для предводителя Большой действующей армии. Одновременно, «дабы не создавать неудобств в исполнении обязанностей главнокомандующего», генерала Барклая-де-

Толли рекомендовано было «в любом случае от звания военного министра уволить».

Решение комитета докладывал царю исполняющий обязанности военного министра генерал-лейтенант А. И. Горчаков. Состоялась длительная и неприятная беседа, после которой Горчаков вышел «с лицом жарким как пламя». И тем не менее после трехдневных «раздумий» Александр I вынужден был назначить генерала Кутузова главнокомандующим Русской армией.

8 августа Михаилу Илларионовичу велено было приехать на государеву дачу, что на Каменном острове, где царь и объявил ему о своем решении.

В тот же день командующим армиями Тормасову, Багратиону, Барклаю-де-Толли и Чичагову были направлены царские рескрипты: «Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить одного над всеми оными Главного начальника. Я избрал для этого генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии, вследствие чего предписываю вам со вверенною вам армиею состоять в точной его команде».

Не на шутку напуганный ходом событий, царь через день издает еще один совершенно необычайный по тем временам рескрипт, разрешающий Кутузову в период следования его в действующую армию курьеров, едущих «с дозвещениями на имя царя останавливать и, распечатав, прочитывать и потом уже за своею печатью отправлять оные ко мне».

Исполнились чаяния народа, но не царя, принявшего решение о назначении Кутузова с большой неохотой. В письме к своей сестре великой княгине Екатерине Павловне он признавался: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова, это было общее желание. Зная этого

человека, я... противился его назначению...» Еще более откровенно свое отношение к Кутузову царь выразил в обращении к Барклаю-де-Толли. Как бы оправдываясь перед ним, он писал: «...Обстоятельства были слишком критические. Впервые столица государства находилась в опасном положении, и мне не оставалось ничего другого, как уступить всеобщему мнению, заставив все-таки предварительно обсудить вопрос „за” и „против” в Совете, составленном из важнейших сановников империи. Уступив их мнению, я должен был заглушить мое личное чувство». Слова царя: «Народ хотел Кутузова — я умываю руки» — сохранились в истории. Впрочем, уже и после указа о назначении Кутузова главнокомандующим во время встречи в финском городе Або с наследным принцем Швеции Карлом Юханом император предлагал ему пост верховного главнокомандующего Русской армией. Древние говорили: «Великий полководец есть самый драгоценный алмаз в короне государя». Судя по всему, Александр I не разглядел алмаза, будучи подслеповатым не только в прямом, но и в переносном смысле.

В Петербурге сообщение о назначении Кутузова было встречено «с ликованием, какого не имели после начала войны». Дом Кутузовых оказался «в осаде», так много петербуржцев изъявляли желание высказать полководцу свои чувства. Михаил Илларионович, дабы успешно решить массу возникших в связи с предстоящим отъездом вопросов, вынужден был «укрываться» в доме Ивана Логиновича (сына адмирала Логина Ивановича Голенищева-Кутузова). В воспоминаниях Ф. Толстого (автора знаменитых медалей Отечественной войны 1812 года) о последних днях Кутузова в Петербурге мы читаем: «С назначением его главнокомандующим, последние два дня перед отъездом, провел он у Ивана Логиновича и Надежды Никитичны (жены Ивана Логиновича.— Авт.), по его желанию без свидетелей».

Известно также, что в эти дни Кутузов побывал в военном министерстве, где получил сведения о состоянии армии и подготовке резервов.

Несомненно, чтобы решиться возглавить борьбу против Наполеона в столь трудный для действующей армии момент, нужно было обладать огромным мужеством. И тем не менее Михаил Илларионович принял назначение спокойно, как нечто должное.

В канун отъезда в доме его собрались на прощальный вечер родственники, близкие и друзья. Весь воспрянувший, он уверенно говорил: «С божьей помощью надеюсь успеть».

В воскресенье, 11 августа 1812 года Дворцовая набережная Петербурга, где стоял дом Кутузовых, от Галеринской пристани до Прачечного моста, была запружена народом. Ждали отъезда полководца. Около девяти часов утра, простившись с родными и близкими, Михаил Илларионович сел в карету.

Вместе с ним ехал Александр Иванович Михайловский-Данилевский. Сугубо штатский человек, по окончании Геттингенского университета он занимал скромный пост помощника ученого секретаря канцелярии министра финансов. Отечественная война резко изменила его жизнь. Движимый патриотическими чувствами, несмотря на слабость зрения, он вошел в число петербургских ратников. Запримеченный Кутузовым высокообразованный, одаренный молодой человек был определен в адъютанты. Вращаясь в высших военных кругах, ведя наиболее важные записи, Михайловский-Данилевский и после победоносного завершения Отечественной войны всю жизнь посвятит ее описанию.

Вследствие «великой тесноты» ехать пришлось шагом среди толп народа. Отовсюду раздавались возгласы с пожеланием доброго пути, здоровья, успехов и побед. По прибытии в Казанский собор главнокомандующий отслужил торжественный молебен. Выходя из собора, об-

ратился к огромной массе собравшегося народа, сказал: «Меня посылают на великое дело!»

На подъезде к Ижоре генерал впервые воспользовался правами главнокомандующего. Вскрыв пакет встречного курьера из действующей армии, узнал о падении Смоленска.

После глубокого раздумья с горечью произнес: «Ключ от Москвы взят».

С трудом в последний раз оглядев знакомые и милые сердцу очертания Петербурга, приказал трогать.

Вернуться сюда ему было уже не суждено.

«...ТЫ ВСТАЛ — И СПАС»

Жизнь генерала Кутузова прошла в походах, войнах, да дипломатических миссиях.

Частые разлуки его с семьей, тяжкие и для него, были особенно тягостны Екатерине Ильиничне. Последний отъезд, с вступлением полководца в должность столь же многотрудную, сколь и ответственную, вызывал особое ее волнение. Что ни говори, а лета были уже немолодые. Закачивался седьмой десяток. Михаил Илларионович сетовал на свое постоянное одиночество: «Вот вам Аннушка, которую довольно долго продержал. Будучи постоянно в разлуке с моей семьей, я бываю бесконечно счастлив, когда смогу заполучить кого-нибудь из вас», — читаем мы в одном из его писем (речь идет о дочери Анне Михайловне, гостившей у отца. — Авт.).

Летом 1812 года популярность полководца в Петербурге была особенно велика. От Кутузова ждали победы. Михаил Илларионович прекрасно понимал это, как и другое. Времена наполеоновской стратегии с низвержением неприятеля в «едином генеральном сражении» канули в лету. Теперь, когда речь шла о судьбе отечества, необходимо было выиграть не баталию, а войну. Достичь же этого можно было лишь полным разгромом врага в ходе длительной и напряженной борьбы. Иными словами, Кутузов ранее Наполеона понял новые явления действительности и новые задачи в военном искусстве,

противопоставив наполеоновской стратегии свою концепцию ведения войны. Еще в 1805 году он писал царю: «Не смею, однакож, скрыть от Вас, Государь, сколь много предоставил бы я случаю, доверяя участь войны одному сражению».

Кутузов понял и народный характер войны, чего Наполеон, несмотря на полученный им в Испании опыт, так и не смог себе уяснить.

Словом, стратегия Кутузова оказалась тоньше, дальновиднее, выше стратегии Наполеона. Это понимали тогда еще немногие. Именно потому в Петербурге события действующей армии, предводимой Кутузовым, оценивали неоднозначно. То ликовали, радуясь победе при Бородине, то недоумевали и возмущались оставлением Москвы.

Надо сказать, что положение главнокомандующего в августе 1812 года было не из легких. После длительного отхода русской армии, именно здесь, у села Бородино, на заранее выбранной позиции было решено дать Наполеону сражение. 23 августа Кутузов доносил царю: «Позиция, в которой я остановился, при деревне Бородино... одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно».

К началу сражения русская армия насчитывала сто двадцать тысяч человек против ста тридцати пяти тысяч французов. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы нанести неприятелю в оборонительном сражении наибольший урон, а затем, используя подошедшие резервы, решительно изменить соотношение сил в свою пользу, создав тем самым условия для полного разгрома врага.

На рассвете 26 августа артиллерийская канонада возвестила о начале боя войск, руководимых Наполеоном и Кутузовым.

Наполеон, нанеся главный удар по левому флангу, пытался добиться здесь успеха с последующим выходом в тыл и полным разгромом русских войск.

К полудню в особенно трудном положении оказались защитники Багратионовых флешей. Против храбро сражавшихся восемнадцать тысяч воинов Петра Ивановича Багратиона действовал корпус Мюрата численностью в сорок пять тысяч человек. Ценой огромных потерь противнику удалось потеснить эти войска. Продолжая выполнять намеченное, Наполеон переносит основные усилия в центр. В этот критический момент Кутузов направляет находившиеся в резерве кавалерийские корпуса М. И. Платова и Ф. П. Уварова в обход левого фланга неприятеля.

Неожиданный удар конницы по тылам ошеломил французов, вынудив Наполеона почти на два часа прервать атаки, чем и было предоставлено Кутузову время, необходимое для перегруппировки сил. Инициатива сражения перешла к нему. Дальнейшие попытки Наполеона развить наступление успеха не имели. К исходу дня неприятель отошел в исходные позиции. Победа русских войск в оборонительном сражении была несомненна, о чем главнокомандующий доносил в Петербург: «Баталия, 26-го числа бывшая, была самая кровопролитнейшая из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать».

Петербург ликовал! И вдруг как снег на голову: отход русской армии и оставление без боя первопрестольной... Недруги полководца уверяли: отступив после Бородина, Кутузов тем подтвердил свое поражение, а оставив без боя Москву, не только нанес непоправимый ущерб нации, но и подорвал боевой дух армии.

Причины, вынудившие Кутузова на «столь роковую решимость», были известны тогда немногим. Дело в том, что после Бородина он намеревался отвести армию и, пополнив ее резервами, боеприпасами, продовольствием и фуражом, нанести французам решительное поражение,

не допуская при том мысли об оставлении древней столицы. И не по вине Кутузова это сражение не состоялось. Война подчинена своим законам. Одним из главных средств к достижению победы является создание необходимых для того материальных предпосылок, которых главнокомандующий русской армией, к сожалению, не получил. Усиление действующей армии резервами военного ведомство не обеспечило. Не оправдались надежды и на восьмидесятитысячное московское ополчение. Крепостник Ф. В. Ростопчин побоялся вооружить народ. Приказ Кутузова о переводе Третьей западной армии на центральный театр войны был отменен царем. Затруднения были и со снабжением армии. Между тем потери в Бородинском сражении были значительны. Не говоря уже о вооружении, армия недосчитала сорок тысяч человек*. На исходе оказались боеприпасы, продовольствие и фураж. К тому же позиция для нового сражения при Филях, выбранная начальником штаба генералом Л. Л. Беннигсеном, оказалась крайне невыгодной. По оценке командующего Первой армией генерала Барклай-де-Толли: «В случае неудачи вся армия была бы уничтожена на ней до последнего человека». В этих условиях решиться на новое генеральное сражение со столь грозным и по-прежнему превосходящим в силах противником было бы непростительным риском.

13 сентября 1812 года в деревне Филя, в избе крестьянина Андрея Фролова был созван военный совет.

Первым высказал свое мнение бывший военный министр, главнокомандующий Первой западной армией генерал от инфантерии М. Б. Барклай-де-Толли. Михаил Богданович, как всегда, в своих суждениях был краток и рационален: «Защищая Москву, мы не спасем Россию... Но, сохранив армию, мы приобретем возможность

* Потери французской армии составили около шестидесяти тысяч человек.

продолжить войну, которая одна только может спасти Отечество».

Бенингсен предложил дать бой за Москву. Его поддержали генералы Д. С. Дохтуров, П. П. Коновинцын и Ф. П. Уваров.

За оставление Москвы и полную невозможность сражения решительно высказались Н. Н. Раевский, А. И. Остерман-Толстой, А. П. Ермолов и К. Ф. Толь.

Последним говорил Кутузов: «С потерей Москвы не потеряна Россия. Первою обязанностью поставляю сохранить армию и сблизиться с войсками, идущими к нам на подкрепление. Самим уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю. Знаю, ответственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Приказываю отступить». «Я весил Москву... с целой Россией и с свободой Европы», — позднее скажет он.

А пока в Петербурге были поражены. Особое негодование проявлял царский двор. Специальное заседание комитета министров постановило: «Комитет полагает предписать главнокомандующему армиями, дабы, во-первых, доставил сюда он протокол того Совета, в коем положено было оставить Москву неприятелю без всякой защиты, и, во-вторых, чтобы на будущее время всегда присылал он полные о всех мерах и действиях своих сведения». Царь угрожающе писал Кутузову: «Вы... обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы...»

Но Кутузов имел право на столь ответственное решение. Более того, решиться оставить Москву мог только Кутузов. Он был человеком, обладавшим полным доверием армии и народа, способным правильно оценить сложившуюся обстановку, твердо уверенным в том, что содеянное им оправдается всем последующим ходом событий.

2 сентября 1812 года русская армия покидала Москву. К исходу дня главные силы ее были в пятнадцать

верстах восточнее древней столицы. После второго суточного перехода, оставив часть арьергарда для «фальшивого движения, дабы увлечь за собой неприятельские отряды», совершенно неожиданно для окружающих Кутузов резко изменил движение войск. Армия форсированным маршем перешла на Тульскую, а затем на Калужскую дороги и 21 сентября сосредоточилась в Тарутине.

В тот же день, 2 сентября, в Москву вступил неприятель.

С приходом французов начались пожары, грабежи, мародерство и насилие. Москва горела целую неделю, и целую неделю Наполеон, казалось, праздновал свою мнимую победу. Но тщетно авангард его разыскивал русскую армию к востоку от Москвы. Нигде не было и признаков ее. Стотысячное русское войско исчезло бесследно.

Между тем оно в результате гениально задуманного и блестяще осуществленного флангового марш-маневра оказалось юго-западнее Москвы, в исключительно выгодном стратегическом положении.

Став лагерем в Тарутине, Кутузов не только прикрыл оружейные заводы Тулы, литейные — Брянска и военные запасы Калуги, но и отрезал от Наполеона чрезвычайно важные в военном и экономическом отношении южные районы России. Находясь здесь, он мог свободно маневрировать своим стратегическим резервом — еще не принимавшими участия в войне Третьей западной и Дунайской армиями. К тому же русские войска нависали над Смоленской дорогой — основной коммуникацией, связывающей французскую армию с ее тылом. Имея в своем тылу главные силы русской армии, Наполеон не мог что-либо предпринять и на Петербургском направлении.

Словом, армия Наполеона оказалась в кольце, образованном русскими войсками и партизанскими отрядами. Поражение ее было только вопросом времени. «Каждый день, проведенный нами в этой позиции (речь

идет о Тарутине.— Авт.), был золотым для меня и для войск, и мы хорошо им воспользовались»,— писал полководец. Время работало на Кутузова.

Осенью 1812 года царь, снова проявив невежество в стратегии ведения войны, потребовал от главнокомандующего немедленных наступательных действий «дабы успокоить Россию», на что Кутузов отвечает: «Дело надо вести к тому, чтобы Россию спасти, а не успокаивать ее».

Кутузовский маневр с оставлением Москвы и выходом русских войск в Тарутино, во фланг неприятеля, одним из первых оценил Наполеон. «Ваша хитрая лиса — Кутузов меня сильно подвел своим фланговым маршем»,— сказал он позднее. Окончательно осознав, что оказался в западне, уготованной Кутузовым, и пытаясь склонить главнокомандующего русской армией к переговорам о почетном мире, он писал: «Князь Кутузов! Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтобы Ваша светлость поверили тому, что он Вам скажет, особенно, когда он выразит вам чувства уважения и особого внимания, которые я с давних пор питаю к вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю всевышнего, чтобы он хранил вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом».

В сентябре 1812 года в Петербурге горячо обсуждались не только Бородинское сражение, но и «тарутинские батальи». Поводов же для разговоров было достаточно. Еще был оставил пост главнокомандующего Первой армией генерал Барклай-де-Толли; уволен от армии «по участвовавшим болезненным припадкам» начальник штаба Беннигсен; «...бешеный Федька Ростопчин перед оставлением штаб-квартиры главнокомандующего сжег свое имя»,— писал современник.

Причиной отставок и перемещений, произведенных главнокомандующим, была сильная оппозиция во главе

с английским дипломатом Вильсоном, мечтавшим «о победе Англии над Наполеоном ценой разорения и любых жертв России». Но в Петербург шли письма, в которых уверялось, что Кутузов, «достигнув крайних целей своих желаний, утвердившись в должности главнокомандующего, проводит время в совершенном бездействии». Тот же Ростопчин, оказавшись в «немилости» у главнокомандующего за неспособность в подготовке ополчения, теперь писал царю: «Вот уже дня четыре Кайсаров подписывает все бумаги, подделывая подпись Кутузова... он только ест и спит полный день». Особую помеху Кутузову представлял генерал Беннигсен, который, по словам К. Клаузевица, всячески старался «получить возможность при случае самому протиснуться на первое место». В такой обстановке Кутузов и предпринимал ответные меры.

Впрочем, имя Кутузова произносилось в те дни во многих домах столицы и по другой причине. Многие из петербуржцев отдали свои жизни в битве за Москву. Петербург после «бородинских ликований» облекся в траур. Печальный колокольный звон возвещал о церковных службах «по душам воинов, павших на поле брани».

Между тем русская армия и ее главнокомандующий отнюдь не предавались «тарутинскому безделью». Кутузов не «спал», а умело управлял губерниями, оказавшимися на военном положении, провел решительную реорганизацию действующей армии, содействовал развитию партизанской борьбы. Войска пополнялись резервами, обучались, создавались запасы оружия, пороха, снаряжения и провианта.

В октябре русские войска наносят первый ощутимый удар врагу у деревни Чернишни. Полковник А. Ф. Мишо, доставивший в свое время в Петербург приговорное известие об оставлении Москвы, теперь доставил сюда же сообщение о первой победе. Император,

только что отправивший Кутузову очередное гневное письмо, награждает главнокомандующего золотой шпалой с бриллиантами.

Вскоре даже малосведущим в военном деле людям стало ясно, что Кутузов превосходит Наполеона в военном искусстве. После поражения при Малоярославце «непобедимая армия», непрерывно преследуемая русскими войсками и партизанами, в весьма жалком виде уходила из России по разоренной ею же Смоленской дороге.

Об этом кульминационном моменте борьбы Кутузов доносил в Петербург: «Сей день есть один из замечательнейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собою пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебобобнейшие наши провинции».

Что же касается Наполеона, то, по словам Сегюра, «с сего момента он стал видеть перед собою только Париж, точно так же, как, уезжая из Парижа, он видел перед собой только Москву».

Затем последовали победы под Красным, на Березине, в междуречье Березины и Немана. В декабре враг был изгнан из пределов России. В своем приказе Кутузов призывает войска «потщиться довершить поражение неприятеля на собственных полях его». Зимой 1813 года русская армия победоносно пронесла свои знамена по освобожденным ею странам Европы. Европа, ликуя, радостно встречала своих освободителей. И всюду славу русского оружия соединяли со славой русского полководца. При появлении главнокомандующего повсеместно раздавались возгласы: «Ура Кутузову! Да здравствует великий Кутузов!»

«Вообразить нельзя, как мы приняты в Пруссии, — писал Михаил Илларионович в Петербург. — Никогда ни прусского короля, ни его войска так не принимали». И далее: «В Шлезии мне очень приятно, как возвышают

дела наши. Сегодня дам с двадцать съехали издалика и собрались перед окошком. Увидя, наконец, что я долго не показываюсь, просили адъютантов, чтобы я подошел к окошку. Я их позвал к себе и слышал множество комплиментов, что они приехали видеть своего избавителя, что им теперь не надобно смотреть на портреты мои, что мой образ запечатлен в сердцах их».

Кстати, о портретах. В другом письме к Екатерине Ильиничне Кутузов написал: «Пришли, пожалуйста, несколько, хотя три экземпляра, ежели есть, моих гравированных портретов. Из России лишут незнакомые и просят. А вот как в Берлине награвировали по расспросам, посылаю; достану да пришло таких, что в разных костюмах, и в шубе, и бог знает как. Есть такие, что и по две копейки...»

Небезынтересно заметить, что находившийся при Главном штабе поэт В. А. Жуковский после сражения под Красным посвятил Кутузову стихотворение «Вождю победителей». Размноженное в виде листовок в походной типографии, оно высоко оценивало стратегию главнокомандующего Русской армией.

Однако слава и похвалы не вскружили голову полководцу. В ответ на хвалебную оду Д. И. Хвостова Михаил Илларионович писал: «Вы как бы возвышаете меня пред Румянцевым и Суворовым. Много бы я должен был иметь самолюбия, если бы на сию дружескую мысль вашу согласился. И если из подвигов моих что-нибудь годится преподанным быть потомству, то оно только от того, что я силюсь по возможности моей и по умеренным моим дарованиям идти по следам сих великих мужей». В письме же к Г. П. Ермолову он как бы признается: «Похвалы, которыми я удостоиваюсь нередко от соотечественников моих, разделяю с моими сподвижниками, коих храбрости обязан я тем, что все надежды мои вижу увенчанными успехом».

Популярность Кутузова оказалась не по душе цар-

ской фамилии. Вот что писала царю его сестра, великая княгиня Екатерина Павловна: «Радость всеобщая, а фельдмаршал озарен такой славой, которой он не заслуживает: зло берет видеть, как все почитание сосредоточивается на столь недостойной голове, а вы, я полагаю, являетесь в военном отношении еще большим неудачником, чем в гражданском».

Александр I, обеспокоенный популярностью полководца, стремится ограничить права, предоставленные ему Положением о Большой действующей армии. Он создает особый комитет из трех сенаторов, дабы поставить деятельность главнокомандующего под контроль.

Вместе со всеми успехам войска российского радовалась и семья Михаила Илларионовича, уважение и интерес к которой в Петербурге нарастали с каждым днем. Интерес к семье объяснялся и новостями, «из первых рук полученными» — из частных писем главнокомандующего.

Михаил Илларионович постоянно беспокоился о домашних делах. Насколько это представлялось возможным, высылал деньги для уплаты долгов. Но с чувством собственного достоинства он писал Екатерине Ильиничне: «...Я мог бы гордиться тем, что я первый генерал, от которого бежит гордый Наполеон».

Из писем же к Екатерине Ильиничне Петербург знал и то, что в отношениях Кутузова с императором «по-прежнему бывает розно». Надо сказать, что письма теперь были более редкими и краткими. Однако, понимая чрезмерную занятость супруга и его затруднения со зрением, Екатерина Ильинична принимала это как должное. Впрочем, некоторые из писем писались теперь князем Николаем Даниловичем Кудашевым — зятем Кутузовых, пребывавшем в то время в свите главнокомандующего. Храбрый и способный генерал погиб позднее в битве под Лейпцигом. Еще одна дочь Михаила Илларионовича овдовела в ходе наполеоновских войн.

Говоря о письмах Кутузова к семье, хотелось бы отметить особую привязанность его к дочери Елизавете и ее детям. По словам современников, Елизавета Михайловна была чрезвычайно похожа на отца не только внешне, но и по характеру. Позднее она стала большим другом Александра Сергеевича Пушкина, была хорошо знакома с известным живописцем, автором «Последнего дня Помпеи» Карлом Петровичем Брюлловым, много сделала для облегчения участи ссыльного поэта-декабриста Федора Николаевича Глинка. Не без ее помощи Федор Николаевич оказался женат на дальней родственнице Кутузовых Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой, позднее писательнице, авторе повестей и рассказов «Графиня Полина», «Катя», «Домашняя знакомая» и других. Столь же большое участие Елизавета Михайловна проявила и к брату Федора Глинки — Сергею Николаевичу, когда он — цензор — пропустил в печать материал, стоивший ему отрешения от должности. С просьбой о хлопотах к ней обращался Вяземский, с которым был полностью солидарен и Пушкин.

Дочь же Елизаветы — Дарья (Долли), к которой так же часто обращался в письмах Михаил Илларионович, послужила в какой-то мере прообразом героинь пушкинских произведений «Египетские ночи», «Мы проводили вечер на даче», а также Татьяны Лариной в «Евгении Онегине».

Дочери Елизаветы Михайловны Екатерине А. С. Пушкин посвятил стихотворение «Циклоп».

Однако вернемся к петербургским делам Екатерины Ильиничны. Теперь статс-даме двора приходилось принимать бесчисленные поздравления то по поводу побед предводимых супругом войск, то в связи с присвоением Михаилу Илларионовичу фельдмаршальского звания и пожалованием наград, то по причине добавления к фамилии Голенищевых-Кутузовых почетной приставки Смоленские.

Перед женой главнокомандующего радушно открывались двери петербургских салонов. Побывать в гостях у Кутузовых почиталось за честь. Здесь собирались лучшие литераторы столицы. Иван Крылов читал свои басни, прославляя мудрость и решительность Кутузова и высмеивая Наполеона. Друг дома поэт Гаврила Романович Державин любезно преподносил новые оды («На парение орла» и «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества»), восхваляя Кутузова-полководца.

Михаил Илларионович не только с удовольствием получал письма от петербургских друзей, но и охотно отвечал им. Тронутый вниманием Державина, он писал:

«Милостивый государь мой Гавриил Романович!

Письмо вашего высокопревосходительства имел я честь получить. Хотя не могу я принять всего помещенного в прекрасном творении вашем «На парение орла» прямо на мой щет, но произведение сие, как и прочие бессмертного вашего пера, имеет особенную цену уважения и служит новым доказательством вашей ко мне любви. Сколько же лестно и приятен для меня гимн ваш, коего один токмо экземпляр собственно для меня получил я чрез Петра Петровича Коновницына, но не более, как пишете вы, о чем сожалея, весьма бы желал присылки оных. Повторяя чувства совершенной моей благодарности на ваше ко мне расположение, имею честь быть с истинным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашего превосходительства всепокорный слуга».

Особенно нравилась Михаилу Илларионовичу басня Крылова «Волк на псарне» — одна из популярнейших в то время как в столице, так и в армии. По рассказам очевидцев, после сражения под Красным Кутузов читал ее перед собравшимися офицерами, при этом при словах: «Ты сер, а я, приятель, сед» — снял шапку, показывая свою седую голову.

Впрочем, к Екатерине Ильиничне шли не только за новостями, но и за помощью. По ее просьбе Михаил Илларионович хлопочет об увеличении пенсии вдове Бувиной, беспокоится о положении оказавшегося в плену у французов генерала Павла Алексеевича Тучкова. Семьи Кутузовых и Тучковых были дружны с давних времен. (Илларион Кутузов и Алексей Тучков — воспитанники Инженерной школы и генерал-поручики инженерных войск — были сподвижниками Румянцева). В Отечественную войну 1812 года в действующей армии оказалось четверо генералов Тучковых. При этом в третьем пехотном корпусе Николая Алексеевича Тучкова было еще два брата — Павел и Александр.

Генерал-майор Павел Тучков, командуя отрядом арьергарда, 7 августа 1812 года задержал в трудном бою главные силы Наполеона, рвавшиеся к Большой Смоленской дороге, по которой в то время отходила Первая западная армия. Бой длился весь день. Несмотря на контузию, генерал не покинул поля сражения. В последней контратаке раненный пулей в голову и штыком в бок, он потерял сознание, был поднят неприятелем и взят в плен. В Бородинском сражении у деревни Семеновской смертельное ранение получил командир корпуса Тучков-старший. А тремя часами до этого, у той же Семеновской, спеша на помощь Багратиону, бригада генерала Александра Тучкова с ходу атаковала врага. В трудный момент боя командир бригады «бросился в самое пекло со знаменем в руках и тут же рухнул, сраженный картечью».

Потеря трех братьев в течение трех недель войны не могла не взволновать Михаила Илларионовича и Екатерину Ильиничну, близко знавших эту семью.

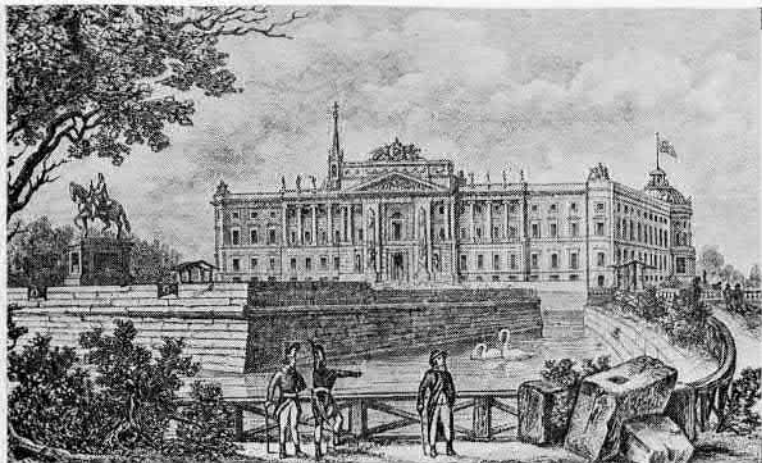
Заметим, что жена Александра Тучкова — Маргарита Михайловна (урожденная Нарышкина), похоронив после войны единственного сына и простившись с братом полковником М. М. Нарышкиным (осужденным по делу

декабристов на ссылку в Сибирь), основала на месте гибели мужа монастырь, став его настоятельницей. Глядя на сохранившийся до наших дней портрет «игуменьи Марии», трудно поверить, что эта женщина ранее была известна в Петербурге «своей красотой, грацией, веселостью, удивительной музыкальностью и прекрасным голосом».

Из писем же к Екатерине Ильиничне Петербург узнал о дипломатической победе Кутузова — о подписании трактата с Пруссией, что дало «под его команду тысяч сто войску».

Говоря об отношениях с прусским монархом, хотелось бы отметить любопытную деталь. Фридрих Вильгельм III, очевидно, отдавая дань уважения русскому народу — единственной нации, успешно противостоявшей Наполеону и сыгравшей решающую роль в избавлении европейских стран от французского господства, — предпочитал разговаривать с главнокомандующим союзными армиями на его родном языке. Более того, большую часть своей переписки с прусским монархом (несмотря на прекрасное знание немецкого языка) Кутузов также вел на русском. По-видимому, осведомленный о трудном финансовом положении семьи полководца король предлагал Кутузову принять от него в дар поместье и немецкое дворянство. Как истинный патриот России, Михаил Илларионович отказался от столь лестного предложения, о чем писал Екатерине Ильиничне: «Желает король иметь меня своим согражданином и утвердить за мною имение в Пруссии. Я его благодарил так учтиво, как надобно, сказав, однако же, что император Александр никогда не допустит, чтобы я или кто-либо из детей моих в чем-нибудь нуждался».

Кутузов вновь ошибся в оценке достоинств царя. Лишь через два года после смерти полководца царское правительство отпустило Екатерине Ильиничне сто пятьдесят тысяч рублей для уплаты долгов. Но поскольку

Михайловский замок. Гравюра. 1801.

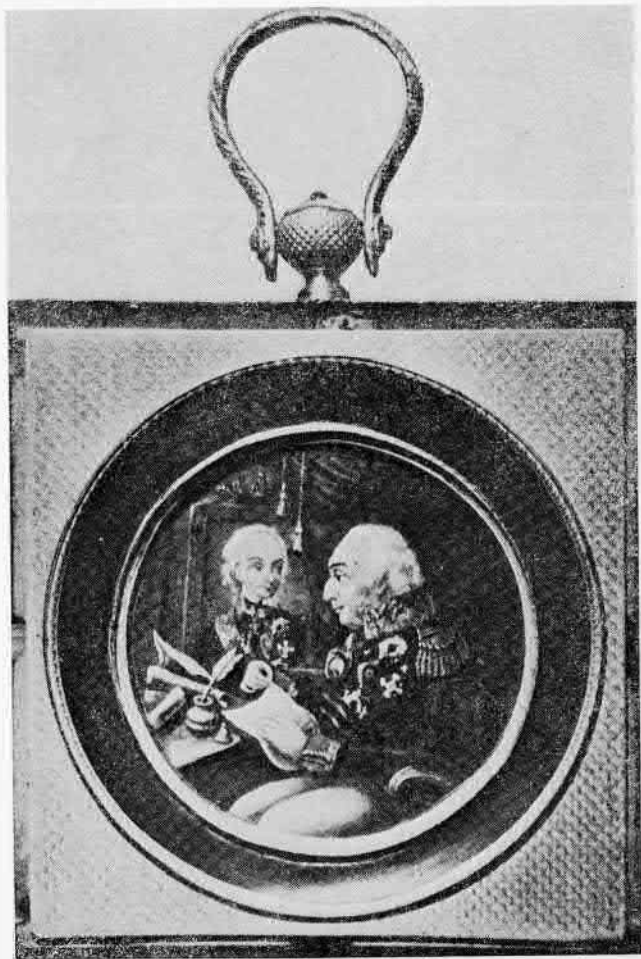
Г. Р. Державин в сенаторском мундире. Портрет работы В. Л. Боровиковского. 1811.

Нарвские триумфальные ворота.
Литография К. Бегрова по рисунку К. Сабата и С. Шифляра.
1820-е годы.

М. И. Кутузов. Портрет работы Сен-Обена. 1808—1814.

Н. Д. Кудашев, Д. Доу, 1820-е
годы.

К. Ф. Толь, Д. Доу, 1820-е годы.

Ф. Н. Глинка, Гравюра К. Я. Афа-
насьева, 1828.

М. И. Кутузов у портрета А. В.
← Суворова. Миниатюра работы
неизвестного художника, XIX век.

Барклай-де-Толли. Гравюра с портрета работы Зенфа, 1816.

Я. П. Кульнев. Портрет работы Сен-Обена, 1808—1812.

С. Х. Ставраков. Д. Доу, 1820-е годы.

А. П. Тормасов. Д. Доу. 1820-е
годы.

М. И. Платов. Д. Доу. 1820-е.

Ф. П. Уваров. Д. Доу. 1820-е
годы.

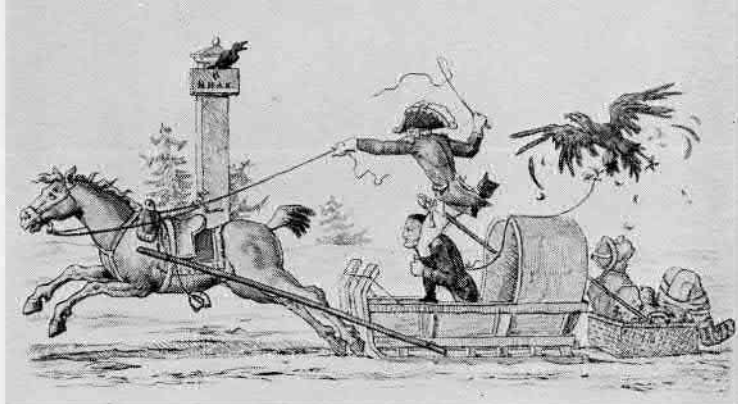

П. Х. Витгенштейн. Д. Доу. 1820-е
годы.

А. А. Биби́ков. Д. Доу. 1820-е
годы.

Бегство Наполеона из России. Карикатура Н. Требнева. 1812.

А. Н. Воронихин. Автопортрет.
Начало XIX века.

Траурная процессия с гробом М. И. Кутузова. Гравюра М. Н. Воробьева. 1814.

Могила М. И. Кутузова в Казанском соборе.

Дом в Бунцлау (ныне город Болеславец), где скончался М. И. Кутузов.

↑ Памятник М. И. Кутузову у Казанского собора.
Б. И. Орловский. 1836.

Памятник М. И. Кутузову в городе Болеславце. Возле него — группа ленинградцев. Фотография. 1948.

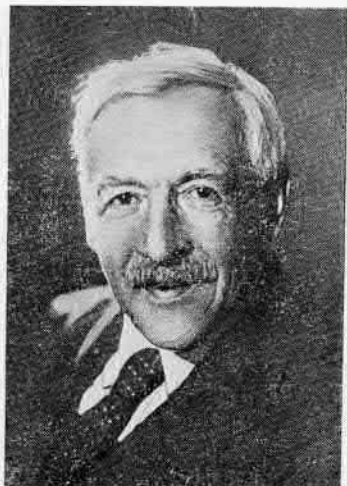
Орден Кутузова I степени.

Маршал Советского Союза
Л. А. Говоров — кавалер ор-
дена Кутузова I степени.

На бывшем кадетском плацу. Кавалер ордена Кутузова Маршал Советского Союза С. К. Куркоткин беседует с выпускниками Военной ордена Ленина академии тыла и транспорта.

Праправнук М. И. Кутузова академик Иван Иванович Толстой. Фотография, 1947.

Прапраправнук М. И. Кутузова ополченец Ленинградского фронта Иван Толстой. Фотография, 1941.

денег этих не хватило, то в августе того же года имения, ранее пожалованные Кутузову, были приобретены казной. Вдова полководца осталась без достаточных средств к существованию, уповая лишь на пожалованную ей небольшую пенсию.

Между тем тяжесть огромной ответственности Кутузова давала ему себя знать. В письмах Михаила Илларионовича в Петербург все более чувствовалась усталость: «А я все скитаюсь, окружен дымом, который называют славою. Но к чему постороннему не сделаешься равнодушным! Я только тогда щастлив, когда думаю о своем семействе...». И далее: «...Покой мне нужен, я устал, как давно мне не было покою».

В апреле 1813 года по Петербургу поползли слухи о тяжелой болезни полководца. Достигли они и дома Кутузовых. Екатерина Ильинична и дочери ее были в отчаянии.

Правда, вскоре от Михаила Илларионовича пришло письмо, но опасений за жизнь его оно не рассеяло. «Я тебе, друг мой, пишу в первый раз чужою рукою, чему ты удивишься, а может быть, и испугаешься. Болезнь такого рода, что в правой руке отнялась чувствительность перстов», — говорилось в нем.

Затем слухи пошли самые протизоречивые. Одни утверждали, что жизнь Кутузова якобы оборвалась, другие уверяли, что этого не могло быть, поскольку доподлинно известно об отдаваемых главнокомандующим приказах войскам.

«Несколько дней уже другого занятия в городе нет, как с утра до вечера друг другу посылают записки, ездят, ходят, чтобы узнать, каков князь, — писала находившемуся в свите императора государственному секретарю А. С. Шишкову его жена. — Вчера я видела княгиню (Екатерину Ильиничну. — Авт.), она очень жалка... Надеется, страшится и, кажется, сама видит, что к пустым утешениям прибегает. Дети все плачут чрезвычай-

но, и особенно Толстая (дочь Михаила Илларионовича Прасковья.— *Авт.*)».

Что же происходило в эти дни с Кутузовым?

Известно, что, преследуя врага, русская армия в апреле 1813 года вошла в Силезию. Авангард генерал-лейтенанта Ф. Ф. Винценгероде и гвардия 4 апреля вступили в город Бунцлау*.

Вместе с войсками туда же прибыли Кутузов и свита Александра I. Под штаб-квартиру главнокомандующего был выбран двухэтажный особняк майора фон дер Марка, что на углу Николаевской и Замковой улиц.

5 апреля главнокомандующий выехал на совещание русского и прусского монархов в город Гейнау. По приезде он остановился в доме неподалеку от монаршей резиденции. Весть о появлении Кутузова моментально облетела город. Направляясь на совещание, фельдмаршал был приятно поражен огромным стечением народа, горячо приветствовавшим его. Будучи человеком отзывчивым на добрые чувства, Михаил Илларионович обратился к собравшимся с речью. По-видимому, здесь, легко одетый (несмотря на сырую с дождем и снегом погоду), он и простудился. Уже в перерыве совещания фельдмаршал почувствовал недомогание.

Отправляясь в обратный путь в открытых дрожках, он еще сильнее простыл.

По возвращении в Бунцлау, почувствовав себя нездоровым, от ужина отказался, что очень удивило приближенных: несмотря на свои лета, фельдмаршал отличался «крепостью телесных сил и присутствием духа. Способность к понесению трудов воинских и всегдашняя бодрость не покидали его».

Хотя на другой день состояние его не улучшилось, Михаил Илларионович продолжал оставаться на ногах. После приема лекарств 7 апреля он почувствовал себя

* Ныне город Болеславец Польской Народной Республики.

несколько лучше и собирался переезжать совместно с главной квартирой в Дрезден, однако в самый последний момент решил задержаться еще на несколько дней до полного выздоровления.

Но 8 апреля Кутузов почувствовал себя хуже. Болезнь настолько обострилась, что он окончательно слег.

Находясь в тяжелом состоянии, главнокомандующий продолжал руководить армией: принимал донесения, отдавал распоряжения, вел переписку с царем. Однако желаемого облегчения в болезни не наступало, и 10 апреля Кутузов пишет императору: «Я в отчаянии, что так долго хвораю и чувствую, ежедневно ослабеваю. Я никак не могу ехать дальше, даже в карете. Между тем надобно стараться сколько можно поспешнее сосредоточивать армии за Эльбою».

11 апреля Михаил Илларионович, сраженный недугом, уже не мог держать в руке перо. Именно в этот день и было отправлено в Петербург то письмо, «чужою рукою писанное» и оказавшееся последним в его жизни.

Болезнь Кутузова немало взволновала монархов. Александр I присылает к фельдмаршалу своего лейб-медика Якова Виллие. К Кутузову приезжает прусский король Фридрих Вильгельм, который также оставляет у него своего личного врача лейб-медика Гуфеланда.

У постели больного к тому времени уже находились прусский лейб-медик Вибель, местный доктор Вислиценус и врач А. Малахов.

И все же, несмотря на все усилия врачей, состояние больного ухудшалось. Кутузов с каждым днем терял силы, полностью парализовало правую руку. «В продолжение болезни,— писал адъютант полковника Скобелев,— светлейший князь, несмотря на слабость сил, час от часу оскудевавших, занимался со всей твердостью духа суждениями о делах воинских и не давал в сердце своем места унынию и страданиям, но нередко со слезами жаловался на болезнь, которая отнимает у него способности

участвовать в славе предводимого им воинства. Сии жалобы были и в последние два дня, когда уже не приходил он более в память».

Поскольку болезнь главнокомандующего могла неблагоприятно отразиться на духовном подъеме, царившем в армии, то тяжелое состояние Кутузова всячески скрывали. У дома, где находился фельдмаршал, выставили круглосуточный караул. Доступ к больному ограничили. Из этих же соображений и после смерти Кутузова некоторое время различные распоряжения шли в войска от имени главнокомандующего.

Вскоре о болезни полководца узнали жители Бунцлау. Они приносили солому и устилали ею улицу напротив дома, чтобы больного не беспокоил шум постоянно проходивших войск. Они же предлагали докторам, и в частности Гуффеланду, сто тысяч талеров за исцеление фельдмаршала.

Однако положение больного было уже безнадежным.

Болезнь, определенная врачами как «нервическая горячка, осложненная паралитическими явлениями», чрезвычайно обострилась*. «Врачи истощили все свое искусство, чтобы вырвать Кутузова из когтей смерти. Но, истерзанный ранами, боями и походной жизнью, пораженный к тому же сильной простудой, организм старого фельдмаршала был уже не в состоянии справиться с болезнью».

Вечером 16 апреля в Бунцлау разразилась первая весенняя гроза. Под раскаты грома и всполохи молний, — как под артиллерийскую канонаду, — великий русский полководец скончался. Старинный особняк в Бунцлау оказался его последним пристанищем.

На следующий день доктор Вислиценус произвел вскрытие и бальзамирование тела покойного. Он конста-

* Позднее диагноз болезни Кутузова был определен как тяжелая форма полиневрита.

тировал, что «сердце в нем оказалось удивительной величины... если бы светлейший князь не имел упомянутой выше сего внутренней болезни и перенес приключившуюся ему простуду, то он жил бы до ста лет с лишним».

В тот же день часть останков покойного (внутренние органы, вынутые при бальзамировании) была помещена в небольшой оловянный гробик, изготовленный бунцлауским оловянщиком Августом Иенке, и захоронена на кладбище в Бунцлау (в трех километрах от города, у деревни Тиллендорф). Сердце же, заспиртованное в металлическом сосуде, было поставлено в изголовье гроба усопшего. Позднее на месте захоронения ближайшние из окружения фельдмаршала адъютанты Дишконец, Ефимович, Златницкий, Кожухов, Липранди, Монтрезор, Панкратов, Скобелев и врач Малахов поставили скромный памятник, выполненный бунцлауским каменотесом Бемом-младшим. На античном цоколе — обломанная колонна, увенчанная лавровым венком. Основание колонны обвивает змея (символ вечности). На столбах ограды — надписи на старославянском и немецком языках «Генерал Кутузов-Смоленский переселился из сей жизни в лучший мир 16 (28) апреля 1813 года».

Устанавливая памятник, близкие Кутузову люди, конечно, не могли предположить, что уже летом того же года французские войска, вновь овладев Бунцлау, разрушат его и надругаются над захоронением. Лишь через год проезжавший через Бунцлау генерал Ф. В. Остен-Сакен и оказавшаяся здесь же старшая дочь Кутузова восстановили скромное оформление могилы полководца*.

* Позднее, 5(17) июля 1819 года, на городской площади Бунцлау в торжественной обстановке состоялась закладка монумента «В память 16(28) апреля 1813 года здесь скончавшемуся, ранами покрытому, российско-императорскому фельдмаршалу Кутузову-Смоленскому».

Главной квартире о смерти Кутузова стало известно 18 апреля 1813 года. В «Известиях о военных действиях» сообщалось: «...сего числа получено... известие о последовавшей апреля в 16 день в городе Бунцлау кончины генерал-фельдмаршала, Главнокомандующего всеми российскими и союзными армиями, бессмертного князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, коего тело... отправлено в Санкт-Петербург, дабы было погребено со всеми, высокому званию его и навеки незабываемым Отечеству оказанным заслугам подобающими почестями».

Долго в столице, как и в других местах, слухам о смерти Кутузова не хотели верить, «каждый истинный сын отечества укреплял себя мыслью о том, что они ложны».

Официальное сообщение о кончине главнокомандующего Петербург получил 30 апреля. 1 мая горькое известие дошло до семьи полководца. В печати же некролог появился 2 мая. Петербургские издательства, зная о сложных отношениях Кутузова с царским двором, в публикациях материалов проявили большую осторожность. Сообщение было помещено лишь в «Санкт-Петербургских ведомостях» да в «Северной почте». При этом редакции ограничились перепечаткой статьи, ранее поме-

30 марта 1821 года памятник был открыт. Взору собравшихся предстал двенадцатиметровый четырехгранный чугунный обелиск, с лежащими у его подножия четырьмя стерегущими львами. На памятнике две надписи. Первая: «Кутузов. Родился 5 сентября 1745 года, умер 16 апреля 1813 года». Вторая: «До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска, но здесь положила смерть предел славным дням его. Он спас Отечество свое, он открыл путь к избавлению народов. Да будет благовословенна память героя. Ему посвятил сей скромный памятник Фридрих Вильгельм III». Затем следует перечисление орденов, которыми был награжден Кутузов.

А через сто лет со дня смерти полководца на доме, где он скончался, была установлена мемориальная доска.

щенной в «Известиях о военных действиях». С сего момента весть о смерти Кутузова «с быстротой молнии распространилась по обширной территории Государства Российского». Великая скорбь охватила Россию. Особенно тяжелой утрата была для армии. «У Англии было кем заменить Нельсона, тогда как если мы и будем искать в России и во всей Европе человека, могущего заменить Кутузова,— мы такого не найдем»,— вот мнение передовых людей русского офицерского корпуса.

Проявлением скорби простого люда было появление солдатской песни на смерть Кутузова:

Печаль-тоска, горе лютое
От очей, как ночь, гонит белый свет,
Ах, не солнышко закатилось,
Не светел месяц тучей кроется, —
Как от нас ли, от солдатухек,
Отошел наш батюшка Кутузов-князь,
Не за горы за высокие —
Отошел он от нас в мать сыру землю.
Ах, не темный бор завыл-зашумел —
Разрыдалось, слезно всплескало
Войско русское, христианское,
Как не плакать нам, не кручиниться?
Нет отца у нас, нет Кутузова.

27 апреля 1813 года город Бунцлау провожал главнокомандующего Русской армией и союзными войсками в последний путь. Впереди траурной процессии шли школьники, несшие флаги и кресты, за ними — духовенство, далее — траурная колесница с гробом, за нею — свита полководца. Замыкал шествие оркестр с «печальной» музыкой.

Праха великого полководца торжественно провезли по Европе от Бунцлау до Петербурга. И всюду, стекаясь навстречу шествию, народ выражал истинную скорбь: траурный колокольный звон, воинские эскорты, ружейная и пушечная пальба, транспаранты со словами соболезнования... Жители русских городов несли гроб с

телом Кутузова на своих плечах. «Народ несет его на плечах своих и не допускает иностранцев, которые также рвутся воздать сию последнюю почесть праху великого мужа», — писали очевидцы.

Утром 24 мая траурный кортеж был встречен родственниками и близкими друзьями покойного неподалеку от Петербурга в деревне Виконово. В тот же день с соблюдением торжественно-траурного ритуала процессия прибыла в Сергиеву пустынь — монастырь, что близ Стрельны, где была встречена духовенством, официальными представителями властей и огромным стечением народа. Сюда же прибыл от военного гарнизона «приличный почетный караул» и команда полиции «для порядка».

Победителя Наполеона, главнокомандующего русской армией и союзными войсками, генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенщикова-Кутузова-Смоленского было решено похоронить в Казанском соборе. Причиной тому послужили несколько обстоятельств.

Прежде всего, Казанский собор (строительство которого было завершено в канун Отечественной войны), будучи тогда кафедральным, являлся одним из основных официальных идеологических центров. В период всенародной борьбы с врагом, потребовавшей огромного напряжения духовных сил нации, мобилизующая роль этого центра была велика. Престиж собора возрос еще более, когда он превратился в Пантеон русской военной славы, в средоточие трофеев Отечественной войны.

Не могла не учитываться и причастность Кутузова к строительству собора, а также то, что здесь в августе 1812 года, перед отъездом его в действующую армию, был совершен важный по тем временам идеологический акт — торжественный молебен. Далее в ходе войны Кутузов отправляет настоятелю собора митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию сорок пудов русского серебра, отнятого у французов казаками

атамана Платова, с просьбой «в украшение собора изваять из серебра лики четырех евангелистов».

Правда, просьба Кутузова в полной мере выполнена не была. Модели евангелистов, изготовленные скульптором Мартосом по эскизам Воронихина, были признаны обер-прокурором по духовной части князем А. Н. Голицыным и министром просвещения графом А. К. Разумовским «чрезмерно натуралистичными». Помещение их в храме могло якобы «пагубно отразиться на нравах верующих». Потому позднее из серебра, присланного Кутузовым, был изготовлен иконостас собора.

В конце мая — начале июня 1813 года дорога из Петербурга в Стрельну была постоянно запружена великим множеством карет, верховых и пешего люда. Петербуржцы совершали паломничество в Сергиеву пустынь, где в течение семнадцати суток перед гробом Кутузова, поставленным в ковчег*, денно и нощно велась служба.

Тем временем в Петербурге заканчивались последние приготовления к встрече «гроба спасителя отечества». Для организации похорон была создана комиссия во главе с князем А. Н. Голицыным. Оформление внутреннего убранства Казанского собора осуществлялось Воронихиным. Синод совместно с императорским церемониймейстером тщательно продумал ритуал погребения. Расходы на похороны в сумме 79 061 рубль 61 копейка брала на себя казна.

Утро 11 июня 1813 года выдалось в Петербурге теплым и безоблачным. К полудню улицы и площади города, на всем пути следования траурной процессии — от реки Таракановки до Нарвских ворот, далее через Калинин мост по Садовой улице до Никольского собора, через Театральную площадь по Большой Морской и Невскому проспекту — были заполнены народом.

* Ковчег — в православной церкви — ларец для хранения реликвий и мощей.

Утром того же дня гроб с телом Кутузова был вынесен из собора Сергиевой пустыни и установлен под балдахин на колеснице, запряженной шестью лошадьми, покрытыми траурными попонами.

На границе города (у Каменного моста через реку Таракановку) колесницу встретили духовенство, родственники, официальные лица и множество народу. Здесь же находились боевые соратники полководца во главе с генералом от кавалерии А. П. Тормасовым. С Александром Петровичем Тормасовым жизнь часто сводила Кутузова. Они были соратниками в русско-турецкой войне и в польском походе. Как и Кутузов, Тормасов побывал в губернаторских креслах Киева и Риги. Смелый и прямолинейный генерал, он трижды увольнялся из армии «за дерзкие отзывы и неповиновения тем, кому был подчинен». Теперь командующий Третьей западной армией (один из претендентов на пост главнокомандующего Русской армией) провожал в последний путь своего боевого друга.

В ожидании гроба с телом Кутузова стояла в порядке, определенном ритуалом, траурная процессия.

Впереди конный отряд. За ним домоправитель полководца в траурном платье с черным шарфом через плечо. Затем десять лакеев в черных кафтанах с аксельбантами и гербами. За ними шесть офицеров в траурных кафтанах и берейтор верхом на коне, в траурном же одеянии. Далее денщики с траурным флером на шляпах и рукавах держали под уздцы трех верховых лошадей, покрытых черными попонами с нашитыми на них фамильными гербами. Снова верховой берейтор, но в цветном платье; за ним денщики (без траура) держали трех верховых лошадей под цветными попонами с фамильными гербами. Опять же берейтор верхом, а также два скорохода и двое верховых — все в траурном одеянии с аксельбантами. За ними траурная карета, заложенная шестью лошадьми, которая везла гербы, за каретой вер-

ховой берейтор в цветном платье, за коим денщики (без траура) с тремя богато украшенными верховыми лошадьми, которых они держали под уздцы, затем церемониймейстер, за ним на руках несли изображения гербов дворянского, графского и княжеского достоинства. Далее — санкт-петербургское купечество, представители ополчения, дворянство Санкт-Петербурга и губернии. Снова церемониймейстер. За ним на бархатных подушках орден: прусские — Красного Орла и Черного Орла; австрийский — Марии Терезии; российские (различных степеней) святого Иоанна Иерусалимского, святой Анны, святого Владимира, святого Георгия, святого Александра Невского, святого Андрея Первозванного. За орденами — еще один церемониймейстер, за ним певчие и духовенство. По сторонам — восемьдесят монахов в черных епанчах и шляпах с распущенным флером, в руках — горящие факелы. Наконец — «печальная колесница», под черным балдахином, заложенная шестью лошадьми под черными попонами с фамильными гербами. Лошадей под уздцы держали шесть человек в черном одеянии. Шнуры балдахина поддерживали четыре штаб-офицера из свиты Кутузова, а гроб за скобы — четыре его адъютанта. Еще четыре штаб-офицера стояли в готовности поддерживать концы покрывала над гробом. По сторонам колесницы — четыре фельдъегеря. За колесницей пешком шли близкие родственники, друзья и войска, по «уставу положенные». Завершала шествие конная команда.

По прибытии траурного катафалка гроб перенесли на колесницу и процессия торжественно тронулась в путь.

Однако в скором времени, к неопишному удивлению устроителей, столь тщательно продуманный церемониал был основательно нарушен. Нахлынувший со всех сторон народ, несмотря на сопротивление, уговоры и даже угрозы, смял эскорт, насильно выпряг из колесницы

лошадей и повез прах полководца на своих плечах. «Нужно было видеть, сколько стеклось народа из города и окрестностей; нужно было видеть, как этот добрый народ не позволил, несмотря на настояния, просьбы и даже приказания властей, чтобы дорогие останки тащили лошади... В двух верстах от города лошадей распрягли, и было много добрых и благочестивых граждан, которые пожелали везти на своих плечах драгоценный прах спасителя отечества к месту грустного назначения. Некоторые при сем заливались слезами, восклицали: „Ах ты батюшка ты наш! Защитник ты наш! Мы тебя доведем хоть на край света!“». В таком виде траурная процессия, осыпаемая цветами, со скорбными возгласами проследовала по городу. Войска, расположенные по всему маршруту следования, отдав со своей стороны «приличные воинские почести», повзводно церемониальным маршем сопровождали кортеж. Траурный колокольный звон, печальная музыка и голоса певчих плыли над шествием.

Перед Казанским собором гроб сняли с траурной колесницы, внесли в собор и поставили на катафалк, сооруженный по проекту А. Н. Воронихина.

В центре собора была воздвигнута огромная арка. В середине на возвышении — помост для гроба. К помосту вели лестничные марши с площадками. По сторонам размещены знамена — трофеи полководца. Они образовывали балдахин. Тут же стояли огромные канделябры, оформленные в виде вертикально поставленных пушек, со множеством свечей вокруг них. На ступенях и площадках стояли в последнем почетном карауле боевые соратники полководца.

В течение 11 и 12 июня множество петербуржцев и приезжих из разных мест нескончаемым потоком шли в Казанский собор.

В пятницу, 13 июня, здесь же собрались видные военные и гражданские чины, родственники и близкие покой-

ного, духовенство и представители разных сословий. Невский и улицы, прилегающие к собору, снова были запружены «великим множеством народа». После церковной литургии и надгробного слова ректора Санкт-Петербургской духовной академии архиепископа Филарета гроб с телом Кутузова, в котором находился и сосуд с сердцем, был снят с катафалка и опущен в могилу, расположенную в здании собора.

В момент захоронения Кутузова над Петербургом плыл траурный звон колоколов. Войска, стоявшие в почетном карауле, дали трехкратный орудийный и ружейный салют. Могилы были покрыты в уровень пола мраморной плитой. Затем окружена четырехугольной металлической решеткой с золочеными венками и касками на двух угловых столбах и с бронзовым золоченым фамильным гербом посередине. На стене помещена черная мраморная доска, охваченная золоченой бронзовой рамкой. Надпись на мраморе гласила: «Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Родился в 1745-м годе. Скончался в 1813-м в городе Бунцлау».

Под надписью — бронзовый золоченый щит с гербом. Над мраморной доской — бронзовый золоченый орел, держащий в клюве венок.

На стене и вокруг могилы — военные трофеи полководца: сто семь французских, итальянских, польских, немецких и персидских знамен и штандартов; три французских и два итальянских «военных значка», а также ключи от крепостей Кенигсгафен, Ченстохов, Торн, Замостье, Модлин, Авен, Штуденберг, Бред и от семнадцати городов: Аахена, Бремена, Брюсселя, Варшавы, Гамбурга, Данцига, Дрездена, Касселя, Кельна, Лейпцига, Любека, Марселя, Монса, Намюра, Нанси, Реймса и Утрехта. Здесь же находился маршальский жезл Даву, захваченный русскими войсками вместе с канцелярией и личной перепиской французского полководца.

Долго Петербург пребывал в оцепенении. Впечатле-

ние от похорон осталось неизгладимым в памяти многих его жителей. На смерть Кутузова писались стихи и сла- гались оды. Академик живописи М. Н. Воробьев посвя- тил этому событию одну из своих гравюр, запечатлев момент, когда колесница с телом Кутузова направля- лась к Казанскому собору. Препроводив ее словами:

Любовь народная твой гроб сопровождает,
Прими от нас еще сию посильну дань,
Пусть рвенье в нас к делам великим возбуждает
Твой гроб, и пусть твой дух преводит нас на брань, —

преподнес гравюру вдове фельдмаршала Екатерине Иль- ниичне. Ей же композитор Джоаккино Антонио Россини посвятил позднее одну из своих лучших кантат — «Ав- рора». Музыка этой кантаты композитор использовал также в финале оперы «Севильский цирюльник».

Русский народ потерял талантливого полководца, искусного дипломата, выдающегося политического дея- теля и великого патриота.

Позднее Александр Сергеевич Пушкин, посетив мо- гилу Кутузова, в стихотворении «Перед гробницею свя- той» напишет:

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает:
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Возвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас,

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Имя Михаила Илларионовича Кутузова, великого полководца и выдающегося дипломата, талантливого военачальника и замечательного патриота земли русской, навсегда осталось в памяти народа. Деятельности его посвящены многочисленные исследования, образ его отражен в столь же многочисленных литературных произведениях. Уже к 1912 году (к столетию начала Отечественной войны) Кутузову-полководцу и дипломату было посвящено более 2400 различных работ.

Архитектурные ансамбли, триумфальные арки иobelisksи, прославляющие подвиг русского народа и его предводителя фельдмаршала Кутузова, напоминают нам о славном боевом пути русской армии в Отечественной войне 1812 года. Особенно много их в Петербурге — Петрограде — Ленинграде.

Уже в 1814 году в честь возвращающихся из французского похода русских войск у начала Петергофского шоссе (ныне площадь Стачек) были воздвигнуты Нарвские триумфальные ворота по проекту зодчего Д. Кваренги.

Петербургцы радостно встречали здесь победителей Наполеона, своих родных и близких, солдат и офицеров столичных полков.

Двадцать лет спустя здесь состоялось открытие новых, уже «каменных» Нарвских ворот, сооруженных по

проекту архитектора В. П. Стасова. Арку их венчает колесница, запряженная шестеркой стремительно мчащихся коней. В колеснице — богиня победы с пальмовой ветвью и лавровым венком в руках. У основания ворот стоят в доспехах древнерусские витязи, на воротах золочеными буквами перечислены гвардейские полки, участвовавшие в Отечественной войне 1812 года, и места крупнейших сражений. В создании этого великолепного памятника принимали участие выдающиеся скульпторы П. К. Клодт, В. И. Демут-Малиновский и С. С. Пименов.

В 1817 году — к пятой годовщине Отечественной войны в Царском Селе по проекту В. П. Стасова были воздвигнуты Триумфальные чугунные ворота со словами на фронтоне: «Любезным моим сослуживцам»*.

Замечательным памятником является и Триумфальная арка Главного штаба, воздвигнутая по проекту зодчего К. Росси в конце 1828 года. «...Здесь все как торжественное парадное шествие, как тысячетрубный меднозвонный марш в честь победы России в войне 1812—1814 годов». На высоту в 28 метров взметнулась она вверх и изогнулась пролетом ворот над Большой Морской улицей (ныне улица Герцена), связав Невский проспект с Дворцовой площадью. Плоскости ее украшают воинские доспехи, фигуры воинов и гениев славы. Арку венчает шестерка вздыбленных коней, запряженных в колесницу со стоящей в ней богиней победы Nike. Первыми под ней прошли гвардейские полки, возвращавшиеся в Петербург «с полей сражений за освобождение балканских народов от ига Османской империи».

А 8 июля 1945 года Nike вновь осенила «венком победы» проходящих под сводами арки воинов-победителей, солдат и офицеров Ленинградского гвардейского

* Первоначально ворота были воздвигнуты вблизи Адмиралтейства в Екатерининском парке Царского Села, а в 1821 году перенесены на юго-восточную границу парка,

корнуса, возвратившихся в родной город с полей Великой Отечественной.

Здесь же, на Дворцовой площади, на высоту более 47 метров вознесся воспетый Пушкиным Александрийский столп. 30 августа 1832 года силами более двух тысяч солдат и матросов, имевших медали за Отечественную войну 1812 года, колонна была установлена на пьедестале. Для окончательного претворения замысла зодчему О. Монферрану и скульпторам Демут-Малиновскому и Клодту потребовалось еще два года напряженной работы. Вершину колонны венчает аллегорическая фигура ангела, попирающего крестом змею. Это — символ победы над врагами. Среди монументов подобного типа эта колонна — крупнейшая в мире.

25 декабря 1826 года в центре Зимнего дворца (между Белым и Георгиевским залами) была открыта Военная галерея.

Пушкин впоследствии написал:

...Толпою пестрою художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

Художники Д. Доу, А. В. Поляков и В. А. Голике представили здесь выдающихся военачальников и героев.

Главнокомандующий русской армией Кутузов изображен в полный рост, в парадном мундире. Из-под накинутой на плечи шинели видны боевые ордена. У ног полководца — барабан с лежащей на нем фуражкой-бескозыркой (в последние годы жизни Кутузов редко надевал на трижды раненную голову громоздкую форменную генеральскую шляпу). Рядом — брошенное врагом оружие.

Вдали на полотне — колонны русских войск. Фельдмаршал повелительным жестом как бы направляет их. На стенах рядом — портреты соратников.

Здесь, в помещении Военной галереи, ежегодно 25 декабря (в день полного изгнания захватчиков с земли русской) совершалось поминовение воинов, отдавших свою жизнь за отечество.

Известно, что во время пожара 1837 года внутреннее убранство Зимнего сильно пострадало. Однако портреты героев Отечественной войны остались целы. Их спасли, рискуя жизнью, подоспевшие солдаты гвардейских полков.

Для прославления бессмертных деяний времен минувших и в признательность «к заслугам нашего времени» в 1818 году принимается решение о сооружении в Петербурге памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли.

В 1829 году статуи полководцев были заказаны скульптору Б. И. Орловскому. Борис Иванович Орловский (Смирнов) происходил из крепостных. Начав свой путь простым лепщиком, вскоре благодаря таланту и трудолюбию он стал выдающимся скульптором.

Мастерскую Орловского в период работы его над образами полководцев посетил Александр Сергеевич Пушкин. Впечатления его нашли отражение в стихотворении «Художнику».

В 1836 году статуи были отлиты в бронзе мастером Василием Екимовым, а еще спустя год, при огромном стечении петербуржцев и соратников полководцев, с отдаванием воинских почестей, памятники были открыты.

При взгляде на них теперь невольно вспоминаются слова Пушкина: «Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов».

Кутузов предстает перед нами с непокрытой головой, в генеральском мундире, в плаще с фельдмаршальским жезлом в левой руке и обнаженной шпагой в правой. У ног полководца французское знамя с переломанным древком. Он весь устремлен вперед, в наступление.

На стороне пьедестала, обращенной к Невскому про-

спекту, высечена надпись: «Фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому. 1812».

В период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов это — один из трех памятников города, которые не были спрятаны в укрытие. При прохождении мимо него подразделения и части отдавали памятнику воинские почести.

В столетие Отечественной войны 1812 года на доме, где жил полководец и из коего выехал он в действующую армию, была установлена мемориальная доска (ныне набережная Кутузова, 30). Барельефы, бюсты, статуи и портреты полководца и поныне украшают многие залы дворцов и музеев нашего города.

Наиболее полное признание полководческий талант Михаила Илларионовича Кутузова получил после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Советская историческая наука по достоинству оценила его многогранную деятельность. Особую популярность личность полководца приобретает в наиболее трудный период существования Советского государства — в Великую Отечественную войну.

В июне сорок первого, как и во времена наполеоновского нашествия, над нашей Родиной нависла смертельная опасность. Так же как и Наполеон, Гитлер бросает против Советской России всю мощь покоренных и вассальных стран Европы. Тот же расчет на эффект внезапности в начале войны, с захватом стратегической инициативы и завершением войны до наступления русской зимы. То же направление главного удара — на Москву. То же вероломство относительно договорных обязательств и та же беспрецедентная демагогия в оправдание агрессивных устремлений.

В грозные дни ноября сорок первого над страной прозвучали слова Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, обращенные к воинам Красной Армии: «Пусть вдохновляет вас в этой борьбе мужественный

образ наших великих предков — Александра Невского и Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова». Речь Верховного Главнокомандующего и парад войск, проведенный буквально на глазах у рвущегося к столице врага, вызвали огромный энтузиазм в народе, в том числе у мужественных защитников блокированного Ленинграда.

Известно, что фельдмаршал Кутузов был одним из главных организаторов партизанской борьбы в Отечественной войне 1812 года, подтверждением чему служит и наставление, написанное им, — «Как партизану действовать». Опыт войны в тылу врага был широко использован советским народом в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Партизанское движение приняло поистине всенародный характер. К концу 1943 года против немецко-фашистских захватчиков сражалось свыше миллиона народных мстителей. Только в Ленинградской области действовало тринадцать партизанских бригад, имевших в своем составе тридцать пять тысяч отважных бойцов. Некоторые из партизанских отрядов носили имя Кутузова.

Следуя заветам великого полководца, в боевой строй защитников Родины в начале Великой Отечественной войны встали десятки тысяч народных ополченцев. Лето 1941 года в Ленинграде напоминало петербургское лето 1812-го. Сто шестьдесят тысяч ленинградцев вступили в ряды народного ополчения для защиты своего родного города — колыбели Великого Октября.

Еще в 1815 году декабрист В. И. Штейнгель писал о Кутузове: «Имя твое и память будет греметь в отдаленнейшем потомстве россиян, мысль о тебе смешается с понятием о любви к Отечеству — ты и по смерти будешь производить чудеса истинного героизма».

Понимая, что к числу важных факторов, предопределяющих исход вооруженной борьбы, относится мастер-

ство военачальников, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 июля 1942 года учредил специальный орден Кутузова I и II степени. Этой почетной награды удостоивались генералы и офицеры Советской Армии за блестяще разработанные и проведенные операции или искусный вывод своих войск из-под ударов противника с нанесением успешных контрударов.

Идя навстречу пожеланиям командования фронтов, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 8 февраля 1943 года учреждает также орден Кутузова III степени. В Положении об этом ордене, в частности, говорилось, что им может быть награжден офицер «за умелую разработку плана боя, обеспечившего четкое взаимодействие всех родов оружия и успешный его исход».

Учреждая ордена, Родина не только признавала полководческий талант Кутузова, но и призывала советских воинов следовать лучшим традициям русской армии, мужественно защищать свою землю от иноземных захватчиков, умножать славу нашего оружия.

Первым кавалером ордена Кутузова I степени (№ 1) за искусство в планировании и подготовке операции и умелое руководство войсками по разгрому Сталинградской группировки противника стал командующий 24-й армией Донского фронта генерал-лейтенант И. В. Галанин.

Одним из первых кавалеров ордена Кутузова II степени был командующий 58-й армией Кавказского фронта генерал-майор К. С. Мельник. Измотав и обескровив противника в районе Моздока, армия перешла в успешное контрнаступление и, взломав оборону врага, вышла в район Ейска.

Первым из награжденных орденом Кутузова III степени оказался начальник штаба артиллерии 6-й гвардейской армии полковник М. Т. Парфенов. В трудный оборонительный период Курской битвы он не только великолепно спланировал артиллерийскую контрподготовку

ку, но и проявил искусство в управлении огнем артиллерии, во взаимодействии с пехотой и танками. Противник не добился поставленных целей, потеряв более четырехсот танков и тысячи солдат.

Ордена Кутузова в годы войны были удостоены многие видные полководцы и военачальники. Среди них командующий Ленинградским фронтом Маршал Советского Союза Л. А. Говоров, член Военного совета фронта генерал-лейтенант А. А. Жданов, начальник штаба фронта генерал-полковник Д. Н. Гусев, командующие армиями генералы И. И. Федюнинский, В. З. Романовский, командир корпуса генерал Н. П. Симоняк и другие.

Тремя орденами Кутузова I степени был награжден Маршал Советского Союза Василий Данилович Соколовский. В числе удостоенных этой высокой награды, свидетельствующей о боевом мастерстве, член ЦК КПСС, заместитель Министра обороны СССР, Маршал Советского Союза Семен Константинович Куркоткин.

Всего же за годы войны кавалерами ордена Кутузова стали 6986 человек, в том числе более ста генералов и офицеров иностранных армий. Этой почетной награды были удостоены 1594 части, соединения и учреждения Советской Армии. Ордена Кутузова и ныне украшают Боевые Знамена войск Ленинградского военного округа.

Орденом Кутузова I степени был также награжден один из славных рабочих коллективов, внесший большой вклад в разгром врага и защиту колыбели Великого Октября — Кировский завод. Газета «Правда» писала: «Орден Кутузова на знамени Кировского завода означает, что наше государство приравнивает выдающиеся победы военных заводов в тылу к выигранному сражению на фронте»*.

В сентябре 1945 года советский народ торжественно

* Правда, 1945, 19 июня. Орден Кутузова был вручен находящемуся в эвакуации филиалу Кировского завода.

отметил двухсотлетие со дня рождения М. И. Кутузова. Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) были опубликованы материалы «Михаил Илларионович Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения».

Необычно выглядел в те дни истерзанный, но не покорившийся врагу Ленинград. Сотни делегаций от учреждений и различных предприятий города, тысячи ленинградцев шли 16 сентября к Казанскому собору, чтобы отдать дань глубочайшего уважения памяти Михаила Илларионовича. Могила полководца и памятник его утопали в цветах. В эти же дни набережная Жореса в Ленинграде была переименована в набережную Кутузова*.

Вечером 18 октября 1962 года, в день столетия начала изгнания французских войск из России небо Москвы, Ленинграда и других городов страны было озарено праздничным салютом.

На здании бывшей Артиллерийско-инженерной школы, где учился и учил Михаил Кутузов, была установлена мемориальная доска, а год спустя — к столетию кончины Кутузова Ленинградским монетным двором были выпущены памятная и сувенирная медали.

Об огромном внимании к личности Кутузова и о живой связи с современностью свидетельствуют многие другие факты.

Еще полыхало пламя Великой Отечественной войны, а командующий I Украинском фронтом, кавалер орденов Кутузова, Маршал Советского Союза И. С. Конев в своем приказе от 7 марта 1945 года требовал от подчиненных ему войск учредить почетный караул у могилы Кутузова в Бунцлау. Всем воинским частям, подразделе-

* В 1860 году часть Дворцовой набережной, где стоял дом Кутузовых, была переименована в Гагаринскую набережную; в 1902 году — во Французскую набережную; в 1918 году — в набережную Жореса.

вням, командам и отдельным военнослужащим при прохождении мимо могилы и памятника Кутузову отдавать воинские почести.

В ознаменование победы русского народа в Отечественной войне 1812 года в 1970-х годах в Москве был оформлен мемориальный комплекс. Помимо Триумфальной арки, в него вошли памятник Кутузову, панорама «Бородинская битва» и «Кутузовская изба». Комплекс расположен на Кутузовском проспекте столицы, а прилегающие улицы названы именами героев Отечественной войны 1812 года.

Едуших в Москву ленинградцев встречает памятник их знаменитому земляку, будя в них воспоминания как о 1812 годе, так и обо всем том, что связано с именем Кутузова в Петербурге — Ленинграде. А рядом, на Поклонной горе, где Наполеон тщетно ждал депутацию от Кутузова с ключами от Московского Кремля, ныне сооружается величественный мемориал, прославляющий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, где среди реликвий Великой Отечественной будет и Знамя Победы, поднятое над поверженным рейхстагом, с надписью: «150-я стрелковая Идрицкая ордена Кутузова II степени дивизия».

«Наполеон, вторгшийся в Россию, привел русских в Париж», — писал Энгельс *. Гитлер, повторяя Наполеона, привел советских солдат в Берлин. Слова Кутузова: «Русские не прежде пожелают вкусить сладости мира, как истребив коварного неприятеля, осквернившего своим нападением землю отцов наших» — нашли новое подтверждение.

Образ Кутузова воскрешается вновь и вновь в кинофильмах и спектаклях, в передачах радио и телевидения, в изобразительном искусстве, в литературе и монументальной скульптуре. Именем Кутузова называются

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 30.

улицы городов и колхозы, бороздит морские просторы крейсер «Михаил Кутузов». Именем Кутузова названа одна из подводных гор Южной Атлантики.

Отмечая двухсотлетие со дня рождения полководца, газета «Правда» писала: «Одно упоминание этого имени заставляет сильнее биться русское сердце. Любовь к Кутузову переходит из поколения в поколение. И как бывает с великими людьми — образ Кутузова с годами встает в нашем сознании все отчетливей и ясней и дело его предстает перед нами во все более ярком свете»*.

* Правда, 1945, 16 сентября.

Потомство Кутузова многочисленно. Но в этой книге целесообразно остановиться на судьбе одной из ветвей его фамилии.

Мы сидим в немного тесной, но уютной квартире Толстых, что на улице Профессора Попова, на Петроградской стороне нашего города. Несмотря на то что многие фамильные вещи переданы музеям, портреты, бюсты, барельефы и многое другое по-прежнему напоминают нам о Голенищевых-Кутузовых-Толстых. Связь с великим предком становится еще более ощутимой, когда всматриваешься в портреты потомков Кутузова и знакомишься с их жизнью.

Хозяйка дома, прапраправнучка полководца Людмила Ивановна Толстая, то и дело обращаясь к домашнему архиву, рассказывает:

— Моя прапрабабушка — дочь Кутузова Прасковья Михайловна была замужем за сенатором Матвеем Ивановичем Толстым. От этой супружеской четы и пошел «петербургский род» потомков полководца по женской линии.

Сын Матвея Ивановича — внук Кутузова Иван Матвеевич Толстой во второй половине девятнадцатого века занимал хлопотливую должность министра почт и телеграфа. Человек по природе своей добрый и отзывчивый на чужую беду, он обладал высокоразвитым чувст-

вом долга и хорошими деловыми качествами. Иван Матвеевич пользовался уважением своих сослуживцев. Умер он в 1867 году.

Иван Матвеевич Толстой имел трех сыновей, из которых старший, Матвей, умер двадцати четырех лет. Сыновья Иван и Дмитрий рано осиротели и остались на попечении тетки Екатерины Матвеевны Толстой, а также опекунов.

Двенадцатилетний Иван резко воспротивился желанию опекунов отдать его в Пажеский корпус, заявив о своем твердом намерении учиться в гимназии, чтобы затем поступить в университет. Младший — Дмитрий последовал примеру брата. После окончания гимназии оба они оказались студентами Петербургского университета.

Иван Иванович Толстой, с ранних лет интересовавшийся нумизматикой, на последнем курсе приступил к серьезному изысканию на тему «Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского». Труд его принес ему — двадцатичетырехлетнему ученому — заслуженное признание*.

Разносторонне развитый, он по окончании юридического факультета некоторое время прослужил в министерстве внутренних дел, занимаясь переселенцами и проявив незаурядные организаторские способности.

В 1889 году Иван Иванович целиком отдает себя служению искусству. Он принимает должность конференц-секретаря Академии художеств и в 1892 году становится вице-президентом этого учреждения.

Благодаря глубоким познаниям в археологии и искусстве, а также природной кипучей энергии Иван Иванович вскоре оказался во главе худо-

* Научные изыскания И. И. Толстого «Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского» были удостоены Уваровской премии.

жественного образования в России. В 1893 году при его деятельном участии был выработан новый устав Академии художеств, согласно которому к преподаванию в Академии были привлечены лучшие художники того времени. При его же содействии было открыто несколько новых художественных школ в провинции, работе которых он уделял много внимания.

Пожалуй, главной отличительной чертой характера правнука Кутузова было чувство патриотического долга. Оно-то и продиктовало ему необходимость принять портфель министра народного просвещения, суливший ему неблагодарный, почти каторжный труд. Будучи человеком глубоко прогрессивных взглядов (он ратовал за развитие женского образования в России, равноправие национальностей в учебных заведениях, совместное обучение мальчиков и девочек, за учреждение родительских комитетов при школе), он успел за короткий срок сделать немало полезного для народного образования в стране. Его воззрения в корне отличались от рутинно-бюрократической педагогической системы царизма.

Стоит упомянуть о весьма показательной и очень характерной детали: при роспуске кабинета Витте все министры получили либо новые назначения, либо новые ордена и другие награды. Один Толстой за свободолобие и независимость, неукротимую энергию, с которой он проводил в жизнь свои проекты, был уволен в отставку, не получив ни ордена, ни пенсии и никакого назначения.

После роспуска кабинета Витте Иван Иванович полностью посвятил себя любимой им науке. Его труды о византийских монетах и русских древностях не утратили своей научной ценности и в наши дни.

Вместе с тем Иван Иванович Толстой значительную часть времени отдавал общественной деятельности. Трудно перечислить все те общества, председателем или

почетным членом которых он был. Так, он — основатель и бессменный председатель Общества библиотковедения, председатель Общества печатного дела и других. Все эти обязанности Иван Иванович выполнял добросовестно и обстоятельно. Многогранность его общественных интересов отражают интервью по самым разнообразным и злободневным вопросам того времени, которые нашли отражение на страницах газет.

Высокоразвитое чувство общественного долга продиктовало ему — крупному ученому (труды которого были известны далеко за пределами нашей родины), человеку уже далеко не молодому, дать в 1913 году свое согласие на баллотировку в городские головы Санкт-Петербурга. Это была трудная хозяйственная и общественная работа. Летом 1913 года огромным большинством голосов И. И. Толстой был избран на этот пост и утвержден, несмотря на свои прогрессивные взгляды и убеждения.

Делу городского управления Иван Иванович отдавался целиком, урывая лишь немного времени для научных занятий. В дни войны он чуть ли не ежедневно встречал поезда с ранеными, находил теплые сердечные слова для солдат. Тяжелобольной, Толстой покинул пост городского головы в 1916 году, за несколько месяцев до своей смерти.

Сын И. И. Толстого, Иван Иванович Толстой-младший, также по окончании гимназии поступил в Петербургский университет, который окончил в 1903 году и был оставлен там хранителем Музея древностей. Вскоре он получил должность приват-доцента, а затем и профессора. С Петербургским, потом Петроградским, а затем Ленинградским университетом связана вся пятидесятилетняя деятельность праправнука Кутузова.

В 1939 году И. И. Толстой был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1946 году — действительным членом Академии наук.

Он был не только крупным ученым, но и великолепным преподавателем. Иван Иванович, так же как и его отец, обладал необыкновенным обаянием, привлекавшим к нему молодежь. Все филологи, окончившие Ленинградский университет до 1953 года, помнят его блестящие лекции по античной литературе.

Подобно своему отцу, И. И. Толстой-младший много сил отдавал общественной деятельности. В предреволюционные и революционные годы, пренебрегая научными интересами, он вел большую работу в одном из попечительств о бедных.

Во время Великой Отечественной войны Иван Иванович провел в родном городе самые тяжелые блокадные месяцы и лишь летом 1942 года с последним эшелонном Академии наук выехал в Казань, где работал до конца войны. Заслуги его были дважды отмечены высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

У Ивана Ивановича Толстого-младшего было двое детей — дочь Людмила и сын, так и не успевший стать Иваном Ивановичем. Он оказался среди тех молодых людей, совсем еще юных, на которых возлагалось много надежд, но война оставила их на полях сражений. Студент химического факультета университета, он ушел добровольцем в ряды народного ополчения. Защищая наш город от фашистских захватчиков, восемнадцатилетний прапраправнук Кутузова пал смертью храбрых на Пулковских высотах. Он мог бы стать талантливым химиком и крупным ученым. Но история внесла поправку в его судьбу.

В свою новую и трудную военную жизнь юноша Толстой вошел легко, приняв ее как единственно возможный для него путь, больше всего боясь каких-либо поблажек, хотя среди ополченцев-командиров были ученики его отца, которые рады были бы скрасить какой-нибудь мелочью нелегкую фронтовую жизнь солдата.

От Вани осталась тоненькая пачка пожелтевших писем, писанных карандашом и затершихся по краям. Нет в них ни одной громкой фразы, но в каждой строчке, полной заботы о родных, за простыми будничными словами стоит человек, готовый в трудную минуту без колебания отдать свою жизнь за Родину.

Людмила Ивановна Толстая — филолог-славист, переводчик с чешского языка и преподаватель Ленинградского государственного орденов Ленина и Трудового Красного Знамени университета имени А. А. Жданова — ныне на пенсии.

Потомки М. И. Кутузова по линии его других дочерей живут не только в Ленинграде, но также в Москве, в других городах нашей страны и за рубежом.

Легенда о сердце Кутузова, якобы захороненном в Бунцлау, живет до сих пор. Причин тому несколько.

Солдаты Кутузова хотели верить, что сердце свое полководец оставил с ними. С тех пор многие принимают могилу с захоронением части останков Кутузова на кладбище Тиллендорф за место погребения его сердца. Способствуют этому лаконичные, но не очень ясные для непосвященного надписи на могильной ограде и местная молва.

Немаловажное значение для жизни легенды имеет та исключительная популярность, какой пользуется полководец в народе до сих пор.

Небезынтересно отметить, что еще в 1913 году в связи со столетием со дня смерти полководца на заседании Военно-исторического общества Москвы специально рассматривался вопрос о возвращении сердца Кутузова из Бунцлау в первопрестольную «для захоронения оного в храме Христа-спасителя».

Казалось бы, легенда должна была рассеяться после вскрытия могилы М. И. Кутузова в Казанском соборе 4 сентября 1933 года в присутствии комиссии под председательством директора Музея истории религии и атеизма профессора В. Г. Богораза-Тана. Но содержание

акта широкой огласки не получило, и легенда продолжала свой путь.

В годы Великой Отечественной войны, когда патриотический подвиг великого полководца и его соратников был вдохновляющим примером для советских людей в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, поднялась новая волна распространения легенды.

В феврале сорок пятого советские люди с нетерпением ожидали сообщений о действиях войск, развивавших наступление на Бунцлау. 12 февраля город был взят.

В тот же день начали поиск дома, где скончался великий полководец, и могилы, где якобы захоронено его сердце.

Было известно, что до прихода к власти фашистов память о Кутузове здесь всячески оберегалась. Но фашисты стремились вытравить из памяти людей как благородный подвиг русского народа, так и боевую дружбу русской и немецкой армий, зародившуюся в борьбе против общего врага.

12 февраля, в конце дня, у могилы с частью останков Кутузова на кладбище Тиллендорф состоялся митинг, где воины поклялись донести Боевые Знамена до Берлина, а в 132-ю годовщину со дня смерти полководца здесь была установлена мраморная доска с надписью: «Великому патриоту земли русской фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Голенщеву-Кутузову в день 132-й годовщины его смерти. От воинов Красной Армии, 12 февраля вступивших в город Бунцлау».

В доме, где скончался фельдмаршал, 28 апреля 1945 года был открыт музей, посещаемый и поныне многочисленными экскурсантами. В создании музея активное участие принимали находившиеся в ту пору в войсках слушатели Ленинградской военно-транспортной академии. При их участии, по проекту слушателя академии техника-лейтенанта М. Гиля, был построен экс-

курсионный дом у памятника полководцу. В музее и поныне советские люди — частые гости, среди них немало ленинградцев.

В двухсотлетие со дня рождения Кутузова на кладбище Тиллендорф была воздвигнута Триумфальная арка. От воинов Северной группы войск у могилы с частью останков Кутузова была установлена мемориальная доска с высеченным на ней лавровым венком и пятиконечной звездой, в середине которой написано: «200 лет». На доске надпись: «Великому русскому полководцу Михаилу Илларионовичу Кутузову». Здесь же, на могилах советских воинов-освободителей, под звуки Государственного гимна Советского Союза и под артиллерийский салют был открыт памятник-обелиск.

Тысячи людей шли в освобожденный Советской Армией Бунцлау поклониться «сердцу Кутузова». Молодые воины принимали здесь присягу на верность отчизне. Люди горячо верили, что под могильным холмиком на кладбище Тиллендорф покоится сердце полководца. Здесь, на трогательно украшенном цветами постаменте, был установлен транспарант со стихами неизвестного поэта:

*Среди чужих полей, ведя на подвиг правый
Суровый строй полков своих,
Ты — памятник бессмертной русской славы
На сердце собственном воздвиг!
Но не умолкло сердце полководца!
И в грозный час оно зовет на бой,
Оно живет и мужественно бьется
В сынах Отечества, спасенного тобой!
И ныне, проходя по боевому следу
Твоих знамен, пронесшихся в дыму,
Знамена собственной победы
Мы клоним к сердцу твоему!*

Легенда о сердце Кутузова, якобы захороненном в Бунцлау, не только получила широкое распространение в художественной литературе, но проникла и на стра-

ницы 24-го тома Большой Советской Энциклопедии (2-е издание). Там говорилось о Кутузове: «16 (28) апреля 1813 г. он скончался в небольшом силезском городке Бунцлау, где похоронено его сердце».

В 1963 году, в связи со столятием со дня смерти Кутузова, в четвертом номере «Военно-исторического журнала», в статье Н. Красникова и Я. Шурыгина «Последние дни жизни М. И. Кутузова» на основе подлинных документов были описаны последние дни жизни полководца и его похороны. Казалось бы, никаких сомнений относительно сердца Кутузова, действительно захороненного в Казанском соборе, уже не могло возникнуть. Тем более что позднее в «Ленинградской правде» от 10 июня 1977 года были помещены воспоминания Б. Н. Сократилина, присутствовавшего при вскрытии могилы полководца. Он писал: «...Мы спустились в подвал, пробили отверстие и прошли внутрь склепа. На небольшом возвышении стоял гроб. Мы сдвинули крышку. Перед нами лежало тело Кутузова, облаченное в зеленый мундир с золотыми эполетами. У головы Кутузова я увидел сосуд из серебристого металла. С трудом отвинтили крышку. В сосуде, заполненном прозрачной жидкостью, лежало сердце. Сердце Кутузова!»

Однако спустя несколько лет в четвертом номере журнала «Польша» мы могли прочесть: «В предчувствии кончины Кутузов выразил свою последнюю волю: он просил перевезти его тело на Родину, а сердце похоронить на месте, на Саксонском тракте, дабы видели солдаты — сыны России, что сердцем он остается с ними. Предсмертная воля его была исполнена».

В этом же уверяют посетителей и экскурсоводы Болеславецкого музея Кутузова.

Чтобы рассеять последние сомнения, приведем документ:

Ленинград, 1933, сентября 4 дня. Комиссия в составе: директора Музея истории религии Академии наук СССР — проф. Богораза-Тана В. Г., ученого секретаря музея Баканова В. Л., завед. фондами музея Воронцова К. К., в присутствии представителя от П.П.ОГПУ тов. Бороздина П. Я. составили настоящий акт о нижеследующем:

Вскрыт склеп, в котором захоронен Кутузов М. И. Склеп находился в подвальном помещении музея. По вскрытии склепа обнаружен сосновый гроб (обтянутый красным бархатом с золотым позументом), в котором оказался цинковый гроб, завинченный болтами, внутри которого обнаружен костяк с остатками сгнившей матери. Слева в головах обнаружена серебряная банка, в которой находится набальзамированное сердце. Весь процесс вскрытия был зафотографирован — было произведено 5 снимков.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах...»

Далее идут подписи директора музея, ученого секретаря, заведующего фондами и представителя П.П.ОГПУ*.

Итак, документ опубликован. Но будет ли жить легенда? Ведь легенда живет, пока она нужна людям...

* Архив Государственного музея истории религии и атеизма, Л., колл. 4, оп. 4, д. 10.

**ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
М. И. КУТУЗОВА В ПЕТЕРБУРГЕ — ЛЕНИНГРАДЕ**

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние
1752— 1757	Дом директора Морского шляхетского кадетского корпуса. Васильевская часть, двор Морского шляхетского кадетского корпуса	Васильевский остров, набережная Лейтенанта Шмидта, 17. Территория Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе	Не сохранился
1750— 1812	Морской шляхетский кадетский корпус. Васильевская часть, набережная Большой Невы, дворец фельдмаршала Миниха	Васильевский остров, набережная Лейтенанта Шмидта, 17. Здание Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе	Дворец сгорел. Сохранились здания, построенные в 1796—1798 годах
1757— 1761	Артиллерийско-инженерная школа. Петербургская часть, Большая Спасская улица и набережная реки Ждановки	Петроградская сторона, улица Красного Курсанта 14—18; Набережная Ждановки, 13. Здания Военного Краснознаменного инженерного института имени А. Ф. Можайского	Сохранились частично

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние
1762— 1812	Военная коллегия. Здание Двенадцати коллегий, 4-й корпус от Невы	Васильевский остров, Университетская набережная, 7/9, Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова	Сохранилось с частичной перестройкой
1784— 1812	Дом Кутузовых. Дворцовая набережная	Набережная Кутузова, 30	Сохранился. Перестроен внутри
1792— 1794, 1797	Коллегия иностранных дел. Английская набережная, 32	Набережная Красного Флота, 32	Сохранился
1794— 1797	Флигель Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Васильевская часть, Кадетская линия	Васильевский остров, Съездовская линия, 3	Частично перестроен
1794— 1797	Сухопутный шляхетский кадетский корпус. Меншиковский дворец, Васильевская часть, набережная Большой Невы	Васильевский остров, Университетская набережная, 15. Флиал Государственного Эрмитажа	Восстановлен в первоначальном виде
1801— 1802	Канцелярия военного губернатора Санкт-Петербурга. Казенный дом военного губернатора между Гороховой улицей и Исаакиевской площадью	Мойка, между Красным и Синим мостами, четная сторона	Не сохранился

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние
1801— 1802, 1812	Казармы лейб-гвардии Семеновского полка. Загородный проспект, Семеновский полковой двор и казармы	Дома по Рузовской, Можайской, Берейской, Подольской, Сортировочной, Бронниковой улицам, а также Загородный проспект, 46, 48	Здания не сохранились или капитально перестроены
1801— 1802, 1812	Казармы лейб-гвардии Преображенского полка. Кирочная улица	Улица Салтыкова-Щедрина, 31—39	Сохранились. Частично перестроены
1801— 1802, 1812	Казармы лейб-гвардии Измайловского полка. Нарвская часть, 1-й квартал, Измайловские роты	Район Измайловского проспекта и Красноармейских улиц	Здания не сохранились или капитально перестроены
1801— 1802	Казармы лейб-гвардии Кавалергардского полка. Квартал между Шпалерной, Захарьевской, Таврической и Воскресенской улицами	Улица Воинова, 41—43	Сохранились
1801— 1802	Казармы лейб-гвардии Конного полка. Между Адмиралтейским каналом, Новонисакиевской улицей и Конвогвардейским переулком	Бульвар Препсоюзов, 4	Сохранились в частично перестроенном виде
1801— 1802	Казармы Гренадерского полка. Набережная Карповки	Петроградская набережная, 44, набережная Карповки, 2	Сохранились в перестроенном виде

Годы	Исторический адрес	Современный адрес	Состояние
1812	Дворянское собрание Санкт-Петербурга. Невский проспект, 30	Невский проспект, 30, Малый зал имени М. И. Глинки Ленин- градской государ- ственной филармонии имени Д. Д. Шоста- ковича	Сохрани- лось с ча- стичной пе- рестройкой
1800— 1801, 1812— 1813	Казанский собор. Ка- занская площадь	Казанская пл., 1	Сохранился

Михаил Илларионович Кутузов (К 200-летней годовщине со дня рождения). Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). М., 1945.

Алпатов Н. И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатского типа. М., Учпедгиз, 1958.

Аляничков К. И. Генерал-фельдмаршал, светлейший князь Михаил Илларионович Голенщев-Кутузов-Смоленский, русский народный герой. Вильна, 1913.

Апаксин А. Казанский собор. Спб., 1911.

Апухтин В. Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну 1812 г. Т. I, ч. 1—2. М., 1912.

Бантыш-Каменский Д. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Спб., 1840—1841, ч. 3.

Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей Русской Земли. Ч. I. Спб., 1847.

Бартенев А. Биографии генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов Российской императорской армии. Спб., 1912.

Бутовский И. Фельдмаршал князь Голенщев-Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. Спб., 1858.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., АН СССР, 1951.

Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Спб., 1859—1860, тт. I—III.

Висковатов А. Краткая история 1-го кадетского корпуса. Спб., 1832.

Глинка В. И. и Памарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1961.

Военная галерея Зимнего дворца. Спб., 1846.

Лалаев М. С. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. М., 1910.

- Дорман М. А.* 1812. Оборона путей на Петербург. М., 1847.
- Елчанинов А. Г.* История военного искусства. Войны Бонапарта и императора Александра I. СПб., 1909.
- Жилин П. и Ярославцев А.* Бородинское сражение. М., Воениздат, 1952.
- Жилин П. А.* Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., Воениздат, 1950.
- Жилин П. А.* Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., Воениздат, 1953.
- Жилин П. А.* Разгром турецкой армии в 1811 г. М., Воениздат, 1952.
- Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., Воениздат, 1968.
- Жилин П. А.* Кутузов. М., Воениздат, 1978.
- Жерве Н. П. и Строве В. Н.* Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712—1912 гг. Т. I, СПб., 1912.
- Коробков Н.* Кутузов. М., Госполитиздат, 1943.
- Липранди И. П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы, или Кому и в какой степени принадлежит честь этого дня. Извлечение исключительно из анонимных писателей. М., 1867.
- М. И. Кутузов.* Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова. М., Воениздат, 1947.
- М. И. Кутузов.* Документы. Т. I—V. М., Воениздат, 1950—1956.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 г. 3-е изд. СПб., 1843.
- Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898.
- Мушков М.* Кутузов-дипломат. М., Госиздат, 1962.
- Панаев В. И.* Историческое похвальное Слово светлейшему князю Голенцишеву-Кутузову-Смоленскому, читанное в С.-Петербургском военном обществе любителей словесности. Декабря 5 дня 1821 года. СПб., 1823.
- Полевой Н.* Русские полководцы, или Жизнь и подвиги российских полководцев от времени императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., Т-во Жеряков, 1845.
- Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1903.
- Синельников Ф.* Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенцишева-Кутузова-Смоленского с достоверным описанием частной или домашней его жизни... и с присовокуплением анекдотов, где виден дух сего великого мужа. Ч. I—VI. СПб., 1813—1814.

Скобелев, Краткое описание кончины его светлости князя Смоленского и встречи, какие деланы были при перенесении тела его из Бунцлау, что в Силезии, в Санкт-Петербург 29 июня 1813 года. Гос. Публ. библи. имени Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел, собрание Тихонова, № 616.

Тарле Е. В. Бородино. М., АН СССР, 1962.

Тарле Е. В. Две отечественные войны. М.—Л., Госвоенмориздат, 1941.

Тарле Е. В. Наполеон. М., Госполитиздат, 1942.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию 1812 г. М., Госполитиздат, 1943.

Тарле Е. В. Освобождение России от нашествия Наполеона. М., Госвоениздат, 1938.

Тарле Е. В. Отечественная война 1812 г. в Михаил Илларионович Кутузов. М., Воениздат, 1946.

Тарле Е. В. Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона. М., Госполитиздат, 1941.

Толь Е. И. Генерал-квартирмейстер Карл Федорович Толь в Отечественную войну. М., 1912.

Шишков Н. П. Воспоминание о князе Смоленском М. И. Голешищеве-Кутузове. М., 1866.

Штейнгель Б. В. Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах с кратким обзорением всех происшествий во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся и с подробным описанием осады и взятия Данцига. СПб., 1814—1815, ч. 1—2.

Военно-исторический сборник, 1912, № 3.

Военно-исторический журнал, 1941, № 6—7; 1952, № 3; 1963, № 4.

Военный вестник, 1950, № 15; 1953, № 8.

Вопросы истории, 1952, № 3; 1962, № 9.

Нива, 1913, № 17.

Отечественные записки, 1822, № 28—29.

Офицерская жизнь, 1911, № 286, 289, 291, 300.

Русская старина, 1870, № 3—4; 1871, № 1—2; 1872, № 2, 4, 5; 1874, № 9—10, 12; 1894, № 10—12; 1896, № 9.

Русский вестник, 1814, № 1.

Санкт-Петербургские ведомости, 1812. Известия о военных действиях. Прибавление.

Северная почта, 1812, № 67, 70, 75—77; 1813, № 7.

Северная пчела, 1853, № 151, 152; 154—155.

Известия, 1937, 10 июня; 1942, 30 июня; 1945, 16 июня; 1948, 22 мая.

Красная Звезда, 1943, 28 апреля; 1945, 16 сентября; 1949, 3 июня; 1951, 4 апреля; 1981, 30 сентября.

Правда, 1937, 10 июня; 1945, 16 сентября; 1945, 19 сентября.
Ленинградская правда, 1981, 17 мая.

ЦГИА СССР, Л., фонды: Собрание именных указов, кн. 354; Департамент Герольдии Сената, ф. 13431, оп. 120, д. 142—3; Собрание именных указов, ф. 1329, кн. 355.

ГМИРА. Л., колл. 4, оп. 4, д. 10. *Богусловский Г. А.* Последние дни жизни, смерть и похороны Кутузова. Рукописный отдел.

СОДЕРЖАНИЕ

«...Великим генералом будет»	5
Директор Кадетского корпуса	28
Губернатор Петербурга	93
Начальник Санкт-Петербургской военной силы .	117
«...Ты встал — и спас»	146
В памяти народной	175
<i>Потомки М. И. Кутузова в Петербурге — Петро-</i> <i>граде — Ленинграде</i>	186
<i>Легенда о сердце Кутузова</i>	192
<i>Памятные места жизни и деятельности М. И. Ку-</i> <i>тузова в Петербурге — Ленинграде</i>	197
<i>Литература</i>	201

Мелентьев В. Д.

М47 Кутузов в Петербурге.—Л.: Лениздат, 1986.—205 с., ил.— («Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге — Петрограде — Ленинграде»).

Историко-краеведческий очерк посвящен жизни и деятельности Михаила Илларионовича Кутузова в Петербурге.

Автор, военный историк, знакомит читателей с юностью будущего полководца, с деятельностью его на постах директора Кадетского корпуса, губернатора столицы, начальника петербургского ополчения, с характером связей Кутузова со столицей в периоды пребывания его в военных походах и дипломатических миссиях, с семьей полководца и его окружением.

Книга может служить путеводителем по памятным местам города, связанным с именем полководца.

М $\frac{1304010000-174}{M171(03)-86}$ 162-86

63.3(2)я2

Владимир Дмитриевич Мелентьев

КУТУЗОВ в Петербурге

Заведующая редакцией А. М. Березина. Редактор Л. Е. Кошечкина. Художник Л. А. Чепец. Художественный редактор А. К. Тимошевский. Технический редактор И. В. Буздалева. Корректор Н. В. Абалякова

ИБ № 3381

Сдано в набор 11.06.86. Подписано к печати 04.11.86. М-29771. Формат 70×108^{1/2}. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10+вкл. 1,40. Усл. кр.-отт. 10,94. Уч.-изд. л. 9,13+1,09=10,22. Тираж 50 000 экз. Заказ № 451. Цена 90 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

В 1986 году
в серии
«Выдающиеся деятели науки и культуры
в Петербурге — Петрограде — Ленинграде»
вышли из печати:

О. П. Ворсонова
Кунджи в Петербурге

К. Б. Пиотровский
Лебедев
в Петербурге — Петрограде — Ленинграде